

ЕЛЕНА БАРЛОУ

ДОБРОВОЛЬНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

ДОБРОВОЛЬНАЯ
ЗАВИСИМОСТЬ

Annotation

Конец XIX века, Уэльс. Отставной капитан, ныне успешный предприниматель Джейсон Готье, планирует жениться на девушке из обедневшей семьи... Она, между тем, уже задумала выйти за другого, но все планы могут рухнуть из-за настойчивого богача.

Глава 1

Бесконечная мелодия, воспроизводимая моей сестрой в соседней гостевой комнате, уже порядком надоела нам в тот вечер: пожалуй, и пятнадцати минут игры Коллет на фортепиано хватило бы с лихвой, но так нет! Она, видимо, решила довести нашего отчима до белого каления.

— Останови эту какофонию звуков, Коллет! — рычал отчим, бывший когда-то камердинер графа Ростера из Ньюпорта, проходя мимо моей сестры. — Иначе я возьмусь за топор и сломаю инструмент к чертям...

Далее следовала целая бравада из непередаваемого французского слога, над которой мы вдвоём обычно смеялись. Но последние несколько недель мистер Брам был особенно раздражён, едва ли не зол! Лично я списывала его мрачное настроение на мамин отъезд в госпиталь и её продолжительную болезнь. Отчим очень любил нашу матушку, обожал её безмерно, отчего мы с Коллет его так искренне уважали.

Со своего места я видела только краешек платья Коллет, но была уверена, что она улыбается столь же лукаво, как и я. Играть она перестала, а я вновь сосредоточилась на чтении сборника писем сэра Кольвилла к своему коллеге — доктору Руссо из Америки. Коллет, как и всегда, подошла ко мне бесшумно и присела рядом на низкий подоконник, обитый потрёпанным покрывалом в заплатках.

— Ах, как он торопится, бедолага! — заговорчески произнесла сестра и сдунула с оконной рамы мошку. — Уверена, будь маменька дома, он бы так не пылил.

— Зря ты его дразнишь, — ответила я, не отрываясь от чтения. — Он крайне раздражён в последнее время. Скажи спасибо, что он не знает о твоём драгоценном офицере. А то взял бы тот самый топор и...

При упоминании о мистере Рэтморе сестра вся раскраснелась и совершенно смутилась. Естественно, отчим не знал, что Коллет влюблена в офицера, племянника пастора. Узнай он об этом, то разразился бы гневной тирадой о том, что для подобной любви нет места при нашем положении. Сама же сестра была далеко не глупышкой и понимала, что благополучное будущее браком с офицером она себе не обеспечит.

— Но он такой красивый! — вздыхала на мои замечания Коллет. — И он любит меня! А я — его... Ах, Кейтлин, тебе нас не понять. Мне всё равно, из какой он семьи. Скоро он сделает мне предложение.

«Ох, как я в этом сомневаюсь!» Но вслух высказать свою мысль не посмела, мне не хотелось расстраивать Коллет. Мистер Рэтмор был слишком молод, слишком беспечен и слишком зависим от своего дядюшки, известного брюзги. Несмотря на все замечательные, исключительно положительные отзывы о приходе во владениях графа Кренстона, моё мнение о мистере Рэтморе оставалось неизменным: этот, по сути, безвольный юноша ничего не даст моей сестре. Однако, она любила его и... Что ж, мне действительно их не понять.

Как-то за ужином, когда отчим был, пусть и не в добром расположении духа, но хотя бы не ворчал, нам пришлось затронуть одну из тем, которая волновала и касалась меня непосредственно.

— Наша ситуация всё хуже и хуже, — нагнетал мистер Брам. — Денег едва хватает на содержание вашей матушки в госпитале. Боже, только бы всё это не исчезло за зря!

Мы с сестрой переглянулись, но предпочли тактично промолчать. Отчим не хотел

оскорбить ни свою жену, ни нас, я уверена. Однако, видимо, его настроение было совершенно испорчено, и даже подобные необдуманные фразы, брошенные с горяча, приобретали жуткий смысл.

— Мало того, что ты, Коллет, отвергла уже три предложения за этот сезон, так ещё и твоя сестра ставит нас в неловкое положение!

— Папа, пожалуйста, не стоит, — Коллет звякнула по тарелке прибором и чуть повысила голос. — Кейт сдаст этот экзамен и уедет. Разве не этого ты так жаждешь? Станет меньше на один голодный рот.

Я едва сдержала улыбку, поэтому тут же взяла бокал и поглядела, как отчим покраснел и смутился.

— Кажется, для полного счастья вам, мистер Брам, не хватает сосватать Коллет за какого-нибудь джентльмена, тогда в доме станет на целых два голодных рта меньше.

Сестра откровенно засмеялась, и я позволила себе улыбнуться, когда отчим пробубнил что-то о «несносных девчонках» и поспешил наполнить рот картофельным пюре.

Но, к моему огромному сожалению, шутки в тот вечер закончились. Отчим всегда негативно относился к моему творчеству и желанию продолжать учёбу, и так протекали дни нашей жизни: мистер Брам осуждал мои планы на будущее, а я упрямо погружалась в чтение учебников и специальных пособий, которые мне удалось раздобыть в библиотеке при церкви.

— Представь себе ситуацию, дорогая Кейтлин, — не унимался отчим, и до того увлёкся своей речью, что напрочь позабыл об остывших варёных овощах в тарелке. — Твоя сестра не выйдет замуж, и кто же будет содержать её и вашу матушку? После смерти этого старого чёрта Ростера мне достались лишь объедки! Мой банк в Олнвиле лопнул. Это конец! Думаешь, так я смогу потянуть нас троих и, к тому же, оплачивать твоё обучение? Придётся продать дом... Хочешь, чтобы мы переселились в какой-нибудь вшивый коттедж?

— Чего вы от меня хотите? — я чувствовала, как злость овладевает мною, но старалась держаться.

— Чтобы ты бросила эти бесполезные занятия, книги и глупые стишки, и взялась, наконец, за ум.

— Предлагаете мне единственный, по вашему мнению, выход? Замуж выйти?!

Я резко поднялась, едва не опрокинув бокал на стол, и вцепилась пальцами в дубовую поверхность. Мой взгляд был прикован к лицу отчима, и я отчаянно желала, чтобы он увидел мою решимость и неотвратимость того, что я задумала. Он должен был понять! Обязан был! Ах, как жаль, что мамы не было со мной!

Я забыла о том, что рядом сидит сестра и беспокойством глядит на нас. Если бы она попросила меня замолчать, я бы уже не смогла остановиться:

— Мистер Брам, когда же вы поймёте, что меня не интересуют браки? И я не выйду замуж! Всё, чего я хочу, это сдать экзамены и уехать в Кардифф, чтобы стать свободной. Стать тем, кем я сама захочу стать, а не тем, кого вы желаете из меня слепить!

Это была наша первая крупная ссора после отъезда матери в госпиталь. Я оставила сестру и отчима одних, сама же, гордо вскинув голову, вышла из столовой. Возможно, мне не стоило говорить с ним так грубо, но ведь иначе не докричишься. Матушка всегда говорила: «в глубине души все без исключения мужчины любят покорных женщин». Что ж, кажется, мне суждено до конца своих дней оставаться нелюбимой...

Поскольку Глиннет был небольшим городом, граничащим, однако, с железной дорогой, что пересекала добрую часть Уэльса и петляла через деревушки напрямик в Англию, любые сплетни и слухи здесь распространялись с невероятной скоростью. И, если раньше соседи знали всё о ваших приемлемых доходах, то они наверняка узнали бы и о полном вашем банкротстве. Правда, некоторые вопросы всё же оставались: например, как с таким минимальным достатком они ухитрились содержать больную мать семейства в госпитале столь продолжительное время? Или до сих пор отстаивать своё жильё? Или, пусть и скудно, но ежедневно питаться?

Все эти вопросы и меня затронули, в особенности одним ранним воскресным утром. Ситуация нашей семьи вновь напомнила о себе и больно кольнула по моей гордости в лице миссис Пиншем — вдовы, живущей с тремя скай-терьерами через пару домов от нас. Как и я, она любила прогулки по аллеям парка, когда солнце едва поднималось и не успевало отогреть землю.

Мы как раз проходили мимо ручья, когда вдова задала мне очередной свой прямой вопрос, а впереди резвился Бобби — её любимый терьер.

— Что же вы намерены делать? Всё это так печально, дорогая, — сочувственно звучал её звонкий голос. — Сначала ваша магушка слегла, а теперь эта отвратительная банковская афера! Мистер Брам, конечно, человек сообразительный, и не даёт вам опуститься.

— Он, скорее, сам себе найдёт покровителя, чем позволит всем нам опуститься, — ответила я.

Бобби обожал приносить палочку, и я время от времени бросала ему сухую ветку. Пока пёс рассекал высокую траву у ручья, его хозяйка продолжала развивать свою мысль и, как оказалось, мою мысль тоже:

— Ах, значит, мистер Брам задумал выдать Коллет замуж! Какая новость! Давно пора. А ведь люди всё видят.

— Видят что?

— Её и мистера Рэтмора, конечно! — вдовушка так разволновалась, что её чепец и шляпка почти съехали на бок. — Все эти взгляды на службе в церкви, касания и улыбки. Какая вульгарность!

Я засмеялась в сторону, чтобы не вызвать у несчастной женщины негодование, однако, от неё не ускользнуло моё равнодушие.

— Милочка, зря ты так потакаешь этим отношениям.

— А почему вы решили... Коллет всё равно старше меня, и она вольна делать, что захочет.

— Лучше послушай того, кто действительно сведущ в подобных делах, дорогая, — сказала миссис Пиншем и вдохнула побольше воздуха. — У твоей сестры нет приданого, у мистера Рэтмора нет собственных средств для создания семьи! Все знают, что он зависим от своего дядюшки! Господь один знает, отчего старик так скуп — он не даст одобрения их союзу. Люди станут осуждать их... и твою сестру тоже!

Я промолчала, опустив глаза и посмотрев на томик стихотворений лорда Байрона, который держала в руках. Не могла я не вспомнить и один из недавно прочитанных мною романов мисс Джейн Остин — точно оживала её история! Только что-то мне подсказывало, что в реальности, в самом конце, никто счастливым не останется.

— Ты слушаешь меня, девочка? — строго произнесла миссис Пиншем, и я сделала вид, что увлечена её речью. — Так вот, злые языки не перестанут осуждать Коллет. Тебя это тоже

касается! Ах, что задумала! Уехать в Кардифф — учиться! Нонсенс!

— Я просто сдам экзамены, миссис Пиншем, — ответила я, сдержанно улыбаясь. — Это новое заведение, и никто не может знать точно, попаду ли я туда, нужно ли будет платить...

— Ох уж мне этот прогресс! Самостоятельность не доведёт до добра такую юную особу...

— Но времена, когда девушку заставляли выйти замуж против её воли, давно прошли, — мне пришлось говорить громче, иначе я боялась, что она меня попросту не услышит. — Я не собираюсь замуж, и Коллет не станет слушать отчима. Нам не нужны покровители, миссис Пиншем. Кстати, вам ещё не приходилось путешествовать поездом?

— Девушки останутся старыми девами до конца своих дней! — заохала пожилая вдова, игнорируя мой вопрос. — Ни денег, ни наследников, ни-че-го!

— Нам с Коллет так и не удалось покататься! Говорят, это так волнующе!

— И как ты собираешься зарабатывать себе на жизнь? — не унималась она. Её бледные щёки покрылись заметным румянцем. — Неужели хочешь помереть в нищете и одиночестве, как эта несчастная мисс Остин? Подумать только, жить на одни средства от... записок! И кто продолжает читать её?!

— ... Софи Торстен прокатилась две станции до самого города и сказала, что это было удивительно и страшно! Возможно, я тоже сяду на поезд и возьму Бобби с собой.

Пёс, видимо, заслышав, что говорят о нём, громко тяфкнул и подпрыгнул над землёй, бросив свою любимую веточку. Я засмеялась, когда миссис Пиншем дёрнула меня за рукав платья и возмущённо воскликнула:

— Несносная девчонка! Тебе не помогут стихи и захудалые новеллы, когда тебе стукнет тридцать!

— Ну, это случится очень и очень нескоро.

— Никому не бывает девятнадцать лет вечно. Пока есть время, найди себе хорошего мужа, Кейтлин! — вдовушка снова тяжело вздохнула и поправила шляпку. — В городе не так мало молодых состоятельных мужчин.

— Ах, миссис Пиншем! — я уже не могла сдержать смех; я шла по дорожке, спиной вперёд, глядя вдове в глаза. — Вам с мистером Брамом стоит спеть дуэтом! Эдакие деловые сватья!

Ответ пожилой вдовы я уже не услышала, потому что пятка моя наткнулась на кривой корень, торчавший из земли, и я, неуклюже махнув руками, упала на спину прямо на дорожке. Я вскрикнула, когда острая боль пронзила мои ладони — ими я проскользила по щербню и содрала кожу до крови.

— Вы не ушиблись, мисс Кейтлин? — услышала я над собой. Затем чьи-то сильные пальцы подхватили меня под руку и быстро подняли на ноги.

Голос принадлежал мужчине — мягкий, глубокий, но безэмоциональный голос, который мне, к сожалению, не удалось узнать сразу. Однако, его обладатель меня явно узнал. Длинные, холодные пальцы коснулись моих ладоней, и я подняла глаза, чтобы увидеть, кто же был так любезен, чтобы помочь мне.

Я никогда не была особой впечатлительной, по крайней мере, настолько, чтобы позабыть об основах самых простых манер. Однако, именно в тот момент из моей головы исчезли все те основы, которыми меня так настойчиво подпитывали мать и нянька. Я смотрела в бледное лицо типичного английского аристократа с жёсткой линией губ и чёрными вьющимися волосами, выбивающимися из-под тёмно-серой шляпы с короткими

полями. Но единственным, что так отвлекло меня и заняло всё моё внимание, была повязка из грубой, чёрной материи, которая скрывала его левый глаз.

Открыв в изумлении рот и позабыв о всякой боли, я самым неприличным образом глазела на него. Так пристально, что до сих пор остаётся поразительным, как этот джентльмен выдержал моё столь бесстыдное внимание.

— Мисс, вы меня слышите? — обратился он ко мне спокойно. — У вас на ладонях кровь. Можете пошевелить пальцами?

Машинально я сделала то, о чём он попросил. А он внимательно следил за моими действиями, затем достал из кармана своего пиджака белый платок и обернул им мою правую ладонь.

— Ах, мистер Готье! Это вы, вы! Ох, бедная Кейтлин... как удачно, что вы оказались здесь... — миссис Пиншем тут же возникла рядом, как и её пёс, который теперь крутился вокруг нас троих. — Неуклюжая девочка, стоит смотреть, куда ты наступаешь! А вы, сэр, давно ли вернулись в город?

— Всего пять дней назад, миссис Пиншем. Рад вас видеть.

Он говорил всё так же бесстрастно и спокойно, и я не слышала ни нотки радости в его голосе. Снова взглянув на него, я заметила лёгкую щетину на его щеках и подбородке... а также серый цвет его единственного открытого глаза.

— И я рада вашему возвращению, сэр! — вдовушка, по моему мнению, начинала явно переигрывать с любезностями. А вот мистер Готье никак на это не реагировал.

— Если мисс Кейтлин чувствует себя лучше, я бы оставил её на вашу заботу. Сегодня у меня ещё много дел. Вы в порядке, мисс?

Я медленно кивнула, всё ещё разглядывая его повязку и размышляя о том, что именно так, наверняка, выглядели пираты. Совершенно неподходящие для ситуации мысли. Миссис Пиншем в этот момент снова дёрнула мой рукав, заставив меня отвести глаза.

— Счастливы были увидеться, леди, — учтиво произнёс мужчина и поклонился. — Доброго дня.

Перед тем, как развернуться и уйти, он мельком посмотрел на меня, и от этого взгляда мне стало не по себе: жутко, неприятно, даже холодно. Мистер Готье быстро удалялся по дорожке в сторону западного выхода из парка — высокая, чёрная тень, которую не поглощали солнечные лучи этим воскресным утром.

— Господи помилуй! — запричитала моя спутница взволнованно. — Что на тебя нашло, дитя? Нельзя так пялиться на людей, тем более на джентльмена! Дикость! Это было крайне неприлично и неуважительно.

— Но его лицо... Точнее, его глаз... А что с ним случилось? Я ничего не могла поделать с собой. Он меня напугал.

Бобби устал и уже не резвился на зелёном газоне возле дорожки, а мирно семенил лапками рядом со мной, держа в зубах веточку. Миссис Пиншем ещё долго отчитывала меня за неприличное поведение, затем успокоилась и остаток нашей прогулки потратила на рассказ об этом странном человеке, мистере Готье.

После этого разговора, когда мои мысли были заняты беспокойством об экзаменах и перепачканным кровью мужским платком в моей ладони, я, наконец, вспомнила Джейсона Готье. Когда мы впервые встретились, мне было шестнадцать... И я понятия не имела, что судьба уже тогда распорядилась моим будущим, и воля её была преждевременной и жестокой.

Будучи жертвой чьего-то плана или всего лишь сложившихся так обстоятельств, я оставалась в неведении до того момента, как жизнь моя и моей семьи пошатнулась, словно хлипкий шарик, покатила вниз и разбилась на сотни осколков, слишком незначительных, чтобы собрать их снова. Но достаточно острых, чтобы порезать меня саму на тысячи острых кусочков.

Глава 2

Миссис Пиншем не была похожа на тех кумушек, злобных жён господ из высших слоёв общества, чьи речи порой так и сквозили презрением и едким пафосом, от которого у любого нормального человека завяли бы уши. Вдова была в меру холодна, но и добра, а также нежна к любому слабому существу. Кажется, англичанин с французской фамилией Готье был для неё таким существом — несчастным и всеми гонимым. По крайней мере, именно это я от неё и узнала.

Прогуливаясь с ней по парку тем утром, я поняла, что с мистером Готье действительно не всё так просто. Предки его родителей, точнее, матери, покинули Францию лет эдак сто назад, но отголоски тех времён так и бурлили в горячей крови матери Готье. Она гордилась своими французскими корнями, и сыну внушала, что это были исключительно положительные качества его родословной.

— Джейсон рос в Глиннете на наших глазах, и был чудесным мальчиком, — рассказывала миссис Пиншем с нежностью. — В отличие от брата, который сейчас живёт с женой Бог знает где, Джейсон был спокойным, послушным, обожал родителей и ценил всё, чем они его одаривали. Лучшие школы, колледжи, преподаватели... У него наблюдалось множество талантов! Если б он захотел, стал бы великим композитором или архитектором... Однако, судьба распорядилась иначе.

Далее вдовушка вела рассказ уже не столь красочный, а скорее, безнадежный. О том, что мистер Готье женился в девятнадцать лет знали все в Глиннете. Её звали Мэгги Уолш, она была богата и красива, но неприступна и горделива.

Представляя эту парочку вместе тогда, я готова была лишь снисходительно улыбаться.

— Поверь мне, дитя, — продолжала вдова, печально вздыхая, — порой любовь творит с нами такие ужасные вещи, что и не верится! Джейсону не стоило жениться на ней. Ибо из молодого, жизнерадостного мужчины он превратился в замкнутого и холодного человека с сильнейшей зависимостью от женщины. Мэгги напоминала мне... знаешь, кого? Вампиршу! Да, да, самую настоящую вампиршу! Высосала из парня жизнь и отобрала свободу. Говорят, он действительно любил её. Это и довело его до безумия.

Ну а после я без особого интереса услышала, как храбро мистер Готье сражался в Южной Африке против зулусов, сколько званий и наград получил в тот период, и как несчастен он был по возвращении домой. Никто так и не понял, почему же он развёлся с Мэгги Уолш после десяти лет брака. Её родня была в гневе, не иначе, именно они настроили общество против Готье, и лишь единицы продолжали водить с ним дружбу или поддерживать служебные отношения.

Тогда я отметила про себя, что сочувствую ему: у него не осталось здесь никого из близких, и общество, что когда-то принимало и едва ли не боготворило за все его заслуги, теперь презирало его. Да, в их глазах он оказался мужланом, бросившим супругу после стольких лет совместной жизни, судя по всему, без сожаления и раскаяния. Никто толком не разобрался, не знал всей правды... И мне было не до городских сплетен и общественных скандалов.

На носу был мой первый экзамен. Я стремилась вырваться из противных мне цепких лап среднего общества с его застарелыми уэльскими обычаями. Писательница, учительница — да кто угодно! Я готова повторить даже судьбу мисс Остин, лишь бы быть свободной.

Кто же знал, что история капитана Готье ещё догонит меня и не отпустит? И я стану одной из первых, кто познает всю глубину несчастья и одиночества этого человека.

Тот роковой вечер, обернувшийся для нашей семьи трагедией, ничем не отличался от сотни других: было пасмурно, в воздухе витал запах дождя, но до самой ночи небо так и не проронило ни капли. Я как раз пыталась разучить урок, включающий знание латинских выражений, чтение латыни и нескольких орфографических правил, когда вдруг услышала истеричный вопль сестры из кабинета отчима.

Примчавшись туда и встав в оцепенении у дверей, я успела расслышать лишь часть их разговора, что повергло меня, если уж не в шок, то в откровенное отчаяние.

— Потаскушка несчастная! Смотри на меня, на меня! Как ты могла так поступить?! Где вы занимались этим, а? У него дома? Или здесь? О, только не говори мне, что вы делали это прямо здесь, в спальне!

— Не смейте так говорить, слышите?! — голос Коллет удивительно дрожал, я чувствовала, что её вот-вот хватит удар. — Я люблю его, мы любим друг друга! И поженимся, хотите вы этого или нет...

— Ты и этот нищий племянник пастора! Ха! Лучше признайся, что он просто совратил тебя, так будет правдоподобнее! *Oui ou merde?!*

— Неправда! Неправда! Мне всё равно, что скажет его дядя или вы... мы... мы убежим!

— Дура! Никчёмная дура! Подумай о матери, о сестре! В конце концов, подумай о том, что скажут люди: ты навсегда останешься падшей женщиной, грешницей и...

— Ненавижу вас! Никто не думает обо мне, о том, чего я хочу. Так почему я должна платить за ваши грехи?!

Через секунду раздался звук бьющегося о деревянный пол фарфора, и я поняла, что это конец, когда Коллет, рыдая, остановилась в дверном проёме и прошипела со злобой и гневом:

— Можете послать Джейсона Готье ко всем чертям, потому что я не стану его женой...

И она пробежала мимо меня, даже не обратив внимание на моё присутствие, заперлась в нашей спальне и там продолжила плакать. А я стояла напротив кабинета в этой ледяной полутьме, и меня трясло от осознания того, что натворила сестра. Отчим, весь красный и потный от гнева, обратился ко мне не сразу, но его голос звучал куда более спокойно:

— Ты... знала обо всём этом?

— Я знала, что она влюблена в него, — ответила я просто. — И что он хочет жениться на ней.

— И ты молчала?

Он произнёс это не осуждающе, скорее, как констатацию факта. Конечно, я молчала, всё-таки Коллет — сестра мне. Дороже и ближе неё у меня нет никого. Друг другу мы доверяли секреты и детские тайны, и она одна мирилась с моими хмурыми взглядами на жизнь и меланхоличностью восприятия нашего положения.

Той ночью ливень барабанил по крыше с сумасшедшей силой. Я пыталась успокоить Коллет, как могла. И в тишине спальни её всхлипы сливались со звуками дождя, а я гладила её растрепавшиеся локоны и молчала.

— Они не понимают... не понимают... — повторяла она с пугающей апатией. — Они не оставят нас в покое. Кейт, скажи, а что стало с мистером Лефройем, которого так любила мисс Остин?

— Кажется, он женился на богатой наследнице. Или вроде того...

— Не умеешь ты утешить!

— Я, по крайней мере, честна с тобой и ничего не скрываю.

Пускай я старалась говорить сдержанно, от расстроенной сестры не ускользнул укор в моих словах. Она глядела на меня с обидой, то и дело утирая слёзы с покрасневших щёк.

— Значит, ты меня тоже осуждаешь. Даже ты, такая холодная и безразличная к любви, не поддерживаешь меня.

— Я лишь злюсь, что ты не рассказала мне, как далеко вы с мистером Рэтмором зашли в ваших отношениях. Это тоже обидно. Как и то, что вы с ним думаете только о себе.

Капли дождя стекали по окну кривыми дорожками, жёсткий ритм, который отбивал ливень, понемногу успокаивал, и мои мысли снова были ясны. Я смотрела, как Коллет с тоской глядит в одну точку, и думала: что же ждёт эту безрассудную красавицу без гроша в кармане? И подарит ли Рэтмор ей счастье и спокойствие?

— Отец сказал, что занял крупную сумму у Джейсона Готье, — внезапно заговорила она, и в её голосе я распознала жуткое отчаяние. — Весьма и весьма крупную... А Готье никому и никогда долгов не прощает. Он просил моей руки у отца. Без приданого, естественно... Говорил, что хочет меня в качестве жены... взамен тогда он забудет о долгах.

Коллет повернулась ко мне, и её голубые глаза снова были полны слёз. Взяв меня за руку, она глухо зашептала, но говорила будто бы не со мной, а с кем-то незримым, с тем, кто её действительно понял бы.

— Всё это время мы жили за чужие деньги... И он хочет, чтобы я стала его женой, иначе... Что делать нашей семье? Что делать мне?

И она уткнулась мне в плечо, обняв меня, и ворот моей ночной сорочки уже намок от её слёз. А, между тем, дождь снаружи не прекращался, и где-то в глубине души, там, куда я никогда ранее заглянуть не решалась, я медленно принимала эту реальность, когда всё решали деньги и громкие имена. Хотя мне так не хотелось выбираться из собственного кокона фантазий о спокойном и мирном будущем.

Так чем же являлись мои желания о свободе, творчестве и самосовершенствовании по сравнению с трагедией Коллет? Даже сейчас сильно понимание того, что я уже тогда стала догадываться, какими низменными казались мои мечты рядом с сильной любовью.

Всё решал один безрассудный, безумный порыв... И это произошло, неожиданно для всех и даже для меня, когда через три дня Джейсон Готье появился на пороге нашего скромного жилища.

Если ранее соседи сплетничали только о банкротстве отчима и изредка обо мне, то с эффектным появлением Джейсона Готье в то утро разговоры о нашей семье не иначе, как разрослись. И весьма не в лучшем направлении.

Я и раньше видела автомобили — гроыхающие, очень шумные изобретения современных гениев, и была отнюдь не против подобных экспериментов. Но никогда я не была настолько близка к этим машинам, как тем утром. Со временем я поняла, что мистер Готье не беспокоился о том, как отнесутся другие к его вычурным шоу с техникой. А современную технику он просто обожал.

Модель, которой владел этот показной богач, была более изящной и лёгкой, чем автомобили других господ в Глиннете. Это была редкая роскошь — использовать машину для обычной прогулки, и мне показалось, что Готье действительно хотел впечатлить Коллет.

А заодно лишний раз унижить мистера Брама в глазах соседей.

Поскольку сестра отказалась выходить из комнаты, несмотря на угрозы отчима, мне пришлось встречать гостя вместо неё. Готье приехал один, и, пока шёл к нашему дому от автомобиля, я разглядела его достаточно хорошо: он был очень высоким и стройным, скорее даже худощавым; одет элегантно, так, что было понятно — он чувствует себя непринуждённо и в высшем обществе, и в нашей деревушке. Даже в его походке ощущалось, насколько точно он знает себе цену.

На этот раз он появился без шляпы, и на солнце я заметила в его чёрных, чуть вьющихся волосах более светлые локоны. И, конечно, он снова был с этой странной привязкой на глазу, которая меня жутко отвлекала... И отчего я забыла спросить вездесущую миссис Пиншем об этом?

Но, должна была признать, манеры и умение заморозить собеседника своим мягким голосом компенсировали внешний дефект. Мы поприветствовали друг друга со сдержанной холодностью, и, пока не вошли в дом, он вдруг поинтересовался:

— Как ваши ладони, мисс?

Сглотнув, я пробубнила, что с ними всё в порядке, и с той минуты он ни разу ко мне не обратился. Вместе с мистером Брамом они прошли в его кабинет и заперли дверь, так что, как я ни старалась, ничего услышать не могла. Подслушивать я не любила, просто любое слово о сестре могло бы разъяснить ситуацию. Не стоило даже рассчитывать, что они поделятся со мной идеями, как справиться с нашим плачевным положением.

Через четверть часа, пока я беспокойно выхаживала туда-сюда по коридору, дверь открылась, и мистер Брам вышел из кабинета, тут же столкнувшись со мной.

— О чём вы говорили? — нетерпеливо спросила я, заметив его растерянность. — Пожалуйста, скажите, что он всё вам простил.

— Что, дитя?

Как странно, он выглядел так, будто не понимал, о чём я его спрашивала. Словно они эту тему и вовсе не затронули.

— Коллет. Что будет с ней? И та сумма, что вы задолжали...

— Да, да, Коллет... выйдет замуж за этого сэра. Он так хочет, и я ему обещал.

Я потеряла дар речи, поэтому так и стояла там, перед ним, прижимая правую руку к груди, словно боялась, что сердце вот-вот выскочит. Отчим хоть и был растерян, опустошён морально, всё же мне не казалось, что он сожалел.

— Вы же жизнь ей сломаете. Вы отдадите её за материальное благополучие?

— Что нам делать? Пусть выполнит долг перед семьёй... И за Рэтмора она не пойдёт, я не допущу! А Готье хочет именно её, он готов взять её в жёны, несмотря на... испорченность.

Затем он попросил меня вывести сестру из комнаты, потому что Готье сам желал с ней поговорить. Коллет выглядела уставшей и безразличной, и мне не составило труда уговорить её выйти. Перед тем, как остаться с Готье в кабинете вдвоём, она тихонько прошептала мне, закрывая дверь:

— Я буду умолять его... пока он не откажется от меня.

И весь следующий час я размышляла о том, что подумала Коллет, увидев его с этой дурацкой повязкой, как она оценила его. И думала ли она о своём несчастном офицере там, в кабинете, стоя перед человеком, который был волен отобрать у нас всё. Поддастся ли он на её уговоры... Любит ли он её в действительности так же сильно, как Рэтмор? Если он

откажется от неё, подумала я тогда, то я признаю, что настоящая любовь существует не только в книгах.

И именно в тот момент я кристально ясно вспомнила вечер в доме семьи Стрэнтонов, друзей моего покойного отца, куда мы пришли втроём — мама, Коллет и я, и где мы впервые встретили Джейсона Готье. Случилось это три года назад, и тот майский вечер был очень тёплый.

Много напыщенных, разодетых господ и их таких же напыщенных жён; свечи, повсюду свечи, и в доме было на удивление душно, хотя все окна и балконы были открыты; целый вечер играла музыка, и мне было тошно стоять там на виду у всех. Мне казалось, что я похожа на картину, которую любой волен рассматривать и оценивать. Мама свято верила, что так я познакомлюсь с кем-то из молодых людей и даже сумею им понравиться.

Но все они, если и подходили, то только к Коллет. А она просто купалась в комплиментах и внимании. Наверное, она была самой общительной и милой девушкой в тот вечер. И, если бы не её улыбки и шутливые издёвки, которыми она шёпотом со мной делилась, я бы умерла от скуки.

Когда она едва ли не силой заставила меня спеть один старинный итальянский романс, мне пришлось покориться, и две минуты, не более, я стояла рядом с хозяйским пианино, пытаюсь скрыть смущение и невесть откуда взявшийся страх за назубок выученной лирикой.

«И день ото дня я хочу видеть лишь тебя,
Мы вместе, а значит, я никогда не буду одна.
Без страха, я знаю, я останусь с тобой...»

Потом они говорили, что «зрелище это было очаровательным», но не более.

А я задыхалась, находясь в этой толпе, где всем было откровенно наплевать на меня! Только последняя дура не почувствует этой тяжёлой холодности и безразличия. Мне просто не было там места.

Позже, когда я почти уже готова была самостоятельно покинуть всеобщее скучнейшее торжество, я заметила, что за нами наблюдает высокий мужчина в чёрном сюртуке. Он стоял чуть поодаль, вертел в длинных пальцах полупустой бокал и неотрывно смотрел на Коллет, которая, конечно, не могла этого заметить: она бессовестно флиртowała с незнакомым мне джентльменом, а тот вот-вот готов был упасть к её ногам.

В конце концов, сестра вновь обернулась ко мне, и я указала ей на хмурого мужчину с пронзительным взглядом. Как я и ожидала, она тут же переключилась на него, стала мило улыбаться и бросать в его сторону мимолётные взгляды. Коллет обожала кокетничать и больше всего хотела тогда выйти замуж за богатого красавца. Видимо, Джейсон Готье занял одно из первых мест в её списке в тот вечер.

— Он же скоро разводится с Мэгги Уолш. Как можно иметь на него какие-либо виды? — одёргивала мать Коллет, но та уже вошла во вкус, и я забавлялась её поведением. — Взял и бросил женщину после десяти лет брака.

— Мама, перестань. Нехорошо говорить о таком, когда он здесь... Ах, тихо, тихо! Идёт к нам!

Готье действительно подошёл тогда к нам, засвидетельствовал своё почтение нашей матушке и пригласил Коллет на вальс. Сестра лукаво улыбнулась мне перед тем, как приняла его руку, и, пока они танцевали, я не могла не отметить, что он весьма хорош собой. Он был бы ещё привлекательнее, если бы не выглядел так мрачно. С другой стороны, развод с женой мог повлиять на него сильнее, чем многие могли подумать.

Но мне было шестнадцать, и меня не заботили чьи-то там разводы. Я смиренно ждала, когда закончится вечер, и я смогла бы вернуться домой, к книге, которую не успела прочесть. Между прочим, в небольшой библиотеке отца хранилось несколько интересных экземпляров греческих пьес; некоторые из них были полны откровенных подробностей об отношениях мужчин и женщин... Так что, узнай матушка, что я стала просвещённой в подобных пошлостях, заставила бы меня вымыть глаза и рот с мылом.

Той же ночью, когда мы вернулись домой, перед сном Коллет рассказала, каково это было — танцевать с мистером Готье.

— Он вовсе не чопорный, знаешь, скорее, просто напряжённый. Всегда смотрит в глаза и почти не моргает. От этого с ним рядом становится не по себе... А ещё руки у него холодные, но сильные... Он и про тебя спрашивал.

— Неужели? — без интереса спросила я, засыпая.

— Да! Ну просто спросил из вежливости, чем ты увлекаешься. Я и ответила, что кроме книг и того независимого частного заведения в Кардиффе тебя ничем завлечь.

— Мне нужно немного времени, и я попаду туда.

Когда Коллет, наконец, появилась в гостиной, где я ждала её вместе с отчимом, я заметила смертельную бледность её личика. Но она не плакала, только время от времени потирала покрасневшие глаза кончиками пальцев. На мои расспросы она только мотала головой, отвечать не хотела.

А после, когда сам мистер Готье спустился к нам, я вдруг поняла, что всё решено. И отчим, и Коллет попали под его странное влияние, и теперь были словно замороженные и подчинённые ему. И я всё никак не могла понять, чем же он так их завлёл!

Готье ещё несколько минут говорил с отчимом, из этого разговора за нашими спинами я уловила лишь одно: свадьба состоится, и все долги будут прощены. Более того, богач обещал мистеру Брам дальнейшую материальную поддержку, если «ваша падчерица станет моей женой в первый понедельник августа».

Но это же почти через девять дней! Мне хватило ума промолчать в тот момент, и, когда мистер Брам вышел, чтобы проводить гостя, я вдруг осознала собственную беспомощность. А что бы я могла сделать? Поговорить с этим холодным и абсолютно чужим мне человеком? Вряд ли он стал бы слушать дерзкую девчонку, которая совсем ничего не понимает в этой жизни. В такой жизни, где женщину принуждают связать себя узами с мужчиной, которого она не любит.

Я уже и не надеялась, что сестра ответит мне что-либо связное. Однако, когда мы остались одни, она взглянула на меня с отчаянием и отрешённостью и вдруг произнесла, взяв мои руки в свои:

— Обещай, что сможешь мне встретиться с мистером Рэтмором завтра ночью! Обещай, обещай...

Растерянная и удивлённая я заверила её, что сделаю всё, о чём она меня ни попросит. Когда я обняла её и стала ласково успокаивать, сестра зашептала, будто молитву, фразы, которые ещё долго таили от меня всякий смысл:

— Он ведь как лучше хочет... как лучше... и сделать нас всех счастливыми! И я сказала ему «да», сказала... Сама сказала... Боже, прости меня!

Глава 3

Ночь была темна, и некое жуткое чувство, преследовавшее меня весь вечер, до сих пор заставляло содрогаться. А может, то был холодный ночной ветер, который гремел ставнями и беспокоил соседских собак.

Я сама бросила короткую записку под дверь пасторского дома, дождавшись, когда Джозеф Рэтмор вернётся туда. Он отреагировал быстро и пришёл к нам в сад после полуночи. Я видела, как сестра, стоя в ярком лунном свете, беззвучно плакала и заламывала руки, ожидая своего офицера.

Я предупредила её, что встреча не должна затянуться. Так что я ждала, скрывшись за широким стволом дуба, что рос за нашим домом; ждала и видела только два силуэта за колыхающимися на ветру белыми простынями. Играя роли их стража и хранителя, я не забывала поглядывать в окна родительской спальни: пока свет не горел, отчим спал, и я была относительно спокойна.

Погода портилась, и стало уже невыносимо темно и тревожно, потому что они всё не желали расставаться. Чтобы поторопить влюблённых, я подошла чуть ближе, но так и не смогла прервать их, потому что расслышала обрывки разговора:

— ... и не представляю своей жизни без тебя, Коллет! Разве так это всё должно закончиться? Разве мы не заслужили счастья? Нашего счастья! Пожалуйста, давай убежим отсюда! Это наш единственный выход...

— Я не могу оставить семью, любовь моя. Что им делать без покровителя? Готье всё заберёт, всё! И тогда уже ничего не будет важно.

— И ты готова продать себя ему, вот так просто? Тогда скажи, что ты меня не любишь... Скажи это, и мне не будет так больно...

Затем послышались звуки объятий и поцелуев, но мне было не до смущения; моё сердце иначе отозвалось на эту отчаянную мольбу. Меня охватила тоска, и боль сдавила грудь так сильно, что я испугалась лишиться этого бешено бьющегося сердца. Никогда прежде я не слышала в голосе сестры столько отчаяния, столько любви и нежности. Хотя я прекрасно представляла, как сильно она любит меня, ведь, по словам матери, в день, когда я родилась, маленькая Коллет взглянула на меня и произнесла:

— Она плачет, потому что божьи ангелы оставили её с нами, на Земле? Они оставили ангелочка с нами!

Эти слова до сих пор звучали для меня очень трогательно. Особенно сейчас, когда Коллет и её возлюбленного постигло несчастье. Их любовь проходила тяжелейшее испытание, и я вдруг поняла, что побег в действительности является для них единственным выходом. Но я тут же представляла себе, как Готье выйдет из себя, и тогда... кто знает, чем обернётся его обида для нас...

Хотя раньше мы вовсе не бедствовали, но никогда в своей жизни я не получала подобных подарков. Никогда! Готье исправно исполнял свой долг жениха, это надо было признать. И порой, глядя на бонбоньерки с конфетами или коробки с новыми кружевами и платьями, я забывала, что это являлось лишь частью традиций, красивым заученным жестом.

А вот Коллет не забывала ничего. Два дня я наблюдала за ней... нет, за её призраком, который тихо плакал по ночам, а при свете дня только молчал и бессмысленно куда-то

передвигался. Мне было больно видеть её такой, ещё более осознавать, что все вели себя, будто так и было положено. И именно поэтому на третий день я решила написать единственному человеку, который был способен всё это остановить лишь силой слова.

Джейсон Готье не стал почему-то отвечать письмом, а приехал сразу, как я и просила. Удача его и здесь подстерегала: в то утро ни отчима, ни Коллет дома не оказалось. И я была несказанно рада, что он приехал верхом, а не на притягивающем всеобщее внимание автомобиле.

Пока я гладила морду его белогривого коня (должна заметить, очень спокойное и покорное животное), Готье задавал банальные вопросы о моей семье и в особенности о состоянии Коллет. Я отвечала так же банально, а после сразу же решила перейти к делу.

— Вы не возражаете, сэр, если мы немного прогуляемся? Здесь недалеко есть прелестный луг позади монастыря.

— Не возражаю, если это не займёт много времени, — ответил он довольно сурово. — У меня ещё много дел на сегодня.

Подумайте-ка! Какой занятой!

Поначалу мы просто молчали, идя по обложенной расколотыми плитами дорожке, мимо полуразвалившегося старого монастыря. От кладбища слева от строений уже почти не осталось и следа, всего несколько плит сохранились; несмотря на пасмурное небо в тот день это умиротворённое место было особенно прекрасно.

— Местная детвора поговаривает, что ночью отсюда слышится мелодия, будто кто-то играет на органе, — вспомнила я вслух, когда мы проходили мимо лужайки перед монастырём. — Хотя там органа-то и в помине не водилось...

— И история о юной девственнице, которая заколола себя из-за несчастной любви!

— Да, такая тоже есть, однако, дети о ней не болтают.

— Я бы удивился, если бы болтали!

Мысленно я обрадовалась, что он смягчился. Как оказалось, с ним возможно было говорить на равных, без сарказма и остроты в голосе. И, пока мистер Готье не успел стать достаточно серьёзным, я осторожно спросила:

— И когда же именно вы так заинтересовались Коллет?

— Вы попросили меня о встрече, чтобы поговорить о вашей сестре? — его губы скривились в недовольной ухмылке, когда он посмотрел на меня. — Будете умолять меня оставить её? Простить долги вашего отчима и всё забыть?

— Кстати о долгах...

— Мистер Брам сам виноват, — отрезал Готье сурово. — Он знал, во что ввязывался.

— А вы-то сами! — не удержалась я от ответа. — Неужели вы не знали, что он падок на подачки? Только слепой не заметит, что мистер Брам слабовольный и легко ведомый.

Готье вдруг замедлил шаг возле высокого дуба, склонившегося над дорожкой, а затем и вовсе остановился, удивлённо меня разглядывая. И лишь тогда я поняла, что оскорбила его. С огромной неохотой я подняла на него глаза и с большим трудом извинилась:

— Простите, сэр. Я не хотела. Дело в том, что...

— А вы дерзкая, маленькая леди.

— Мне правда очень жаль, — я старалась не разглядывать его повязку, хотя это было очень трудно. — Я позвала вас сюда не для того, чтобы оскорблять. Моя сестра... любит другого. И пусть я очень мало знаю о том, каково это, я всё же люблю её и желаю ей только счастья. А с вами ей этого счастья не видать.

Он только молчал и хмурился. Стоял прямо, руки держал за спиной, даже казался мне ужасно высоким; и я не могла понять, как он отреагирует. Так что я просто решила говорить, пока мужество во мне не иссякло.

— Я прошу вас передумать. Не женитесь на Коллет, вы и так почти сломали её. Вы же можете выбрать любую другую невесту! Нет, нет, не качайте так головой... Коллет вас не полюбит... Вы хоть это понимаете?

— Я свой выбор сделал уже давно, мисс Кейтлин. И не отступлю. Я, в отличие от вашего отчима, слово своё держу...

— Тогда у вас нет сердца.

Ответом мне был короткий смешок, затем Готье вдруг заговорил, уверенно делая шаг за шагом прямо ко мне, а я могла лишь отступать к дубу в полнейшем оцепенении.

— Вы ещё слишком молоды и наивны. Однако, должен признать, резкости и осознания в вас куда больше, чем во многих из моих знакомых. Опять же, возвращаясь к вам. Вы из таких людей, которые ни с кем не делятся и долей своего несчастья, лишь бы не сделать больно кому-то ещё. Но в момент, когда ваши демоны атакуют вас, вы осознаёте, что были неправы. И вы одиноки. Книги, творчество, самосовершенствование — всё это прекрасно. Но кто останется с вами рядом, когда вы действительно будете нуждаться в этом?

Во мне не осталось сил, чтобы возражать, или вымолвить и слово. Никогда до этого момента, и даже никогда после, я не чувствовала в нём такую властность. От этого человека исходило потрясающее величие, пугающее и холодное. И, пусть мы оба были напряжены, а я ко всему прочему ещё и напугана и уязвлена, он мог бы сломать меня одной своей решимостью. В тот момент он напоминал мне хищника, или, скорее, кобру, готовую укусить.

— Ваши глаза стали влажными, а щёки покраснели, — произнёс он вдруг, смягчившись неожиданно. — Это моя вина. Иногда я забываю, с кем говорю... А ведь вы ничего дурного мне не сделали. Простите меня.

Не найдя, что сказать на подобную перемену, я поборолла желание заплакать и, спокойно выдохнув, спросила:

— Так вы подумаете над тем, о чём я говорила?

— Вы определённо дерзки и назойливы. — Он покачал головой и нетерпеливо прищёлкнул пальцами. — Сделка есть сделка, и ничего менять я не собираюсь.

Он вдруг развернулся, чтобы, видимо, уйти, и я неожиданно схватила его за рукав сюртука, заставив остановиться. Клянусь, я и сама не предполагала, что посмею так себя повести, но мой страх испарился за желанием помочь сестре.

— А я не отпущу вас, пока вы хотя бы не пообещаете подумать!

Какое-то время он просто смотрел то на мои пальцы, сжимавшие его рукав, то на меня. Пришлось отпустить его, в конце концов, когда я почувствовала, как далеко всё это зашло.

— Вы на всё готовы ради сестры, — произнёс он с неприкрытой печалью в голосе, что опять-таки меня поразило.

— Да, потому что я люблю её. Но любите ли вы её хоть немного, чтобы понять, что ей на самом деле нужно?

Он отвернулся от меня и стал глядеть на развалины монастыря. О чём он думал эти несколько минут, к каким решениям пришёл, я не догадывалась. Между тем сквозь тучи понемногу пробивались к земле солнечные лучи, и я сама на какое-то время отвлеклась: к северу от дороги раскинулся лес, он темнел и тогда, не освещённый солнцем; на востоке же было свободно и пусто — там нельзя было увидеть ничего, кроме зелёных лугов.

— Ответьте мне, мисс, и ответьте честно, будто перед Богом, — заговорил Готье, выводя меня из задумчивости. — Вы бы отреклись от своей мечты ради чужого счастья? На что вы готовы пойти, чтобы защитить дорогого вам человека?

Я тут же подумала о Кардиффе, об экзаменах и о том, чего я смогла бы добиться, попади я в это драгоценное мне заведение. Как замечательно будет увидеть новые места, новых людей, и работать, работать и жить только ради себя... Но потом я подумала о сестре и матери, и снова защемило сердце.

— Я отвечаю вам со всей честностью... Я бы перенесла любые лишения за неё.

— Почему?

— Потому что дороже неё у меня никого нет. К тому же, мои желания по сравнению с их любовью — это так... мирские увлечения.

На мои откровения он ничего не ответил. Но под его пристальным, сожалеющим взглядом мне снова становилось не по себе. Я мысленно умоляла его поторопиться, рядом с ним я ощущала себя уязвлённой и едва ли не обнажённой. Неприятнейшее чувство. А когда он заговорил, я не сдержала вздоха облегчения.

— Я обещаю вам подумать о Коллет, если и вы пойдёте мне на встречу, — когда я понимающе кивнула, он достал из кармана такой же белый платок, которым перевязал недавно мои раненые ладони. — После свадьбы я планировал уехать в Лейстон, где у меня намечены две крупные стройки. Моё присутствие там не обсуждается. И, конечно, моя жена обязана будет разделить со мной ту уединённую жизнь. Поскольку мы с вашей сестрой до сих пор официально не обручены...

Он вдруг взял мою правую руку, повернул ладонью вверх, и из платка в мои раскрытые пальцы упало кольцо. Я взглянула на Готье с непониманием, а он едва заметно улыбнулся и поспешил меня успокоить:

— Традиции требуют обручения перед венчанием. Поэтому я вверяю вам это кольцо, кольцо для моей невесты. Не знаю, почему, но я вам доверяю... Полагаю, вы знаете, что с ним делать. Отдайте его Коллет, а там...

Он многозначительно промолчал, высокомерно пожав плечами, затем откланялся и заявил, что ему пора уходить. А я едва не забыла сделать реверанс. Позже, рассматривая кольцо из червонного золота по дороге домой, я заметила на его внутренней стороне вырезанную дату: ту самую дату, которую Готье назначил для свадьбы. Неужели он так и не передумает насчёт Коллет? И чья свадьба состоится через пять дней?

Я как раз ожидала почту, когда Коллет в уже привычной задумчивости прошла мимо меня наверх. Я знала, что она собирает вещи и готовится отбыть с Готье в Лейстон после венчания. И меня пугало отсутствие каких-либо эмоций с её стороны по этому поводу. Но кольцо, которое Готье отдал мне по доверию, всё ещё находилось у меня. А вот сил на то, чтобы отдать его сестре, как-то не обнаруживалось. И я тянула с этим делом до последнего.

Почту принёс отчим, принёс примерно за три часа до сумерек, и я с великим облегчением нашла среди чеков и счетов мистера Брама долгожданный конверт из Кардиффа. Две недели назад я, по соглашению с руководством пансиона, отправила им свои письменные данные, а также сочинение на вольную тему, входящее в условия поступления. Нечто вроде экзамена первого этапа. И хотя результаты его проверки и оценки на окончательное решение директоров не особо влияли, я возлагала на свою работу огромные надежды. Получить одобрение этого сочинения для меня было сравни поступления.

С дрожью в руках я открывала конверт, разворачивала письмо, и даже выдержала паузу перед тем, как начать читать. Но первые же строки убили все мои надежды, мне показалось тогда, что земля ушла из под моих ног.

«Мисс Кейтлин Брам,

дирекция Эйвинчес-Хилл благодарит вас за труд и желание обучаться у нас, однако, присланная вами работа не набрала нужного количества положительных оценок для прохождения первого этапа поступления...»

Разбита? Унижена? Оскорблена? В тот момент мне казалось, что все эти понятия относятся ко мне. И хотя слёз не было, я готова была кричать от отчаяния, что я и сделала: схватив маленькую подушку, я вцепилась в неё пальцами, уткнулась лицом и стонала, и ныла, обозлённая и расстроенная.

Они писали что-то ещё: о последнем шансе, о том, что у меня имелся целый месяц на подготовку; не скупилась даже на утешительные слова. Но для меня уже всё было кончено. Я не привыкла к подачкам, моя гордость была задета, и я не могла допустить и мысли о том, как проведу ещё один месяц. И если я снова получу отказ? Это меня навсегда сломает.

Спрыгнув с подоконника, я смяла письмо в руке и бросила его на тлеющие в камине угли.

Оказывается, все, кто осуждал мои стремления, были правы. И у меня больше не было сил с ними спорить.

— Maledetto! [1]

Пресловутое письмо сжалось, бумага почернела и вспыхнула. Вот и всё. Я сожгла свой второй шанс. И всех итальянских ругательств не хватило бы, чтобы унять мой гнев. Однако, именно в тот момент из кармашка моего передника выпало кольцо, которое я не решалась отдать Коллет. Странная, неясная мысль осветила моё сознание, но этой вспышки было вполне достаточно, чтобы я всё поняла.

Если же сама судьба твердит мне помочь сестре и спасти её любовь, то кто я такая, чтобы сопротивляться?

Этот вариант устроил бы всех. Готье получит жену, отчим — свои деньги, и будет на что содержать маму в госпитале... Да, этот вариант устроил бы всех, кроме меня.

На то, чтобы всё хорошенько обдумать, мне понадобилась целая ночь. И я сидела за столиком в нашей спальне, размышляя над тем, что собираюсь натворить. Единственной проблемой оставалось то, как отреагирует на это Готье...

Значит, нужно поставить его перед фактом, не давать повода для мысли, что есть иной вариант. Просто сделать так, чтобы он не смог достать Коллет, пока я всё не исполню.

К рассвету я чувствовала себя беспомощной, слабой, разбитой. Но, глядя на запотевшие окна и треснувшее дерево оконных рам, я вдруг пришла в себя, и я заверила себя, что поступаю верно. Я просто исполняла свой долг.

Как же громко кричал мистер Брам! О, мне кажется сейчас, что в тот день соседи в полной мере ощутили на себе силу его голоса. Отчего он не решил взяться за карьеру певца?

— Как сбежала?! Когда и куда? — восклицал он нетерпеливо. — Рэтмор увёз её?

— Да, и это случилось ночью.

— Неблагодарная дрянь! Она моей смерти хочет!

— Примерно таковым было её последнее желание. Только выразилась она иначе, сэр.

Поскольку отчим был чересчур занят проклятиями в адрес Коллет (ныне уже миссис

Рэтмор) и её спутника, моего безразличного тона он не замечал. Примерно так я и представляла его реакцию на её побег, который, к слову, я сама и организовала. Рэтмор и сестра сбежали, как говорится, по-простому, в тихую: ночью, с минимальным багажом в самом дешёвом экипаже, и, естественно, не без слёз.

Мне теперь странно, что тогда я сама не плакала. Но я никогда не забуду лица Коллет, когда я сказала, что ей не придётся выходить за Готье, что она сможет жить со своим офицером вопреки всему. Она разрыдалась, обнимая меня, при том делая попытки отказаться от этой затеи. Весьма скудные попытки, должна заметить. Но я её не виню — ей было, ради чего оставлять меня. Что же касается меня... Я была убеждена в том, что для собственного светлого будущего я уже ничего сделать не смогу.

Прекратив ругаться, отчим тяжко вздохнул и опустил в своё любимое старенькое кресло напротив окна, откуда был виден наш задний двор с различным хламом, сложенным небольшими кучками.

— Сейчас же отправлюсь на почту, — устало произнёс мистер Брам. — Пошлю Готье телеграмму, он их догонит. Он сможет. Он вернёт эту упрямицу домой.

— Вообще-то, вам не обязательно куда-то идти. Я уже позвонила камердинеру мистера Готье, так что тот прибудет сюда с минуты на минуту. Можете сами ему всё объяснить.

— Господи Боже! — он возвёл руки и в отчаянии запричитал. — В этом доме я ничего не решаю, ничего! Эти девчонки сведут меня с ума! Будь ваша мать здесь, о, будь она здесь...

На самом же деле, зря он упомянул матушку, ибо она никогда не была руководителем и предпочитала во всём полагаться на мужчин. Ещё одно доказательство того, что замуж выходить не так уж и выгодно... Но именно тогда матери рядом не было, а отчим, став жертвой наших с сестрой импровизаций, потерял бдительность и даже власть.

Ожидая мистера Готье и до дрожи в руках опасаясь последствий своего поступка, я посмотрела на отчима и вдруг осознала, что он являлся всего лишь частью большого семейного горестного скандала и казался теперь таким старым, несчастным, больным. Стало невероятно жаль его амбиции, происходящие из бедственного положения семьи, в которую, кстати говоря, он попал не так давно.

Неужели я была такой отходчивой, раз мне стало жаль разрушителя счастья родной сестры и своего собственного? Но Брам любил нашу мать... И обещал заботиться о нас... Чтобы мы жили в достатке до конца жизни... Видимо, в своих обещаниях он решил пойти до конца.

И с этими мыслями я глядела в окно, на дорогу перед нашим домом. Когда автомобиль Готье показался из-за холма, я настолько струсила, что отпрянула вглубь комнаты, боясь лишней раз вздохнуть. Но сделанного было не воротить: рано утром я пришла на почту, откуда можно было дозвониться до офиса Готье, где он принимал клиентов с их строительными заказами со всей округи, оповестила его камердинера о встрече, не терпящей отлагательств, затем просто вернулась домой.

У меня не было иного выхода, я действовала спонтанно, а Коллет была уже так далеко, так далеко... И кто бы посмел её осудить?

Джейсон Готье вошёл без стука, но никто из нас не обратил внимания на эту небольшую вольность. Он даже не поклонился, появившись перед нами, а стоило мне взглянуть на него, как я тут же растеряла всю свою решимость. Я боялась его. Его незримой власти над людьми, над нами в особенности...

Он напоминал мне ворона; эдакая чёрная птица, высокий тёмный призрак в глуши без

упокоения. И эта его чёртова повязка на левом глазу... Боже, до чего же меня раздражала эта физическая скрытность и неопределённость образа в целом!

Я до сих пор помню каждую секунду его пребывания там, каждое его движение. Как он злобно смотрел то на отчима, то на меня, как резким движением распахнул сюртук и дёрнул головой, будто пытался отогнать неприятные мысли, как его молчание действовало на нас хуже любых гневных ругательств. Любому, кто никогда не общался с ним, показалось бы, что он не так уж и злился, но я-то знала, прекрасно знала... А когда он заговорил, я содрогнулась от резкости его тона:

— Вы обманули меня, мистер Брам. Вы и ваша воспитанница. У нас был уговор, закреплённый бумагой уговор, а вы его нарушили. А я не люблю, когда кто-то не держит обещания.

Я не удивилась, когда отчим принялся оправдываться, приводя самые нелепые аргументы. И, судя по бесстрастному выражению лица нашего гостя, он ни на секунду не попался на эти жалкие попытки оправдаться.

— Мы ещё можем их догнать, я уверен в этом, — мялся мистер Брам. — Коллет вернётся, и я обязательно накажу её за подобную выходку! А заодно и её назойливую сестру, которая сунула нос не в своё дело...

Вот как! Время расплаты, занятно! Но не успела я принять вызов и начать защищаться, как вдруг Готье, пристально глядя на меня, спросил:

— Так это действительно вы? Вы ей помогли сбежать? — я удивилась ещё больше, когда он смягчился, и голос его стал насмешливым. — Интересно, очень интересно. Вы что же, сидели по ночам, разрабатывая план побега? А наброски у вас не сохранились?

— Какие ещё наброски? — спросила я.

— Вашего плана побега! Что ж, мистер Брам, мне вас действительно жаль. Когда в доме столько женщин, не удивительно, что вы потеряли авторитет, и теперь здесь никто вас не слушается.

Я поняла, что он откровенно насмеялся над нами, к тому же, он высмеял мой порыв помощи сестре. От такой наглости я, видимо, побагровела, ибо почувствовала, как жарко мне стало и душно. Мысленно я стала молиться, как бы попридержать свой язык и не наговорить больших глупостей.

Мы с отчимом молчали: он не знал, как ещё оправдаться перед человеком, способным отнять у него всё, а я понятия не имела, как сделать то, на что я уговаривала себя всё утро. Было невероятно страшно вот так сдаться, отдать себя неизвестности...

Готье уже надоело ждать, и я видела, как он напрягся перед тем, как заговорить:

— Вижу, что вам обоим более нечего мне сказать. Я лишился невесты, потерял драгоценное мне время, и в Лейстон поеду ни с чем. Кажется, ваша супруга нездорова, да, сэр? Что ж, жаль, ведь её лечение придётся прервать... И ваш дом... Довольно сносный и уютный. Да, очень жаль!

Я поняла, что он собирался уходить... И всё бы кончилось! Да, всё бы остановилось... Услышав стон отчаяния, который мистер Брам издал за моей спиной, я уловила момент и решительно обратилась к Готье:

— Прошу вас, сэр! Подождите! Это всё-таки я написала вам... И у меня есть к вам предложение. Надеюсь, вы хотя бы выслушаете его.

Он остановился, очень внимательно, испытующе посмотрел на меня, затем вдруг попросил отчима нас оставить. Такого я никак не ожидала и поначалу растерялась. Отчим с

явной неохотой вышел из гостиной, бросив в мою сторону неопределённый взгляд, и мы с Готье остались наедине.

Я стояла позади узкой софы, держась за её спинку, а Готье — у чёрного камина. Сделав глубокий вдох, гость пригвоздил меня к месту своим тяжёлым взглядом и раздражённо произнёс:

— Как я понимаю, вы осознанно вызвали меня. Ещё более осознанно помогли моей невесте сбежать.

— Формально, она так и не стала вашей невестой.

— Хм, так она не взяла то кольцо?

— Я ей его не отдавала, — произнесла я дрожащим голосом. — Но оно до сих пор у меня, не волнуйтесь.

— За кольцо я не волнуюсь, — сказал он и сделал шаг в мою сторону, что заставило меня сжаться. — Только за тех людей, которые ожидают меня в Лейстоне. Стройка стоит без меня, и я намеревался вернуться туда уже женатым человеком, но... Вы, ваша сестра, ваша семья сделали из меня посмешище. Я старался быть терпеливым, сдержанным, но меня обманули, оставили без денег и без невесты... Нет, нет, я знаю, о чём вы хотите спросить. В Глиннет я вряд ли вернусь. А если и вернусь, то не ради очередной невесты, да и в такой глуши, как Лейстон искать можно разве что у папаш-фермеров... Мне надоели поиски, мисс Кейтлин.

Это был самый подходящий, идеальный момент для того, чтобы признаться. Но я снова струсила, боялась даже слово сказать. А он по-простому пожал плечами и хмыкнул.

— Так вы больше ничего не хотите мне сказать, мисс Кейтлин?

Но я должна была. У меня не было иного выбора. Всё, что мне оставалось — убедить себя и его. С собой я почти справилась, но вот он... И именно в то мгновение я собрала волю в кулак и кивнула.

— Вы правы, сэр. Я хочу кое-что вам сказать. Из-за вашей гордости и жадности... то есть, принципиальности, моя сестра вынуждена была убежать. Да, мы поступили опрометчиво, но по-другому никак! Коллет влюблена, и вам эту любовь не удалось бы сломать. — Я перевела дух и решила несколько смягчить резкость своих слов. — Но раз иначе вы не желаете... Раз вы так спешите жениться... Я предлагаю вам сделку. Вы поможете мистеру Брамму разобраться с долгами, а заодно поддержите нашу матушку в госпитале. Ей нужен лучший уход, а мой отчим не может себе этого позволить. И, да, ещё вы оставите Коллет и её мужа в покое! Я должна быть убеждена, что они живут без преследования...

Резким движением руки он заставил меня замолчать, и его голос снова зазвучал насмешливо:

— Так, так, постойте! И чего же ради я стану всё это делать?

— Вы хотели найти себе жену. Вы и нашли. Я сама поеду с вами в Лейстон, — я ощутила ком в горле и тошноту, но всё же стойко договорила. — Я поеду с вами как ваша супруга.

Несколько минут он молчал, то отворачиваясь и глядя в пол, то заново разглядывая меня. Когда он встал в профиль, правым боком ко мне, я не сдержалась и отметила про себя, что он был довольно хорош собой. Когда, конечно же, не была видна его отвратительная повязка. Пусть и слишком бледный, худощавый, с высокими скулами и чёрными, как ночь, густыми волосами, длинными прядями спадающими на лоб, он являл собой идеал

состоятельного джентльмена. Не удивительно, что три года назад он привлёк внимание сестры...

О чём, чёрт возьми, я думала тогда, вверяя свою судьбу этому человеку?

Дрожа всем телом, я со страхом ожидала его слов, как смертного приговора. И в глубине души я желала, чтобы он счёл меня сумасшедшей и отказал мне.

— Вы самая отчаянная особа, какую я когда-либо знал. Почему же я должен остановить свой выбор на вас, в конце концов?

Прежде, чем я смогла привести какие-то доводы в свою пользу, он заговорил, быстро и строго, не сводя с меня глаза:

— Я считал вас куда более рассудительной, здравомыслящей леди. Я даже оценил ваше стремление к самопознанию...

— А я помню, как вы указали на то, что я рискую остаться одинокой старой девой!

— И теперь вы бросились исправлять это недоразумение? — он прищёлкнул языком и гаденько ухмыльнулся. — Хотя я намекнул вам об одиночестве, это не отменяет того факта, что я уважаю ваш исключительный выбор. Теперь вы ставите меня в тупик, выдвигая свою кандидатуру на роль моей жены... Словно это торги на базаре!

Я едва сдержалась, чтобы не ответить ему грубостью; разве с Коллет было иначе? Разве он не покупал её за благополучие нашего отчима? Ха! Вся эта ситуация со свадьбой давно уже превратилась в фарс и напоминала торги.

Но это ничего не меняло: ни его власти над нами, ни его упрямства, ни даже моего решения. Именно это я и хотела ему сказать, но что-то заставило меня передумать.

— Так почему же я должен принимать ваше предложение?

Недолго думая, я ответила, стараясь смотреть Готье в лицо и не опускать глаза:

— Вы не должны. В вашей власти уйти и оставить нас на произвол судьбы. Вы также можете отправиться искать мою сестру... Но вы ничего не измените. Она уже замужем. И вы прекрасно знаете, что брак консуммирован.

После этих слов я заметила, как он напрягся и почему-то покраснел. Но я отступать не собиралась, он должен был увидеть, что я решила идти до конца.

— Вы можете оставить всё, как есть, а можете жениться на мне и избежать большего скандала. Вам не придётся ждать и тратить драгоценное время на поиски другой невесты... Вы сами так сказали. А я обещаю быть... обещаю...

Мне казалось, если я произнесу те слова, то тут же свалюсь без чувств. Но Готье уже сосредоточил всё своё внимание на мне, и отступать было некуда.

— И что вы там обещаете? — спросил он нетерпеливо.

— Быть покорной... и послушной. Повторяю, так мы все что-то выиграем.

— А вы? Что выиграете вы? И как же ваша учёба в Кардиффе?

Забавно, что он всё-таки поинтересовался. Это было вполне закономерно, но всё равно мне снова пришлось сдерживать слёзы и говорить дрожащим голосом.

— Мою... мою работу не оценили, я имею в виду, я не прошла первый этап. У меня не было шансов, — я попыталась улыбнуться, и выглядела в тот момент весьма жалко. — Я ненавижу сидеть на чьей-то шее, поэтому в моих же интересах принести пользу... ну, в иной роли. Да, я хочу, чтобы вы женились на мне. Вот, что я хотела вам сказать.

Я предоставила ему выбор и уже не в силах была смотреть на него, поэтому просто повернулась к окну. Погода так быстро испортилась, я даже не сразу заметила накрапывающий дождь. Я чувствовала себя дурно ровно настолько, как если бы директор

Эйвинчес-Хилл сам разорвал моё сочинение на куски и бросил бы их мне в лицо. И эта мысль настолько разозлила меня и расстроила, что на мгновение даже замужество показалось мне лучшим вариантом.

Обернувшись, я увидела, что Готье всё так же неподвижно стоит на месте и смотрит на меня. О чём он думал тогда и как быстро принял решение, я не догадывалась, и мне было жутко страшно из-за неизвестности и неопределённости.

— Я ценю ваш порыв, Кейтлин, — сказал он просто. — Но вы делаете из себя жертву...

— Это уже мне решать. Можете назвать это отчаянием.

— Вы ничего не знаете о замужестве, о мужчинах. Не пожалеете ли вы вскоре?

Его слова напоминали мне о моей неуверенности. Но всё уже было сказано. Готье колебался, и я боялась, как бы он не отказал мне.

— Я знаю не меньше других девушек, сэр. Ведь я такая же, как и все. Больше мне вам нечего сказать.

После долгого молчания и такого пронизывающего взгляда, что мне порой хотелось спрятаться от него, Готье кивнул и сказал:

— Хорошо.

Облегчения я не испытала, и, судя по всему, это было наше с ним обоюдное ощущение. Готье медленно подошёл ко мне, затем вдруг взял мою левую руку в свою (до чего же холодными были его пальцы!) и попросил отдать ему обручальное кольцо. Его просьбу я выполнила, а дальше как во сне следила за тем, как он надел это кольцо мне на палец, притом пристально глядя мне в глаза.

— Поздравляю, — сказал он мрачно, почти безэмоционально. — Завтра я приеду, чтобы помочь со сборами. А заодно убедиться, что и вы не сбежите. У вас это семейное.

Потом он просто ушёл, а я стояла там, под звуки начинающейся грозы, и смотрела на золотую полоску кольца, с безмолвным отчаянием осознавая, что стала невестой. Я... невеста?

Я — невеста.

Примечание к части

[1] Проклятье! (итал.)

Он не присылал мне подарков, как полагалось перед свадьбой делать жениху. Никаких сувениров, украшений или дорогих одежд, кроме свадебного платья цвета слоновой кости, такого простого, но в то же время совершенно отличающегося от платья Коллет скромным стилем: шифонная накидка на плечи, декольте на завязках, жёсткий корсет в кружевах и юбка из воздушной ткани, создающая эффект многослойности.

И примеряя этот наряд перед зеркалом в нашей с сестрой комнате, я не без удивления отметила, что он идеально сидит на моей миниатюрной фигуре, а ведь предварительных примерок не было. Готье угадал, или ему просто повезло с выбором. Глядя на своё отражение — бледный призрак с распущенными длинными локонами светло-медного оттенка — я с тревогой осознала, что вскоре этот призрак больше не будет принадлежать только самому себе. А точнее, всего через несколько часов он уже всю познает прелести супружеской жизни. От этой мысли мне стало настолько страшно, что на глаза даже навернулись непрошенные слёзы. Никогда бы не подумала, что буду испытывать страх перед мужчиной и физическим вмешательством в собственное тело... Но это ведь не какой-то докторский укол в руку... теперь это непосредственно касалось меня, моего тела, моей души. Ионсобирался оставить раны и на теле, и на душе.

В день венчания камердинер жениха приехал с экипажем к нашему дому, чтобы забрать меня и отчима, который отведёт меня к алтарю. И Глиннет не выдвигал более скромной свадьбы за всё время своего существования. Короткая церемония прошла в церквушке, находящейся в конце главной дороги. Жители говорили, что её первый камень был заложен ещё в шестнадцатом веке, но никто точной даты не знал.

Идя под руку с отчимом к дверям церкви, я смотрела на её грязные, серые стены, поросшие влажной от дождя растительностью, и думала о Коллет, о том, как она представляла собственную свадьбу и что в итоге получила.

Единственным светлым пятном на фоне этого унылого мероприятия стали местные детишки, а ведь многих из них я знала. Одна из девочек-подростков, которые готовились поздравить меня у церкви, вручила мне прелестный букет, и я не могла не принять его.

Внутри было душно, пространство переполняли запахи ладана, и я видела целый океан свечей, разлившийся по сторонам. Священник, так невероятно выделяющийся в этой мрачной полутьме своим белым одеянием, улыбался мне, пока я не заметила, наконец, Готье, стоявшего слева от него вместе с двумя джентльменами во фраках. Тогда я видела их в первый и последний раз, и даже не узнала, кем они приходились моему жениху.

А Готье, одетый в чёрную фракную пару с белым галстуком и рубашкой кремового цвета, обернулся ко мне, подошёл и, предложив руку, вынудил отпустить отчима. В то мгновение мне очень не хотелось этого делать. Мистер Брам олицетворял собой едва ли не последний лучик света из нашего скромного, но такого родного жилища, и я уже начинала скучать по нему.

Пока священник читал латынь, я размышляла о том, что сразу же после церемонии меня увезут на станцию, там мы сядем в поезд и уедем из Глиннета на неопределённый срок. А возможно, и навсегда. Ещё я размышляла над тем, что матушка не присутствовала на свадьбах своих дочерей. И думала о том, как ночью, которую придётся провести в дороге, этот мужчина, по правую руку от меня, явится и сделает меня женщиной. И как ему самому

тошно будет, ведь я — не та жена, которую он хотел. А хотел он мою сестру, он любил её, желал её.

Священник почти закончил, когда мои обострённые чувства подсказали, что Готье смотрит на меня. Приподняв голову и покосившись в его сторону, я увидела лишь повязку на его лице, смутилась и опустила глаза. Каким же большим, строгим и холодным он казался! А мне было тоскливо. Приторно тягучая тоска для бледного, отчаявшегося призрака. В то мгновение я поняла, что отныне буду одинока, как никогда.

Моё замужество началось со лжи: клятвы, которые мы оба дали друг другу, сквозили любовью, верностью, всем тем, чего желают молодожёны, которые по-настоящему влюблены. Но к нам это не относилось. Однако, произнося свою клятву, Готье казался весьма естественным, в отличие от меня. Из него получился хороший актёр. Даже его голос смягчился на фразе, как «любить и вечно оберегать...»

Если вспоминать тот первый поцелуй, самый целомудренный и скромный, то я лишь одно могу с уверенностью сказать: он не вызвал во мне никаких чувств. Его губы просто коснулись моей щеки, легко, почти невесомо.

А потом всё вдруг кончилось, и кольцо уже красовалось на безымянном пальце моей левой руки, и отчим целовал меня в щёку, будто в последний раз. Это было первое проявление нежности ко мне с его стороны. Словно в тот момент он признал меня своей дочерью, которую тут же потерял. А я просто не могла его видеть. И уж тем более простить.

Дети радостно кричали, бросая нам под ноги крупные лепестки цветов, а когда я раздавала им сладости, они искренне и с благодарностью желали мне и моему мужу счастья.

Совершенно непривычно было, стоя на перроне под навесом станции, наблюдать, как носильщики ловко загружают многочисленные чемоданы, сумки и коробки в багажный вагон поезда, который в скором времени должен был увезти нас на другой край острова. Бантингфорд — точное место последующей «дислокации», граничащее с приходом Лейстона, где Готье и осуществлял свои работы по строительству. Город был небольшой, насколько я знала, но уютный и тихий.

Итак, вместе со своим новоявленным супругом я ожидала, когда все вещи будут погружены, и мы сможем отправиться в путь. И пусть я ничуть не ощущала себя счастливой девушкой, всё-таки перспектива совершить путешествие в поезде меня приободряла, и я смотрела на вагоны, разглядывая поршни, слушая шум пара, выбивающегося из-под этой громадины, и вдыхала необычайно новый для меня запах работающих механизмов.

— Здесь и твои вещи тоже, — прервал наше общее молчание Готье. Он стоял справа от меня, расстегнув фрак и глядя на работу носильщиков. — Всё самое необходимое. Остальное можно будет приобрести после приезда.

— Что-то я не вижу среди этих вещей ни одного своего чемодана, — ответила я с тенью сарказма.

Чтобы лучи заходящего солнца не заставляли меня щуриться, пришлось повернуться к мужу.

— Не беспокойся, они здесь есть.

— Я всё же не совсем понимаю, к чему такая спешка. Вы можете мне объяснить? — спросила я, вовсе не надеясь на его благосклонность.

Ответил он не сразу, да и то не глядя на меня:

— Моя работа заключается в полном контроле процесса строительства. И неважно, что

это будет за здание. Это моя работа — обеспечить лучший результат, оправдать ожидания заказчика. Я хочу, чтобы ты и это знала, и в дальнейшем не подвергала сомнению мои действия. — Его голос снова звучал холодно, отстранённо, а я и не сразу заметила, когда он отбросил в отношении меня все формальности. — Чем быстрее я вернусь домой, тем быстрее продолжу работу. К тому же, я задержал зарплату своим людям.

Я кивнула, опустил глаза; почему-то я чувствовала себя маленькой девочкой, которую грубо отчитали за какую-то проказу. В дальнейшем такое тоже случалось часто.

— Я очень сожалею, что твоя матушка не смогла присутствовать сегодня при венчании, — сказал он тихо, и я вдруг заметила, что он, наконец, посмотрел на меня. — Даю слово, что ты увидишь её, как только ей станет лучше.

— Спасибо, сэр.

Вот и всё, что я могла сказать. На самом деле, даже хорошо, что мать не была свидетелем этого фарса с моим замужеством. Сделка и общая ложь, проще говоря — вся правда, окончательно бы подорвали её здоровье.

Когда прозвучал первый гудок, немногочисленные пассажиры, ожидающие, как и мы, отправки, поезда, постепенно вошли в вагоны. Готье передал билеты проводнику, а тот улыбался ему, иногда поглядывая на меня, будто мы были королевской четой. Как я уже упоминала, Готье умел впечатлить и расположить к себе, естественно, в собственную угоду.

Вещи были погружены, носильщики разошлись, и перрон почти опустел. Очередной гудок возвестил о скором отправлении поезда. А я почему-то не могла сделать и шага вперёд. Я думала о том, что теперь долго не увижу родные улочки, знакомых соседей, всегда таких добрых ко мне и сестре... Коллет... Её я рисковала и вовсе не увидеть больше.

Больше меня не зачаровывала будущая поездка. Я не хотела расставаться с прошлым. Ах, вот бы закрыться в своей спальне и никогда оттуда не выходить!

— Пять минут, и отправимся.

Супруг бесшумно подошёл ко мне, дождался, пока служащий станции пройдёт мимо нас, и вдруг сказал, очутившись прямо передо мной:

— Знаю, это будет непросто. Знаю, чем ты пожертвовала. Но и я тоже, поверь мне...

— Вы так часто просите довериться вам, — тупо произнесла я, глядя на пуговицы его рубашки. — Но думаю, что это последнее, на что я решусь в этой жизни.

— Что ж, будем честными. Ты в этой истории погрязла, как и я, верно? Теперь мы в одной лодке. Теперь, как бы ты ни отвергала меня, всё уже свершилось. Мой характер... не подарок. Со мной трудно жить, порой даже невыносимо. Но я поклялся защищать и оберегать тебя, пока я жив. Знай, так и будет.

Его слова меня ничуть не утешили. Но дальнейшие фразы, что он произнёс достаточно тихо и чётко, пристально глядя мне в глаза, заставили меня задрожать.

— Твоя сестра получила желаемое. Твой отчим, твоя мать — они никогда не будут нуждаться. Я ведь обещал. Но отныне, всё моё принадлежит тебе, а ты... поскольку у тебя нет ничего, что бы ты предложила мне, кроме себя самой... тогда ты принадлежишь мне.

Такой наглости я никак не ожидала. Настолько интимные, личные вещи он начал обсуждать едва ли не на краю перрона, и я просто не нашлась, что ответить; так и стояла перед ним с раскрытым от удивления ртом. Я была его женой всего пару коротких часов и совершенно не была готова к подобной вольности.

— Ты ведь никогда прежде не целовалась? — спросил он спокойно, почти равнодушно, и я просто вспыхнула от смущения. — Да, так и есть. Не нашлось смелого мальчишки в этом

городке, который украл бы твой первый поцелуй. Но поскольку ты вполне осведомлена о том, что кроме поцелуев существует нечто более серьёзное, я думаю, что смысла скрывать это от тебя больше нет.

Затем он протянул ко мне руки, его потеплевшие ладони коснулись моих щёк, и, прежде чем я успела отреагировать, он низко наклонился ко мне, зажмурившейся и испуганной, и поцеловал. Это не было похоже на поцелуй перед священником: теперь он приоткрыл губы, попытавшись заставить меня раскрыть мои, но, когда я просто дёрнулась, он прижался ко мне, шумно вздохнув, и целый ураган ощущений захватил меня: острое смущение, и чужое тёплое дыхание напротив моих губ, и его щетина, трущаяся о мою кожу, и даже ткань его повязки на глазу...

Прозвучал последний гудок, и это заставило Готье отпрянуть от меня. Я открыла глаза и увидела, что он всё так же невозмутимо бесстрастен. Возможно, только моя реакция на этот поцелуй походила на впечатление от первой и последней встречи с каким-нибудь ужасным убийцей.

Поманив меня за собой, муж прошёл мимо проводника, и я как во сне последовала за ним, приняла его руку, чтобы взобраться на ступени, и пошла по узкому коридору вагона. И вот тогда меня будто что-то толкнуло. Я застыла, устремив взгляд в окно, откуда я видела станцию с другой стороны; там, за холмами, был мой дом, знакомые места, которые никто не заставит меня забыть. Если только эти воспоминания вырвут из моего сердца вместе с любовью к аллеям парка через несколько домов от нас, или миссис Пиншем с её терьерами, или старенькой городской библиотеке, в которой я перечитала все книги по десятку раз...

Оказалось, что поезд уже набрал приличную скорость, а я всё стояла посреди коридора. Шум работающих поршней глухо отдавался в стенах вагона, а моя многослойная юбка занимала почти весь проход. Перед моими глазами всё быстрее мелькали родные луга с их яркой зеленью и островками жёлтых цветов... И я бросилась бежать назад, подхватив края юбок, чтобы не споткнуться.

Выбежав в крохотное помещение тамбура, я кинулась к ещё не запертой двери, и я высунулась бы наружу, если бы проводник не схватил меня сзади. Он ругался, перекрикивая шум скорости, просил вернуться в вагон, а я всё смотрела на отдаляющуюся станцию Глиннета и беззвучно плакала.

Глиннет был солнцем, слепящим нас с Коллет по утрам из окна, он был полон смеха деревенских детей, он был всплеском в узкой речке под мостом, и даже звоном церковного колокола в Воскресенье. А теперь он забирал мои слёзы и память, пока поезд уносил моё тело вдаль. Этот город и каждый камешек, знакомый мне здесь с малых лет, незримым жестом прощались со мной. Я не оставила здесь ничего, а город дал мне больше, чем можно было вообразить.

Под стук колёс, оглушённая порывами ветра, я слышала только один единственный вздох. Вздох города моего детства, похожий на похоронный стон органа в разрушенном монастыре: забудь нас...

Проводник силком оттащил меня от края, отпихнув к стене, затем закрыл дверь. Сквозь растрепавшиеся волосы я не могла различить его лица. Потом я просто стала оседать на пол, голова моя гудела, и дыхание словно прервалось. Я провалилась во тьму мягко, без боли, в первом в своей жизни обмороке.

Открыв глаза, я не сразу осознала, проснулась я или очнулась от некоего дурмана. И первой моей мыслью было: неужели всё это было сном? Однако, полежав с минуту и привыкнув к звукам и запахам поезда, я поняла, что всё ещё ехала в Англию, в далёкий и чужой Бантингфорд.

Последующая минута принесла мне горькое осознание собственного поступка. Я могла и покалечиться, и умереть, возможно. Теперь же я лежала в купе первого класса, на левой койке, и постепенно приходила в себя. Медленно сев прямо, я увидела Готье, расположившегося на соседнем месте с книжкой в руках.

В купе царил полумрак, горела только лампа над правой койкой. Пришлось заглянуть за тяжёлые шторы, чтобы понять время суток. На горизонте, за пустыми лугами, мимо которых мы как раз проезжали, закат окрасил облака в красный с едва заметным оранжевым оттенком. Изредка мелькали одинокие станции и фонари ночных смотрителей.

Глубоко вздохнув, я уселась удобней и вдруг заметила, что корсет свадебного платья больше не стягивает меня. Как оказалось, его на мне вообще не было, а завязки декольте — практически распушены. Разумеется, я тут же принялась стыдливо прикрываться руками.

— ... И для острых осколков, что остались от его сердца, и выплаканных слёз он сделал себе шкатулку. — Готье оторвался от чтения, посмотрел на меня и хмыкнул. — Неплохая рецензия на «Короля Лира», должен заметить.

Он повертел книгой в руке и лукаво улыбнулся.

— Издание с рецензиями и комментариями критиков. Думаю, ты помнишь тот момент. Если не ошибаюсь... «Вам кажется, я плачу? Нет, не заплачу я. Мне есть о чем рыдать...»

— «... но сердце прежде на тысячу обломков разобьется, чем я заплачу» [1], - процитировала я бесстрастно, разглядывая кружево на рукаве. — А я всегда любила шута.

— Да, славный малый. Он ведь отправился в бурю вместе с...

— Не собираюсь я говорить с вами о Шекспире! — огрызнулась я. — Объясните лучше, что с моей одеждой! Что со мной случилось?

Готье тут же нахмурился, видимо, неудовлетворённый моей реакцией, и я поняла, что вновь настроила его против себя.

— Всего лишь неприятное свойство юного организма — реакция на слабость, влияние духоты и скорости, — сообщил он мне, будто прочёл какую-то докторскую заметку. — Что же касается твоего наряда... Не нужно сцен, прошу! Я всего лишь отнёс тебя сюда, когда ты потеряла сознание в тамбуре, затем просто освободил от этого жуткого корсета. Не мог же я позволить тебе задохнуться!

Инстинктивно, я всё же потянула за завязки платья, а супруг, глядя на мои дрожащие пальцы, коротко и с издёвкой засмеялся.

— Спешу заверить, что в тот момент я не был настроен рассматривать твои безжизненные прелести. Это было бы крайне грубо с моей стороны.

— И как долго я проспала? — пришлось проигнорировать его слова, хотя я знала, что уже предательски покраснела.

— Всего пять часов. Надеюсь, ночью ты будешь спать так же крепко. Я всегда считал дневной сон дикой привычкой лентяев... Признаться честно, я заскучал без книг, пришлось позаимствовать эту у соседей. Ну, и привычки разговаривать с проводником у меня тоже нет,

так что я ждал, пока ты проснёшься. Как ты себя чувствуешь?

— Вполне сносно, — пролепетала я, стараясь не смотреть ему в единственный открытый моему взору глаз.

— Прекрасно.

Затем он поднялся, резко захлопнув книгу, поправил свой чёрный сюртук и обратился ко мне равнодушным тоном:

— На полке над своей койкой ты найдёшь сумку, там только одежда на ночь и кое-какие необходимые вещи для поездки. Время ужина давно миновало, но я попросил проводника пустить нас в вагон-ресторан, когда ты проснёшься. Приведи себя в порядок, пожалуйста. Через пятнадцать минут я приглашу сюда проводника. Он отведёт тебя в нужный вагон.

Я никак не отреагировала на его слова, просто продолжала сидеть на месте, поэтому он, видимо, понадеявшись на моё благоразумие, поклонился и вышел из купе, закрыв за собой двери.

— Ты опоздала, — прозвучали первые слова моего супруга, стоило мне войти в вагон-ресторан.

Я всё ещё не привыкла к тряске поезда, так что, даже сопровождаемая галантным проводником, инстинктивно держалась за поручни, тянущиеся вдоль правой стены.

Готье сидел за одним из столиков, лицом ко мне, сосредоточенно выбирая что-то в своей тарелке, затем простым кивком головы пригласил меня присоединиться.

— Красивое платье, — заметил он и, к моему удивлению, пригляделся ко мне внимательнее. — Весьма простое, но для обычного ужина ведь подойдёт, не так ли?

Решив не заострять внимание на этом голубом муслиновом платье, я стала разглядывать блюда на столике передо мной; Готье уже положил себе овощи, картофель и добротный кусок баранины. Какое-то время я просто наблюдала, как муж ест, а когда он вдруг нервно повёл плечами и взглянул на меня, я вздрогнула.

— Ты ведь не обидишь повара? Или так и будешь плотоядно разглядывать этот стол? Лучше будь умницей, съешь что-нибудь.

— Не нужно обращаться со мной, как с ребёнком, — ответила я, чем только позабавила его.

— Вот и не веди себя, как ребёнок. Я согласился жениться на тебе не для того, чтобы нянчиться...

Отчего-то я сразу догадалась, что разговор принял не самый приятный поворот, а Готье решил расставить все точки над «і» прямо за ужином, в этом чёртовом вагоне. Приготовившись защищаться, я положила в рот кусочек сыра и насторожилась.

— Поскольку мы с тобой уже прошли через самое сложное, — говорил он, аккуратно разрезая мясо, — считаю, что сейчас стоит обсудить некоторые детали нашего совместного будущего. Итак, начну с того, что завтра утром мы пересядем в Хардингстоне на поезд, ведущий прямо в Бантингфорд. К сожалению, после второй остановки придётся разместиться на ночь в гостинице, потому что будет уже слишком поздно вызывать автомобиль и ехать в Лейстон-Холл...

Я кивала, чтобы дать ему понять о своём внимании, но всё равно опасалась, если он вспомнит о моей сестре или её побеге. Но этой темы он так и не коснулся.

— Сейчас в Лейстон-Холл достаточно людей, которые познакомят тебя с поместьем.

— А вы сами?

— Мне придётся отлучиться после приезда, — он отпил из бокала немного воды и откашлялся в кулак. — Какое-то время я обязан буду провести на стройке. Она всего в паре часов езды от Лейстон-Холл. Это ведь не станет для тебя проблемой?

Я равнодушно мотнула головой. Какое мне было дело до его драгоценной стройки? Мне не было дела даже до Лейстон-Холл. Наверное, в глубине души я ещё надеялась, что поезд вдруг повернёт назад и отвезёт меня домой. Вспоминая Глиннет, я ощутила, как сердце защемило от боли, поэтому просто продолжила есть, не подавая вида.

— У тебя ко мне нет никаких вопросов? — когда я отрицательно покачала головой, глядя в тарелку, супруг иронично хмыкнул. — Совсем никаких? Знаешь, Кейтлин, ты ведь не сможешь игнорировать происходящее вечно.

Честно признаться, мне не нравилось, когда он называл меня по имени.

— Я и не планирую жить с вами вечно.

— Я выражался фигурально. Более того, ты сама настояла стать моей женой. Так что твоё поведение неубедительно, да и нелогично. Куда уж лучше всё принять и смириться.

— Ошибаетесь, — я расправила плечи и посмотрела на него. — Я поставила определённые условия для нас обоих. И вы согласились... Но становиться вашим другом у меня в планы не входит.

Он снова коротко засмеялся и машинально запустил руку в свои волосы, небрежно растрепав их.

— Знаешь, а ведь я с женщинами дружбу тоже не вожу, — произнёс он с дельной задумчивостью. — Бывают, правда, исключения, но редко, и, в основном, только для бизнеса. И уж точно своих друзей я не целую... и в постель с ними не ложусь.

Готье явно был доволен собой и тем, что затронул эту интимную тему. Я всегда краснела, стоило мне случайно услышать нечто непристойное, и даже читая те самые греческие пьесы в полном одиночестве, я умудрялась смущаться, как неискушённая школьница.

Вот и сейчас, когда супруг коснулся того, о чём я даже подумать боялась, я не знала, что сказать, чтобы не показаться полной провинциалкой.

— Пусть смущение тебе к лицу, но я не могу отделаться от мысли, что мы — как Рочестер и мисс Джейн Эйр, ведём вполне заурядную беседу, а потом вдруг затрагиваем какую-то запретную тему. Это похоже на надоевшее cliché.

Он с минуту водил вилкой по тарелке, наверняка, ожидая, что я найду способ ему отпарировать, но я упорно молчала, всё ещё жутко смущённая воспоминанием о поцелуе.

— Я немало знаю о физической любви, — сказала я, наконец, и сама же поразилась этому. Пришлось тут же соврать, да как можно убедительнее. — То есть, я не боюсь, вот о чём я говорю.

— Я вовсе не собирался тебя пугать, — ответил Готье и пожал плечами. — В конце концов, всё случается когда-либо в первый раз. Ты же не думала, что проведёшь всю жизнь, обучая в школе детей или время от времени дописывая очередной штампованный роман?

— Возможно, это было именно тем, к чему я стремилась, — бросила я резко и повернулась к окну.

— Даже я в это не верю, Кейтлин. Мы вечно стремимся к запретному и желаем невозможного, как говорил один римский поэт. Для тебя подобная серость стала бы клеткой...

— Как будто я теперь не в клетке оказалась, — прошептала я, и он, к счастью, меня не услышал.

— Знаешь, один французский философ, Пьер Абеляр, цитировал: «праведника не опечалит ничто с ним случившееся!» Но сейчас даже я начинаю задумываться над тем, какого чёрта я пытаюсь быть таким любезным и терпливым с тобой!

Он устало покачал головой, словно заново отчитал упрямое дитя за шалость, и это меня разозлило. К тому же, я прекрасно знала, кем был Абеляр. Подождав, пока мой нахмурившийся супруг осушит свой бокал, я саркастично произнесла:

— Как символично, что вы вспомнили именно эту цитату. Видимо, вы желали намекнуть мне на моё положение, а также на полное отсутствие веры в самое лучшее. Чтоб вы знали, моя вера не касается никого, кроме меня! И, к вашему сведению, Абеляр соблазнил и похитил Элоизу, свою ученицу, что вовсе не характеризует его, как пример для цитирования.

Готье выждал, пока я успокоилась и сложила руки перед собой, затем едва заметно улыбнулся и задумчиво сказал:

— Говорят, что это была любовь. И Элоиза была не так уж против этого своеобразного соблазнения и похищения.

— Мне всё равно, — я отвела глаза в сторону, поёжившись. — Я вам не Элоиза.

— Логика отвратила от меня целый мир.

Я понятия не имела, что он хотел этим сказать, но ещё больше меня злило то, что я не представляла, откуда он взял эту цитату. Если он стремился разбрасываться философскими изречениями весь вечер, таким образом, доказывая своё интеллектуальное превосходство, то мне бы пришлось признать — он меня попросту принижал и выигрывал в нашей словесной перепалке.

Ощущение усталости вдруг захватило меня с новой силой, к тому же, покачивание вагона и размеренный стук колёс успокаивали меня и склоняли ко сну лучше каких-либо препаратов.

В конце концов, отложив приборы и утерев чистой салфеткой губы, Готье поднялся и бесстрастно сказал:

— Если с твоей стороны более не последуют никакие язвительные замечания в отношении моих познаний жизни французских философов, предлагаю на сегодня закончить. Пора ложиться спать, нам предстоит ранний подъём...

— А зачем вы меня поцеловали там, на станции?

Он не удостоил меня и коротким взглядом. Возможно, он обиделся. Возможно, надолго. Ведь, в конце концов, он позаботился о том, чтобы я чувствовала себя комфортно после того, как потеряла сознание. А затем и ужином накормил.

Моя пробудившаяся совесть дала о себе знать слишком поздно: Готье молча вышел из вагона-ресторана, и я даже не успела ничего сказать. Уже позже, сидя на готовом для сна ложе и глядя в мелькающую за окном ночь, я размышляла о нашем разговоре, и, наконец, пришла к выводу, что таких разговоров впереди меня ждёт немало. Стоило быть готовой к любой заумной фразе с его стороны.

Койка напротив моей была неразобрана и пуста. Я знала, что муж расположился в купе по соседству, поэтому не боялась, что он придёт ко мне с требованиями исполнения супружеских обязанностей. Я была уверена, что ни один мужчина в здравом уме не станет посещать жену в их первую брачную ночь в трясущемся на ходу поезде.

А если он обиделся настолько, что и вовсе не захотел бы делить со мной постель? Просто станет игнорировать меня. А ведь я даже понятия не имела, хочет ли он детей. Наследника всех его богатств, наконец!

Я убедила себя не думать об этом. Мне не нужна была эта близость, более того, я её боялась, как боится любая девственница. И возможно, здесь наши с супругом интересы тоже совпадали. Скорее всего, он не тронет меня, пока не окажется вынужден сделать это.

И я не была Коллет. А Коллет — самая красивая молодая женщина Глиннета, и никто бы не стал спорить с этим. Несомненно, с ней Готье хотел бы и детей, и любви в жаркие, летние ночи. Сестра смогла бы сделать его счастливым, если бы любила его, как своего мистера Рэтмора... Я снова ощущала себя несчастной...

Я не могла заснуть ещё очень долго; то болтала ногами, сидя на краю жёсткой койки, то просто смотрела в окно, то распутывала волосы, пытаясь их расчесать и освободить пряди от шпилек. Сон как рукой сняло, к тому же, в белой сорочке из батиста, которую я обнаружила всё в той же дорожной сумке, было довольно жарко. Если бы у меня были при себе собственные вещи, я бы ни за что не стала спать в одежде, купленной Готье. Я и так чувствовала себя обязанной, но теперь мне приходилось одеваться так, как задумывал он. В этом было что-то неправильное.

Было уже далеко за полночь; поезд сбавил ход, и какое-то время ехал тише, мимо маленьких деревушек и болот. Не успела я погасить лампу над своей постелью, как услышала за спиной звук открывающейся двери. Ахнув от неожиданности, я обернулась и едва не натолкнулась на своего мужа.

Одет он был всё так же, только вместо сюртука поверх рубашки набросил тёмно-синий халат. В руках он держал аккуратно сложенный плед, а на его бледном лице я успела заметить тень растерянности.

— Я решил, что ты уже спишь, — сказал он недовольным тоном. — Ночью может быть прохладнее, так что лучше возьми это и... в этих купе не всем достаются тёплые вещи...

Будто кролик перед готовящейся к нападению змеёй я стояла перед ним, смущаясь и краснея. Я всё ждала, когда он отдаст мне плед, даже руку протянула, но с ним определённо произошло что-то странное, потому что Готье не шевелился и попросту разглядывал меня. Осмелев, я проследила за его взглядом и поняла, что он смотрит гораздо ниже моей шеи... А я и забыла, что батист достаточно прозрачен, так что мою грудь не трудно было рассмотреть, особенно при плохом освещении.

Бросившись на защиту своей невинности, я выхватила из его рук этот чёртов плед и прижала к своей груди, тут же ощутив себя в десять раз защищённей. Волнение и страх уступили место нетерпению, потому что супруг всё глазел на меня, и, признаться честно, никто и никогда ещё так не пялился на меня.

— Спасибо, сэр, — буркнула я раздражённо, ожидая, что он вот-вот уйдёт.

— Утром я найду, чтобы разбудить тебя. Мы выйдем в... хм... Что ж, увидимся утром. Доброй ночи.

Он кивнул и, к моему глубочайшему облегчению, поспешил покинуть купе. Я даже догадалась повернуть задвижку на двери. Только позже я поняла, что Готье едва ли не заикался на последних словах. Возможно, он не ожидал увидеть меня такой... Возможно, он представил на моём месте Коллет...

То были неприятные мысли, и я решила просто попытаться заснуть.

Через четыре часа отвратительного сна, когда я то и дело ворочалась, поправляя подол

ночной сорочки, кто-то настойчиво и громко постучал в моё купе, а затем просто ушёл. В окне, отодвинув штору, я увидела безлюдную станцию города Хардингстон, утопающую в оранжевом свете восхода.

Примечание к части

[1] «Король Лир», акт второй, сцена четвёртая.

Глава 6

За все девятнадцать лет, прожитые в Глиннете бок о бок с бесконечными лугами и историями о лесных созданиях, подстерегающих путников на узких тропах, я не испытывала ничего подобного, как в тот единственный день в совершенно чужом городе.

Это были живые, чистые улочки с рынками и разнообразными прилавками; это были звонкие голоса местных жителей, которые всегда искренне улыбались друг другу; это были свежие цветы невиданной красоты на каждом шагу — и весь город походил на распутившийся поутру цветок.

Не стоит даже упоминать о том, что гостиница, в которой мы остановились в ожидании следующего поезда, была приятным местом для отдыха. Уютные комнаты со старой мебелью и запахом чистоты, корзинки с цветами на белоснежных подоконниках и даже роскошные ванны и уборные — всё воспринималось мною, как очередное маленькое чудо. Время от времени я даже успевала забыть, что была несчастна. Я не должна была так воодушевляться, но ничего не могла с собою поделать.

А вот моего супруга уже, видимо, ничто не впечатляло. После ночного визита в моё купе он весь день молчал, изредка давая мне короткие, незначительные указания. Так прошёл и завтрак в небольшом кафе при гостинице, и те несколько часов до следующего поезда.

Путь до Бантингфорда был скучен и однообразен, как сам пейзаж за окном. На станцию прибыли уже далеко за полночь, и я, уставшая от долгого сидения на месте и перечитывания одних и тех же стихотворений из тонкого сборника, практически валилась с ног, стоя, наконец, на твёрдой земле. Моё второе путешествие поездом отбило у меня всякую охоту к подобным продолжительным поездкам.

Муж вёл себя весьма холодно, а, скорее, совсем никак — он только распоряжался погрузкой багажа в нанятый им экипаж. Меня словно и вовсе не существовало рядом. Я стояла поодаль, под навесом, и смотрела на полоску света от единственного горящего здесь фонаря. Остальные пассажиры давно уже разъехались, и наступила удивительная, свойственная только ночи, тишина, нарушаемая разве что стрекочущими кузнечиками где-то между рельс.

Через долгие и холодные сорок минут мы отправились в гостиницу, название которой я так и не запомнила. Готье всё молчал, глядя куда угодно, но не на меня; для экскурсии по городу было слишком поздно и слишком темно, из экипажа я едва могла разглядеть невысокие дома, где белые стены сплошь и рядом были покрыты зеленью от самого основания до крыши. По крайней мере, улицы были довольно широкими, а дороги, судя по плавной поездке, — ровными.

Гостиница походила больше на загородный дом, спрятанный с восточной стороны за рыжим полем высокой пшеницы, с западной — редким леском, служившим природной границей города, откуда мы и прибыли. Полусонный хозяин вяло поприветствовал нас, отдал ключи от двух смежных комнат на третьем этаже и с чувством выполненного долга отправился спать.

Готье велел мне занять угловую комнату, откуда, якобы, было видно поле и огни города за ним, затем просто ушёл, оставив меня на попечении невысокой, худощавой горничной, которую звали Мадлен, и с которой они перебросились парой фраз на французском. Тогда я

подумала, что не увижу супруга до самого утра.

Эта Мадлен напоминала мне сестру Бэтси из школы, где мы обучались вместе с Коллет. Такая же маленькая, но проворная и знающая свою работу на зубок, горничная, как и Бэтси, была похожа на серую мышку, особенно в этом однотонном, заштопанном наряде и белом чепчике. Провожая меня в комнату, Мадлен успела рассказать не только историю Бантингфорда и гостиницы, но и поведать о главных местных достопримечательностях, вроде реки за городом или самого большого рынка на востоке. Она даже знала, чем занимался здесь мой муж: как оказалось, он строил и новую церковь (исключительно за свой счёт!), и мясоперерабатывающий завод для одного богатого заказчика.

Держа в одной руке керосиновую лампу, в другой — несколько полотенец, горничная умудрилась самостоятельно открыть дверь, затем показала мне саму комнату. Первое, что бросилось в глаза — огромная постель, похожая на воздушное белое облако. Я поразилась её размерам, шутливо решив, что здесь поместился бы весь полк товарищей мистера Рэтмора. За единственной, кроме входной, дверью находилась просторная ванная, освещённая так же скудно, как и спальня.

— Электричества не будет ещё долго-долго. У нас нет мастера для такой техники. Зато горячая вода — всегда пожалуйста! — щебетала горничная, демонстрируя возможности водоснабжения. — Я включу вам воду, а сама вернусь через несколько минут, мадам...

Она была первой, кто назвал меня так, что просто выбило меня из колеи. Но я слишком устала и вымоталась, чтобы заострять на этом своё внимание, поэтому попросила её оставить полотенца и уйти.

— Нет, нет, что вы, мадам! После такой долгой дороги вы едва на ногах держитесь, я вам помогу! Ах, и взгляните на свои волосы! Как вы планируете самостоятельно с ними справиться? Даже не смейте возражать!

И она убежала, оставив меня одну в ванной комнате перед зеркалом. Я не могла больше разглядывать собственное отражение поникшей, маленькой девчонки, поэтому вернулась в спальню. Возле кровати я заметила пару корзинок: одна была наполнена всевозможными сладостями, в другой я обнаружила бутылку с крепким красным вином, спрятанную в багровых, ещё свежих лепестках розы.

Пить мне совершенно не хотелось, а вот парочку до невозможного вкусных конфет я съела. Мадлен прибежала через десять минут и принялась опекать меня, как самая вышколенная горничная. Чуть позже, уже лёжа в ванне, наполненной горячей водой с разбавленными в ней ароматизированными солями, я ощутила блаженную негу, перестала думать о том, что тяготило меня, и полностью расслабилась. Пока Мадлен с неосязаемой ловкостью распутывала и расчёсывала мои длинные волосы, я водила руками по воздушной пене, будто возбуждённый ребёнок, и беспечно мурлыкала с детства знакомую считалочку.

— Какие у вас волосы, мадам! — услышала я голос Мадлен над ухом. — Густые и длинные! А цвет — просто загляденье! Напоминает колосья пшеницы ранним утром. Ах, вам бы ещё чаще бывать на солнце, чтобы кожа покрылась ровным загаром. Ну, ничего! В наших краях лето жаркое, зато зимы — лютые! Вы привыкнете...

Она всё говорила и говорила, но мне было не до рассказов о природе; я почти задремала, свесив руки с краёв ванны, а вот Мадлен уже успела вымыть мои волосы и натереть кожу каким-то специальным мылом с резким запахом. Я даже не стала возражать, когда она принялась выщипывать на моём теле лишние волоски; я знала, что благородные леди всегда следят за своей кожей и до исступления готовы поддерживать её красоту. Теперь

я стала частью этого мира, где всё было предпологаемо безукоризненным, и решила просто это принять.

Горничная вышла, чтобы я спокойно завернулась в полотенце и обсохла, а войдя в спальню, я обнаружила, что она зажгла две газовые лампы над изголовьем кровати и, аккуратно закатав одеяло, разложила на краю мою ночную сорочку. Всё это не могло не показаться мне странным, и, обнаружив на столике в углу комнаты ведёрко с водой и чистое полотенце, я настороженно поинтересовалась:

— А это вам для чего понадобилось?

— Но, мадам... Это для вас! — голос её звучал так, будто я задала ей наиглупейший вопрос из возможных. — Желаю вам доброй ночи!

Она сделала неуклюжий реверанс и исчезла из комнаты в мгновение ока, будто её тут и не было. И вот тогда, в тот самый момент я поняла, что всё это не было простым гостеприимством. Нет, нет... Это была подготовка, тщательная подготовка к тому, чтобы из юной девицы сделать женщину. И всё было готово, в том числе и я. Не хватало только мужчины.

Он вошёл почти неслышно, однако, я ощутила его присутствие незамедлительно; я сидела на краю той огромной постели, сжимая пальцами сорочку, и невидящим взглядом смотрела на корзинку с конфетами и шоколадом.

— Думаю, вполне уместно будет пожелать доброй ночи, а не вечера, верно?

Я была настолько напряжена и напугана тем, что он пришёл, что не могла даже вздохнуть спокойно. Отвечать я не хотела и не собиралась.

По шороху одежды, я поняла, что супруг стал раздеваться, и невольно издала вымученный стон. Однако, когда он сел рядом со мной, на расстоянии примерно полуметра, я заметила, что он остался в рубашке и брюках. Зато без обуви, босой... Пальцы у него были ровными, ступня — большой. В очередной раз я убедилась, какой маленькой была по сравнению с ним.

— Я попросил Мадлен помочь тебе устроиться, — произнёс он спокойно. — Надеюсь, ты хорошо отдохнула, приняв ванну?

Так как мне нечего было скрывать, ведь горячая ванна действительно помогла мне расслабиться, я просто кивнула, опустив глаза.

— Здесь прекрасная прислуга. Я всегда любил останавливаться именно здесь, а не в городе. Городские гостиницы безумно дорогие, неоправданно дорогие и холодные, — сказал он и презрительно хмыкнул. — Единственное здание, которое ещё не оккупировала местная элита — это моя церковь.

Последние два слова он произнёс с пугающей страстностью, и я машинально взглянула на него со свойственной мне робостью: он едва повернулся ко мне, так, что я почти не видела повязку на левой стороне его лица; его кожа была чистой, подбородок — гладко выбрит; чёрные волосы оказались влажными, видимо, он тоже принимал ванну. Тогда же я почувствовала аромат цитруса, исходивший от его кожи.

Господи, он тоже готовился! Он планировал эту ночь, а я, глупая девчонка, была уверена, что он подождёт хотя бы до следующей недели!

Его пристальный взгляд смущал меня, тогда он ухмыльнулся, встал и обошёл кровать слева. Какое-то время я слышала лишь шорох одежд, а затем девичье любопытство взяло надо мною верх: я украдкой взглянула на мужа, пока он раздевался, стоя спиной ко мне.

Зрелище это пугало и одновременно волновало меня, потому что я знала о мужской наготы лишь по картинкам. А теперь передо мной был мужчина, так сказать, во плоти; не понимая, что чувствовала, я смотрела, как он снимал рубашку через голову и ловко расстёгивал и вытягивал ремень из брюк; каждое его движение было пронизано сдержанной эротичностью, о которой писали в книгах греческие философы, размышляя об искусстве физического наслаждения. Но знал ли этот мужчина о том, что его самые обыденные жесты способны были свести женщину с ума и заставить её пасть на колени?

Тогда я и сама этого не знала... Тогда я была маленькой, глупой девственницей.

Вернувшись и присев рядом со мной, он взял со столика полотенце и вдруг обернул им мои мокрые волосы, а потом стал осторожно растирать их.

— Ты ведь не против? Смотри, так гораздо лучше, — голос его звучал приглушённо, словно издали. — Ну вот, твоя спина совсем мокрая! Мадлен стоило высушить твои волосы... Они очень красивые.

Я была поражена этим комплиментом, ничего подобного я не ждала. Ещё какое-то время мы молчали, пока он не закончил и не отложил полотенце в сторону. Он не распускал рук, не лез ко мне с грубостью, а ведь я читала о первой брачной ночи совсем другое, не считая нескольких однообразных романов.

А Коллет никогда не рассказывала мне о том, как прошла её брачная ночь.

— Почему вы всё-таки пришли? — осмелилась спросить я, хоть и говорила с трудом.

— Где же быть мужу, как не в постели новобрачной в их первую ночь? Или ты думала, что я пренебрегу твоим присутствием?

— Я вовсе не... это не так... не о том речь.

От волнения я всё сильнее дёргала ткань сорочки и смотрела только на собственные дрожащие пальцы.

— О чём же речь? Ты, видимо, совсем не ждала меня.

— Я думала, что вы подождёте хотя бы до возвращения домой.

— Это ни к чему. Нет никакой разницы, где это произойдёт. А завтра... Да, завтра мы будем уже в Лейстон-Холл. У тебя будет всё необходимое, обещаю. Ты играешь? В гостиной у нас стоит спинет, оставшийся мне от... деда. Я играю крайне редко, так что, возможно, тебе он больше пригодится...

Вдруг Готье издал какой-то неопределённый звук — полустон-полурык — и я снова повернулась к нему; он был напряжён, я видела это по его сжавшимся кулакам, по лицу, покрытому испариной, и вдруг для меня стало предельно ясно... «Да он пришёл просто потому, что ты такая же женщина, как все; он будет удовлетворять свою похоть с тобой, пока твои бездействие и неопытность не успеют надоест. Тогда он найдёт для себя любовницу, если уже не имеет таковую».

Вот, что я думала.

Когда он поднялся и встал прямо передо мной, я охнула от неожиданности; чёрные брюки всё ещё держались на его бёдрах, пусть и без ремня, и я невольно скользнула взглядом по всей его высокой фигуре. Сейчас он казался куда крупнее, чем в одежде; стора со стыда и краснея, я устала на его плоский живот.

Следующее его действие никак не вязалось ни с чем произошедшим ранее и после. Он глухо позвал меня по имени, дождался, пока я посмотрю ему в лицо, затем медленно завёл руки за голову и снял свою повязку.

Едва сдержав крик ужаса, я закрыла ладонью рот... и вдруг поняла, что всё это время

выдумывала совершенно невероятные вещи. Его глаз был абсолютно цел, но верхнее веко пересекала яркая полоса, словно кто-то пытался сделать на коже надрез. Его зашивали, я видела тонкие нити, продетые через кожу. Участок же кожи вокруг глаза покраснел от натёртости ткани.

— Что с вами случилось? — спросила я, поражённо глядя на него. — Кто это сделал?

Он закрыл глаза, распрямил плечи так, что я услышала резкий хруст костей его спины, а после мне показалось, что он вздохнул с невообразимым отчаянием и болью.

— Это моё прошлое пыталось лишить меня зрения, — сказал он, снова глядя на меня. — Оно наказывало меня за грехи.

— Ваше прошлое?

Я не поняла его слов, зато по его дальнейшим действиям поняла, что должно было вскоре произойти. Это было неизбежно, как оказалось, ничто не могло бы предотвратить события той ночи.

Очень медленно он приблизился ко мне, гипнотизируя своим пристальным взглядом, таким диким и безумным из-за увечья, что я невольно попятилась назад. Но его сильные руки парой резких движений опрокинули меня на спину, и через мгновение я уже была прижата его телом к кровати.

— Невероятно красивые губы! Как же можно обделять их поцелуями? — прошептал он в паре дюймов от моего лица. — Однако, больше всего меня интересуют губы, скрытые под этим одеянием. Я хочу на них посмотреть. Но сначала... закрой-ка глаза...

Я подчинилась, и в ту ночь я делала всё, чего бы он ни попросил. Уже позже я осознала, почему вела себя так, а не иначе: не было никакого смысла в криках и сопротивлении, я никогда в жизни не устраивала истерик, и тогда не собиралась. Его неторопливые действия были знаком того, что, пусть он и не любил меня, зато уважал, как женщину, и никогда бы не сделал мне больно.

Когда его губы касались моих, а горячее дыхание опаляло кожу, я привыкала к новому ощущению разделения этого долгожданного момента — соединения двух тел. Его нежность, проявленная ко мне, поначалу обескураживала, но, по мере того, какими настойчивыми становились его губы и язык, я обнаруживала в себе скрытую где-то в глубине души потребность к ласкам.

Его длинные пальцы пробрались под мою сорочку и очень медленно, с самой искусной осторожностью принялись гладить чувствительную кожу. Всё ниже и ниже. Грудь, живот, бёдра... Я превратилась в живую безвольную куклу под ним, которая стонала от каждого прикосновения. Мне казалось, что жар его тела, тяжёлого и твёрдого, передался и мне; мы могли бы спалить не только простыни, но и саму постель.

Единственный момент напряжения, когда я мимолётно решила, что могу просто умереть, наступил, стоило его пальцам коснуться меня между ног. А я даже не заметила, как до этого он достаточно высоко задрал ночную сорочку и развёл мои колени в стороны! Меня затрясло от ощущения вторжения его пальцев, я едва могла дышать и тем более думать. Но никакой боли, ни намёка на боль!

Возможно, всё могло бы быть иначе: я бы напряглась, возмутилась или разозлилась из-за того, что муж делал со мной... Всё могло бы быть по-другому, если бы в какой-то момент я не услышала, как он застонал, терзая мои губы: более прекрасного и возбуждающего звука я не слышала никогда прежде. Его мягкий, пронизанный чувственностью голос проник в меня, в самую мою душу, как его пальцы, что ласкали мою плоть в тот момент, подготавливая

к большому.

Это случилось, когда он поцеловал меня куда-то в область шеи. Я почувствовала его губы, и горячий, влажный язык, и даже зубы на своей коже, и вот тогда невообразимой силы боль подтолкнула меня... Боль, которую я испытала впервые в жизни, я не могла стерпеть, и громко закричала, вытянув шею и выгнув спину. Только позже я узнала, что у этой боли было иное название. Ни в одной из прочитанных мною книг не описывалось подобное! Оргазм, или наслаждение, или желание, что бы это ни было — но мой муж сделал так, что я навсегда запомнила этот первый момент, когда буквально воспарила, освободившись из своей бесполой оболочки.

Он не переставал целовать меня даже после того, как я успокоилась. Меня будто бы выпотрошили и жестоко оставили умирать; с этими мыслями вернулись и стыд, и смущение. А поцелуи становились всё настойчивей и крепче. Я же наоборот — онемела, не в силах даже поднять рук. Когда муж сел на колени между моих разведённых в стороны ног и стал стягивать с себя брюки, я зажмурилась и отвернулась, так и не успев ничего разглядеть.

Его влажные, растрёпанные волосы коснулись моей щеки, когда он склонился надо мной, опираясь на руки, так что я почти не ощущала всей тяжести его тела. Но я задрожала от страха и неизвестности, потому что уже почувствовала, как его твёрдая плоть коснулась моего бедра. В ответ на мой отчаянный стон и попытку увернуться, Готье прижался губами к моему уху и горячо прошептал:

— Тише, тише, и не двигайся, *ma belle fille*...

Страшно было осознание того, что моё тело так мягко принимало его; это были странные ощущения слияния с его плотью, большой и твёрдой, и совершенно отличались от того, что подарили мне его пальцы всего несколько минут назад. Готье не спешил, двигался плавно и медленно; я лежала тихо и слушала его глухие стоны напротив своего лица. И когда резкая, колючая боль сковала мои бёдра, я прикусила губу, чтобы не закричать; в тот же момент мой муж издал совершенно неприличный стон, резко дёрнулся и моментально затих.

Прошло совсем немного времени, когда я, наконец, открыла глаза; оказалось, что я инстинктивно сжала плечи мужа и даже расцарапала кожу на его спине; Готье тяжело дышал, лежа на мне, почти не двигался и бездумно гладил рукой моё колено.

— *Et maintenant vous savez ce qu'il est*...

— Что? — вздохнула я с трудом, сжимаясь от ощущения чего-то липкого на своей коже.

— Теперь ты знаешь, каково это.

Его голос зазвучал с той же холодностью, что и по приезду в гостиницу, когда он отправил меня в комнату вместе с горничной. Готье поднялся, не глядя на меня, взял со столика влажное полотенце и принялся обтирать мои бёдра от крови и своего семени. Никогда в жизни мне не было так стыдно! И, хотя я отвернулась, я знала, что он смотрит на меня, разглядывает и трогает, и это было невыносимо даже после случившегося.

Закончив, он велел мне укрыться одеялом (что я и сделала с превеликим удовольствием!), а сам, погасив свет, скрылся в ванной комнате. Дрожа под холодной тканью одеяла, я свернулась клубочком и обхватила себя руками, ожидая, что супруг вот-вот уйдёт в смежный номер. Я бы не вынесла и секунды более рядом с ним...

В полной темноте я лежала неподвижно, и вдруг услышала, как он прошёл к постели, забрался под одеяло, но меня так больше и не коснулся.

Дорога до Лейстон-Холл заняла примерно полтора часа, и, так как ехали мы в

автомобиле по ровной, проезженной тропе, поездка оказалась довольно интересной, несмотря на жаркое, палящее солнце и ветер. Муж сам вёл авто, а я сидела рядом, разглядывая утреннюю природу вокруг нас.

Проснувшись пару часов назад в комнате гостиницы, я обнаружила, что Готье рядом не было. Даже его сторона огромной кровати была аккуратно застелена. Я испытала облегчение, оказавшись в одиночестве этим утром, без возможности смотреть в глаза супругу после всего случившегося, но какое-то шестое чувство время от времени напоминало мне, что муж хладнокровно бросил меня в этом независимом одиночестве, невидимым жестом указав на моё законное место.

Собрались мы быстро и без лишних слов. Готье выглядел, как обычно — невозмутимо спокойным, а если и заговаривал со мной, то твёрдо и без намёков на прошедшую ночь. Впрочем, мне было всё равно: пока меня не трогали, я могла делать вид, будто ничего не произошло. Меня успокаивала мысль о том, что я буду жить в покое, если супруг станет игнорировать меня, я только поддержу его в этом.

Мы въехали в раскрытые железные ворота высокой стены, окружавшей всё поместье, и я разглядела, наконец, особняк Лейстон-Холл: это было мало чем примечательное трёхэтажное здание из серого камня, расположенное в тени внушительных размеров кедров. Мои ожидания насчёт дома вполне оправдались.

У главного входа нас встречали лакеи, они же, всё под тем же безукоризненным руководством моего мужа, и помогли с багажом. Не успела я сделать и шага в сторону большой, каменной лестницы, как нас окликнул бодрый, женский голос; я подняла глаза и увидела, как оказалось, домоправительницу Лейстон-Холл: невысокую, лет сорока пяти или чуть старше, особу в строгом платье светло-серого цвета; из-под белого чепца были заметны пряди её каштановых волос, а возраст в ней выдавали глубокие морщины в уголках больших, карих глаз.

— Добро пожаловать домой, сэр, — вежливо произнесла эта женщина, присев в реверансе. — Мы ждали вас немного раньше...

— Да, пришлось остановиться в гостинице на ночь, — ответил Готье, снимая чёрный цилиндр и ероша волосы рукой. — Чёрт бы побрал эту жару! Не представляю, что там творится на стройке.

— Мсье Анри всего пару дней назад прислал телеграмму. Вся почта в вашем кабинете.

— Хорошо, спасибо, миссис Фрай, — затем он вдруг обратился ко мне, пока я отвлеклась, разглядывая фасад особняка. — Анри — мой первый помощник, управляющий и очень надёжный человек. Ты часто будешь видеть его здесь. Ну, а с миссис Фрай вы успеете и без меня познакомиться. Отдаю тебя в её заботливые руки.

Он кивнул улыбающейся экономке и коротко представил меня саму:

— Миссис Фрай, это моя жена — Кейтлин. Прошу вас не доставать её расспросами, путешествие поездом было ей в диковинку.

— Что вы, что вы, сэр! Не стоит беспокоиться.

Готье сослался на неотложные дела на стройке, откланялся и ушёл. Окинув меня оценивающим взглядом, весьма внимательным, должна заметить, миссис Фрай по-простому взяла меня под руку и мягко повела за собой в дом.

— Ах, вы не сжимайтесь так, дорогая! Мы вам здесь очень рады. Хотя, признаюсь честно, уже и не надеялись, что мастер женится снова... Впрочем, о грустном не будем говорить. Я вам здесь всё покажу и со всеми познакомлю, так что уже завтра вам покажется,

будто вы и вовсе не покидали родного дома.

... и это оказалось не так легко признать на деле, как услышать на словах. Наш дом в Глиннете был просто крохой по сравнению с этим строением; Лейстон-Холл, дитя своего времени, не иначе! Влияние королевы Виктории на англичан выражалось в том числе и в их быте, «викторианизм» не допускал пустого места и скуки, поэтому здесь было так много мебели: то и дело мне на глаза попадались шкафы, старинные, но обновлённые кресла, запертые дверцы кладовых.

Гостиная была большая, очень уютная и, даже при всей пестроте из мебели, довольно скромная. Миссис Фрай с особой гордостью показала мне библиотеку — просторное помещение, разделённое книжным стендом на две комнатки. Библиотека понравилась мне сразу; здесь царил полумрак, преобладал запах старинных рукописей, и совершенно не ощущалась жара.

— На втором этаже находятся несколько спален, — продолжала экономка экскурсию, — но они все небольшие, кроме спальни мастера.

— А как давно был построен этот дом? — поинтересовалась я.

— А! Вы, видимо, заметили, что он новый? — женщина полуобернулась ко мне, и я кивнула.

— Если честно, я ожидала, что внутри он будет... не такой сияющий.

— Я вас понимаю. Мы стараемся поддерживать чистоту всегда, и в особенности, когда мастер здесь не живёт. Дом построил мистер Браун, дед вашего мужа. Как видите, особняку ещё далеко до статуса древних английских развалин. Свободного места здесь много, к сожалению, ведь именно пустое пространство и тишина напоминают нам о том времени, когда хозяином здесь был мистер Браун.

Домоправительница отперла одну из дверей, за которой находилась хозяйская спальня: окна скрывали тяжёлые шторы, поэтому здесь было темнее, чем в коридоре; у правой стены я заметила пустой камин, рядом — широкий рабочий стол с аккуратно разложенной печатной продукцией, книжный шкаф и тут же — узкую дверь в ванную комнату; у левой стены стояла широкая двуспальная кровать, заправленная чистым бельём цвета карамели.

— Мастеру всегда нравилась эта спальня, — сказала экономка так тихо, будто хозяин находился в комнате в тот момент. — Вам тут тоже понравится. Из окон открывается чудесный вид в сад позади дома.

Представив на мгновение, что мне придётся обитать в одной комнате с мужчиной, совсем недавно ставшим моим мужем, мне захотелось выругаться, но я вовремя прикусила язык.

— Но разве здесь нет смежной комнаты?

— Нет, мадам, и не было. Планировалось так, что...

Вдруг она запнулась, замолчала и снова посмотрела на меня своим тёмным, пристальным взглядом, от которого мне становилось не по себе.

— Не сочтите за дерзость, но могу ли я спросить, как вы познакомились с мистером Готье?

— Нас познакомил... мой отчим, — сказала я, жутко покраснев от мысли, как много ещё придётся врать, чтобы не пустить недобрые слухи в отношении себя и мужа.

— Предлагаю обсудить все ваши желания за чаем, — экономка чересчур быстро захлопнула дверь и обернулась ко мне. — Если вы поделитесь со мной чем-то, обещаю, это останется между нами.

Лейстон-Холл определённо был занимательным и интересным местом. Познакомившись и вдоволь наговорившись почти со всеми слугами, я нашла их весьма любезными, трудолюбивыми и послушными. Миссис Фрай приставила ко мне маленькую горничную Анаис, которая была младше меня на четыре года, и которая оказалась смышлёной и расторопной работницей.

Экономка выполнила мою негласную просьбу об отдельной от мужа спальне: я всего лишь намекнула, что пока не готова к настолько тесным отношениям с человеком, которого мало знаю. Я твёрдо решила закончить историю на этом, и, к моему удивлению, миссис Фрай не задала более никаких вопросов.

Мне досталась угловая спальня с узкой постелью для одного, уборная здесь тоже была небольшой, зато светлой и с широкой ванной; в эту же комнату перенесли кресло и симпатичный туалетный столик, оказавшийся якобы подарком от мужа.

Здесь мне было уютно, я ощущала себя в безопасности и комфорте, а тогда это было самым главным.

Я облюбовала библиотеку Готье и готова была не выходить оттуда часами: здесь были собраны лучшие сочинения обожаемых мною писателей, совсем новые экземпляры книг и некоторые старинные варианты, изданные по веку назад! Бывало, что я останавливалась, зачитываясь какой-нибудь энциклопедией прямо на передвижной лестнице, с помощью которой можно было дотянуться до самых верхних полок.

Моя жизнь в Лейстон-Холл оказалась не такой ужасной, какой я могла её представить; по крайней мере, за три недели, что я провела здесь, я не обнаружила нужды ни в чём: рядом всегда были услужливые горничные, готовые помочь, ужины устраивались просто грандиозные (если сравнивать с тем, что у нас было в Глиннете), и никто здесь не ограничивал мою свободу. Я гуляла, где и когда хотела, читала в саду или своей спальне и училась играть на спинете. Но каждый раз, стоило мне отвлечься и забыться, мой супруг появлялся где-нибудь рядом, как олицетворение моей, пусть и золотой, но всё-таки клетки.

В особняке я видела Готье довольно редко, ещё реже наблюдала, как он отправлялся на стройку, ведь уходил он очень рано, а возвращался после ужина, обычно, когда меня уже не было в столовой. Так что лишь иногда мне «везло» поздороваться с ним и перекинуться парой незначительных фраз. Что же я чувствовала, оставаясь с мужем наедине хоть на минуту? Несомненно, неловкость, потому что воспоминания о первой физической близости с ним ещё всплывали в моих мыслях.

Но некоторое время спустя я уже могла смело смотреть на него, не испытывая презрения, страха или раздражения. Ведь не зря говорят, что рано или поздно человек привыкает ко всему.

Иногда, засыпая, я ловила себя на мысли, что та ночь... наша с ним ночь не была настолько уж кошмарной. Я получила то, чего многие женщины лишаются при потере девственности, и в этом была исключительно заслуга моего мужа.

Его интерес ко мне ограничивался простыми любезностями, вроде пожелания доброй ночи или удачного дня. И я чувствовала себя комфортно, весьма скудно играя роль его жены. Но и большего от меня никто не требовал.

Готье так и не пришёл ко мне ради исполнения супружеских обязанностей, ни разу за три недели. Ужасней всего, что уже тогда я чувствовала себя обделённой, он пренебрегал мною в этом плане.

Ах, да... Он ведь любил мою сестру.

Правда, порой он даже удивлял меня, и я не знала, что чувствовать и как реагировать на подобные моменты нашей жизни. К примеру, вечерами, обучаясь игре на спинете, я засиживалась допоздна, забывая о времени; после исполнения очередной вдохновляющей мелодии [1] из старых сборников с нотами, я привыкала к тишине и вдруг понимала, что в гостиной я не одна: муж сидел в глубоком кресле позади меня, и, стоило мне обернуться, я могла увидеть его блестящие в полутьме глаза, пристально наблюдающие за мною. Он всегда снимал повязку, когда находился дома, и меня давно уже не пугал этот небольшой шрам над его левым глазом.

И совершенно растерянная я прекращала играть, в неловком смущении опуская глаза, а Готье просто уходил, не говоря ни слова.

И так продолжалось недолго; однообразно, порой даже скучно, и единственным, на что откликалось моё сердце, был мой супруг и его редкие появления рядом со мной.

Я прекрасно спала по ночам, просыпалась рано, одевалась и проводила весь день в безмятежном спокойствии. Кто знает, как долго я бы терпела эту вынужденную жизнь бездействия, если бы первый же мой выход в английское аристократическое общество едва не обернулся скандалом.

Примечание к части

[1] Jessica Curry — In Lily's Honour

Это был жаркий летний вечер, тогда мне меньше всего хотелось куда-то выбираться. Но моё раздражение можно было оправдать только томной скукой, а не жарой. В последнее время я частенько подвергалась хандре, могла только читать да попивать лимонад в своей комнате, например. К новости о том, что один из боевых товарищей моего мужа приглашает нас на ужин, я отнеслась скептически. Однако, представив, в кого я стала медленно превращаться — маленькую зазнавшуюся ханжу — я согласилась пойти. Хотя и с огромной неохотой, но я стала собираться.

Анаис помогла мне с корсетом платья, и, пока она закручивала мои локоны в высокую причёску, я смотрела в зеркало, думая о предстоящем вечере и о том, как буду вести себя с людьми, которых совсем не знаю. Всё же мысль, что я не останусь там одна, меня успокаивала, в крайнем случае, я бы просто спряталась за спиной мужа.

Как и я, выглядел он достаточно представительно и стильно, чтобы дать понять другим о своём хорошем вкусе, но и достаточно скромно, чтобы, не дай-то Бог, заставить кого-то из тех гостей думать, будто они одеты хуже.

Встречая меня у главного входа, Готье не сказал ни слова, лишь ненадолго задержал взгляд на моём наряде. Супруг подал мне руку, повёл к автомобилю, и весь остаток вечера держался так же вежливо отстранённо, хотя всё же был галантен и учтив.

Тот дом находился по правую сторону главной улицы, отгороженный высоким забором. Через толстые, чёрные прутья пробивался наружу вьюнок, такой густой и пышный, мне показалось, что я никогда прежде не видела такого растения.

Нас встретили хозяева — прелестная пожилая пара, и по короткому общению с ними я поняла, что они прекрасно относились к моему мужу.

Позже, когда прибыли остальные гости, включая того самого Анри со стройки, я постепенно осознала своё полное поражение и беспомощность. Я переоценила свои возможности, и весь вечер была похожа на несчастную мышку, загнанную в угол. Только этой мышке приходилось общаться с многочисленными гостями, имён которых она не запомнила, а разговоры с ними были ужасно скучными. Не стоило ожидать чего-то иного.

Супруг редко улыбался, ни на секунду не сутулясь, в его руке всегда был бокал с шампанским или немного бренди, но я так и не заметила, чтобы он хоть чуть-чуть опьянел.

Время от времени я оказывалась втянута в очередной разговор о политике или географии, но вскоре попросту отворачивалась и уходила. Однако, стоило отдать должное Готье: он не заставлял меня развлекать кого-либо из его приятелей. Хотя, я бы скорее назвала их просто знакомыми. Он выглядел бы не менее потерянным среди них, чем я, но у него было одно мощное оружие — мгновенные интеллектуальные идеи.

Несколько раз за вечер я замечала, что он наблюдал за мною; я уже не смущалась его повязки, и могла смотреть прямо ему в лицо. Невольно я всё же отметила, как ему шёл его костюм; особенно белая рубашка под чёрным жилетом, ведь он уже не был совершенно бледен. Пропадая днями на стройке, он заметно загорел.

Далее мои мысли уходили глубоко в воспоминания о первой брачной ночи, и я, жутко смущённая, опускала глаза. Я уже не знала, как реагировать на типичное жжение внизу живота, стоило мне взглянуть на красивые, длинные пальцы моего мужа... Коллет писала в письмах о том, что нет ничего постыдного в этих желаниях. Естественная физическая

потребность, так она это называла.

Он почти всё время находился поблизости, и всё же я чувствовала себя одинокой. Красивые пары танцевали менуэт, пока я топталась на краю небольшого зала и смотрела на них. Богатые и жизнелюбивые, а я не была похожа на этих людей.

После одиннадцати вечера я отыскала мужа в карточном зале, где он вёл горячую беседу с каким-то седым сэром. Они сидели друг напротив друга за столом, вместе с мсье Анри и ещё тремя джентльменами.

— Да, вы заметно изменились, Готье, — вальяжно говорил седой мужчина. — Раньше вы охотнее развлекали нас рассказами о Индии и Африке. Или как тогда... Мы прибыли в Лондон, вошли в дом и, выстроив всех слуг в шеренгу, заставили их петь «У Мэри был барашек»!

— Не стану отрицать, выпивка пагубно влияла на молодой мозг, — отвечал супруг спокойно.

— Но она не помешала вам продолжить стройку, а заодно и развестись с хорошенькой жёнушкой.

— Мои здания для меня всегда были ценнее выпивки, — подойдя ближе, я заметила, как его кулаки крепко сжались. — А что же касается развода... Тут я никогда не пожалею.

Джентльмен улыбнулся и, покачав головой, сделал глоток бренди.

— Видел я, что вы там понастроили, друзья мои, — он махнул рукой в сторону Анри. — Черти! Да вы были чертовски заняты!

— Занятно, как порой трагедия освобождает воображение. Или мне стоило запереться дома, выть от горя и медленно умирать? Нет уж. Тогда почему бы сразу не приставить к виску револьвер?

— Тут ты прав! Помереть от пули — большого ума не требуется. Но я слышал, вас здорово потрепала администрация.

— Да! Ха! Чёртовы дегенераты! — рявкнул Готье и со злости швырнул карту на стол. — Для них всё одно! Внутри и снаружи переплетаются и сходятся. Нельзя так относиться к клику собственного города. В конце концов, никто, кроме меня за ту церковь не платит.

— Но вы не разорвёте кольцо, приятель! Есть правительство, есть люди, что стоят выше вас. Коли сказано — не строить так, то...

— Мне не интересно их мнение, — отрезал муж, хлопнув ладонью по столу. — Я слушал простых жителей, слушал и услышал, чего они хотели. Я даю им это.

— Ах, ну не стройте из себя Спасителя!

Супруг горько рассмеялся, а я снова сделала шаг вперёд из тени комнаты.

— Я бы не был так категоричен! Я — всего лишь связующая нить между кретинами с властью из администрации и простым народом, которому, как скоту, без власти над собою — никуда! И я бы не только исправлял архитектуру здесь, в этом городе, я бы иссушил то проклятие, что над ним нависло, паром от своих машин.

— И что же за проклятие, позвольте спросить?

Подумав несколько секунд, затем, прищёлкнув пальцами, Готье воодушевлённо ответил:

— Невежество.

Я мысленно аплодировала ему, наблюдая, как у всех джентльменов, кроме мсье Анри, покраснели лица. А мой муж, как ни в чём ни бывало, разложил свои карты, и, судя по его довольной улыбке, выигрыш того вечера достался ему.

— А вы, милая прелестница, уже побывали на стройке?

Я вздрогнула, услышав, что обратились ко мне. Этот Анри — костлявый, но невероятно добродушный молодой человек — широко улыбался, разглядывая меня. Тогда я заметила, что они все обратили на меня внимание, и с неловкой застенчивостью промямлила:

— Нет, мсье, ведь меня туда никто не приглашал.

— Какая досада! Джейсон, тебе обязательно стоит показать ей, как проходит стройка завода...

Вот уж чего я никак не ожидала, что муж вскочет, будто подстреленный, и грубо прикрикнет на своего управляющего:

— Нет! Ты забыл, что случилось в прошлый раз? Или ты спятил?!

Как это ни странно, но Анри тут же закивал, словно пустой болванчик, и низко опустил голову, чтобы не смотреть на Готье; муж же, злой, как чёрт, недовольно взглянул на меня и поспешил покинуть карточный зал.

Готье словно вовсе исчез, и я не видела его добрых полчаса; хотя Анри уверял меня, что он злился исключительно на него, я чувствовала, что эта внезапная вспышка ярости коснулась и меня.

— Вы так не волнуйтесь, — говорил он мне чуть позже. — Он остынет, понимаете? Просто было как-то раз на стройке... В общем, один неприятный инцидент.

Не было похоже, чтобы он хотел продолжить свою мысль, а меня уже съедало любопытство. И что-то подсказывало мне, что мужа об этом спрашивать вовсе не стоит. Поэтому я стала как можно мягче выпытывать у нового знакомого правду. Через несколько минут он сдался и с явным замешательством рассказал:

— Правда, если мастер узнает, что я вам это поведал, он убьёт меня! — предупредил Анри, и тогда я отвела его на балкон, где мы остались наедине. — Это случилось вскоре после того, как мастер женился на Мэгги Уолш. Он привёл её на стройку однажды утром, и с того дня началось... Всё чаще её стали видеть там, порой даже без мужа. А она беспощадно флиртowała! Просто беспощадно! И неважно, кто это был, рабочий или начальник, она купалась во всеобщем внимании!

Он вдруг что-то горячо произнёс на французском языке, и я поняла лишь, что это были ругательства.

— Она делала это долго, и не только на стройке. Какие бы гости ни приезжали к ним домой, будь то даже женатый мужчина, она играла в свою неприятную игру, кокетничала и иногда даже унижала мастера... Хотя достаточно было одного её поведения на публике. В Лондоне у неё много друзей, так что там все закрывали на это глаза.

— А что же мистер Готье? — спросила я.

Анри неопределённо пожал плечами и ответил:

— Он терпел так долго, как только мог. Говорят, он её любил.

Кто-то из слуг позвал его, и он, извинившись и попросив меня молчать о том, что я узнала, удалился. Несколько минут я обдумывала его слова; я прекрасно помнила, как отзывалась об этой Мэгги миссис Пиншем, так что удивлена не была. С другой стороны, мне стало ясно, отчего супруг был так раздражён. Возможно, он опасался новых унижений, или что я стану флиртовать с каждым на его драгоценной стройке. Я представила ущерб, который Уолш нанесла бывшему супругу своим вызывающим поведением, и поёжилась.

Мерзкая мысль, ничего не скажешь. Я больше не обижалась на Готье.

— Никогда мне не нравился этот выскочка Анри! Похож на ужа, неприятный тип. А вы,

если не ошибаюсь, Кейтлин Брам, ангелочек?

Это было оригинальное приветствие, грубоватое, но занятное. Я обернулась на незнакомый мне голос и увидела высокого мужчину. Впрочем, сначала я увидела только пуговицы на кремовой жилетке, а потом, подняв глаза, загорелое, мужественное лицо, причём, весьма красивое. Фигура у него была крепкая, мускулистая.

— Я ещё не успела его узнать, чтобы согласиться с вами или возразить, — честно призналась я. — Простите, но я не знаю вашего имени.

— Ох уж эти формальности! — он тихо засмеялся и подпёр плечом колонну, возле которой я и стояла. — Как много навязывает нам общество.

— Боюсь, что я вас не совсем понимаю.

— Это мне в вас и нравится! Нет, не удивляйтесь, поверьте мне, провинциалку среди местной интеллигенции видно сразу. Вот и я вас заметил пару часов назад, но никак не мог подойти ближе. Вокруг вас всё время крутился этот Готье! Скажите, ангелочек, чего он от вас хотел?

Я пропустила мимо ушей его замечание насчёт провинциалки, хотя обиду затаила немалую. Меня это очень задело, однако, я вдруг ощутила, что этот мужчина, выглядевший чуть младше моего мужа, питал к нему не самые положительные чувства. Это заинтересовало меня и насторожило.

К тому же этот уверенный в себе сэр был просто пропитан откровенностью, я видела её в его взгляде, и от этого взгляда хотелось бежать подальше.

— Что ж, мистеру Готье самое место вокруг меня, — сдержанно произнесла я, глядя ему в глаза, — потому что он мой муж. Я живу с ним в Лейстон-Холл.

— Ах, вот оно что! Мне жаль вас, ангелочек! Предположу, что многое тут решили деньги и его настойчивость, не так ли? Только не обижайтесь, но вряд ли кто-то захотел бы его в мужа по иной причине.

— Мне кажется, это вас совершенно не касается, — ответила я, испугавшись его откровенности.

— Вы всё-таки обижены! Мне очень жаль, простите. Но один из гостей указал мне на вас, он когда-то тоже жил в Глиннете. Он сказал, что вы — смышлёная и оригинальная маленькая леди. И что у вас ангельский голос! Что ж, в последнем я успел убедиться и безмерно этому рад. Вы не споёте нам сегодня?

Мне захотелось убежать и спрятаться, потому что он разглядывал меня слишком откровенно и встал непозволительно близко.

— Боюсь, что сегодня я не в голосе, — сказала я, смутившись.

— Очень жаль, — протянул он лениво. — Но больше всего я жалею о том, что вы мне сказали. Жена Готье! Это почти разбило мне сердце. Как только представится такая возможность, советую вам бежать от него подальше, ангелочек. А я буду готов вас встретить.

Он улыбнулся совершенно бесхитростно, однако, я прекрасно поняла его намёк. Видимо, другие леди, которых он завлекал подобными речами, охотно отвечали ему. Возможно, даже не жалели о последствиях, но чутьё подсказывало мне быть осторожной.

— Чем же вам так не угодил мой муж? — поинтересовалась я.

— Мы с ним давние неприятели, и неприязнь эта вполне взаимна. Думаю, вы сама скоро всё узнаете от него. Да, и к тому же, он совершенно не умеет обращаться с женщинами. Все знают, что он никудышный любовник и ухажёр...

Возмутительно! Я поразила его словам, и была настолько оскорблена, словно он

облила словесной грязью меня, а не Джейсона. Не контролируя своих действий, я ударила его, наградив довольно слабой пощёчиной.

Смело глядя ему в лицо, я ждала хоть какой-то реакции, но он всего лишь улыбнулся, не менее откровенно, чем раньше, и томно произнёс:

— Как защищаете его... Хотя, вы скорее всего приняли это на свой счёт. А зря, вы ведь не виноваты, — он вдруг наклонился к моему плававшему от стыда лицу. — Как только вы убежите от него, клянусь, что поймаю вас, ангелочек, и научу таким вещам, о которых вы до сих пор не знаете...

Готье налетел на него, будто чёрная тень; выругавшись весьма откровенно, он оттолкнул от меня собеседника и встал между нами. Я не видела лица мужа, но была уверена, что оно исказилось от злости, потому что даже его красивый голос звучал теперь неопишимо грозно:

— Как ты смеешь говорить о таком с моей женой?!

— Давно не виделись, Готье, — сказал тот спокойно и поправил ворот и рукав своей рубашки. — Много времени прошло. Да, я имел честь познакомиться с твоей маленькой женой. Поздравляю тебя, она очаровательна. Однако, это всё равно ничего не изменит.

— Наши недомолвки никого, кроме нас, не касаются. Особенно её. И если я ещё хоть раз увижу, как ты пытаешься навредить ей, клянусь, что вырву твоё сердце!

— А ты осмелел! Только зря ты думаешь, будто моя семья всё так быстро забыла. Хотя, тебе ведь тоже не скоро удастся забыть, а? — он жестом указал на лицо Готье, и я поняла, что он намекал на шрам. — Что же касается твоей жены... то мы просто мило беседовали. Она мне безумно понравилась.

Я схватила мужа за руку и ощутила, как напряглись под одеждой его мышцы. Испугавшись, что он может затеять драку прямо там, я потянула его к себе и заставила взглянуть на себя.

— Я умоляю вас, пожалуйста, уйдём отсюда! Просто уйдём. Он же вас провоцирует!

— О, да! Послушай свою маленькую жену, Джейсон!

Мы посмотрели в сторону, и тогда я увидела возле портьеры молодую женщину, безумно красивую блондинку в чёрном, узком платье и шляпке с сетчатой вуалью. Мне даже не стоило спрашивать о том, кем она была. Я догадалась при первом же взгляде.

То была Мэгги Уолш. Она действительно была красивой женщиной с тонкими чертами лица, маленькими чёрными глазами и губами настолько красными, будто прокушенными до крови.

Она медленно подошла к мужчине, который так откровенно разговаривал со мной и угрожал моему мужу, взяла его под руку и надменно сказала:

— К чему выносить этот сор на всеобщее обозрение и портить такую замечательную ночь? Пойдём в зал, дорогой. Я хочу доиграть партию в пикет!

И бросив в мою сторону презрительный взгляд, она ушла, уведя с собой и того громилу-грубияна. Выдохнув, наконец, спокойно, я посмотрела вверх, в неестественно побледневшее лицо мужа, и отпустила его руку.

Какое-то время он просто уставился вперёд пустым взглядом, и мне казалось, что дрожит. Выглядел он совершенно нездорово. Странное чувство захватило меня, захотелось поскорее увести его отсюда домой и успокоить.

— Как вы себя чувствуете? — осторожно спросила я, касаясь рукава его пиджака. — И кто был этот мужчина?

— Мой бывший шурин. — Готье утёр лоб платком, который достал из кармашка, и строго посмотрел на меня. — Я не хочу, чтобы ты подпускала его к себе так близко, это ясно?

— Ясно, сэр. Но я и не собиралась. Пожалуйста, поверьте мне.

Он кивнул, затем сообщил, что мы сейчас же отправляемся домой. И чуть позже, проходя через зал с гостями, он нервничал, высматривая кого-то. Он крепко сжимал мою руку, пока мы не добрались до машины.

Настроение моё было совершенно испорчено, и я чувствовала себя грязной, стоило мне вспомнить того человека и его непристойное предложение. И его сестра... Производила неприятное впечатление. Так почему же она появилась в тот вечер со своим братом? Должна ли была? И самое главное: почему моего мужа так ненавидела семья Уолш?

... мрак, которого он страшился, сгущался в его собственном сознании, и не было во всей Вселенной света, достаточно яркого, чтобы развеять его.

«Дорогая Кейтлин!

Мы очень обрадовались твоему предыдущему письму, откуда узнали, что ты, наконец, привыкла к Англии, и тебе нравится новый дом! Трудно поверить в то, что прошло больше месяца с тех пор, как мы виделись в последний раз.

Не устану благодарить тебя за ту жертву, что ты принесла ради меня и моего супруга. Если ты когда-нибудь сможешь простить меня за слабование... [несколько строк зачёркнуты]... не думай, что я не люблю тебя. Люблю, сестра, люблю!

Я писала матери, и, рада сообщить, она ответила. Она до сих пор пребывает в счастливом неведении и ждёт от тебя хоть строчки!

Отчим ещё злится на меня... и на моего мужа. Как ты думаешь, мне стоит написать ему о беременности? Вдруг он разозлится ещё сильнее? Или же будущий внук или внучка его усмирят?

Мне страшно думать о том, что наша семья не воссоединится вновь; мы так и останемся далеко друг от друга?

[несколько строк зачёркнуты]

Кейт, напиши, как Готье к тебе относится. Уважает ли он тебя, развлекает? И когда же ты обрадуешь нас аналогичной с моей новостью? Поверь мне, если у тебя появится малыш, ничего на этом свете больше не будет важно, только он или она!

С любовью, навечно твоя,

Коллет Рэтмор».

Я аккуратно свернула письмо сестры обратно в конверт и отложила в сторону. В то утро в саду было прохладно, и я удобно устроилась в маленькой деревянной беседке, закутавшись в плед; старенький сборник итальянских сонетов в переводе Чосера лежал на скамейке, рядом с письмом от Коллет.

Мы переписывались уже несколько недель, и за всё это время с нами не произошло ничего необыкновенного. Коллет была беременна, жила неплохо вместе с Рэтмором и была счастлива, а я... Что ж, с того самого вечера и встречи с Мэгги Уолш и её братом не случилось ничего интересного. И мы снова влились в привычное русло нашего скучного и однообразного времяпрепровождения.

Никто не хотел просветить меня и рассказать поподробнее о жизни Готье с Мэгги, а уж о причине их развода — тем более. Но с каждым днём моё любопытство усиливалось, как и крепла привычка к самому замужеству. Я действительно привыкла к Джейсону, и общение с ним вносило хоть какое-то разнообразие в мою жизнь. Он умел красиво говорить, неплохо играл на спинете и хорошо относился к прислуге. Но стоило мне чуть ближе подойти к теме о семье Уолш, как он замыкался и переводил разговор в другое русло.

И вот, очередным утром, когда приближающаяся осень чувствовалась особенно остро, супруг осторожно вошёл в беседку, поприветствовал меня и присел рядом.

— Я вижу, что ты тоскуешь. Мне очень жаль, что я не могу развлечь тебя. На стройке кипит работа, и там необходимо моё ежедневное присутствие.

— Я понимаю, — мой голос прозвучал неуверенно, когда я отвернулась.

— Благодарю тебя за это. И обещаю, что следующий сезон будет более... разнообразным и интересным.

Когда я искоса посмотрела на него, он попытался улыбнуться; одет он был, как и всегда в будни, в свой рабочий костюм из чёрного полушерстяного материала и лаковые туфли с чуть заострёнными носами.

Каждое утро он был аккуратно причёсан, всегда выбрит и надушен дорогим одеколоном с приятным, слабым запахом. И тогда я смотрела на него, понимая, что эта выработанная годами схема его жизни вряд ли вообще изменится. Я с трудом представила вычурную Мэгги Уолш рядом с ним. Может быть, ей надоело однообразное течение дней, и они развелись от скуки?

— Мне пора идти, — Готье поднялся и поклонился, — увидимся за ужином и тогда договорим.

— А может быть, вы всё-таки возьмёте меня с собой?

Мой внезапный вопрос явно сбил его с толку. Он посмотрел на меня так, будто впервые увидел, и нахмурился. Однако, я решила идти до конца. Почему-то я чувствовала, что именно тогда он сломался бы.

— Разве я уже не высказался однажды по этому поводу? — голос его был холоднее льда.

— Вы, видимо, боитесь, что повторится история с Мэгги, да? Зря вы мне не доверяете. Я не собираюсь ни с кем кокетничать или флиртовать, и тем самым прерывать ход работ. Да и не умею я флиртовать...

Его молчание было хорошим знаком; в конце концов, он не ругался и не спорил.

— Обещаю, что буду тише воды, ниже травы, и вообще слушаться вас, — заверила его я и приободряюще улыбнулась. — Ну, так что же? Мы договорились?

— Полагаю, это Анри поведал тебе о Мэгги и её поведении на стройке?

Поскольку его голос внезапно смягчился, я догадалась, что он не злился на своего управляющего за то, что тот мне всё рассказал. Поэтому я решила быть предельно откровенной, но мягкой.

— Не ругайте Анри за его язык, — улыбнулась я, затем поднялась. — Я была рада узнать правду. Раз уж вы играете в молчанку со мной, приходится выпытывать её у других. Это я виновата, я его вынудила. И я прекрасно понимаю, почему вы не любите касаться этой темы... о Мэгги и её семье... Просто я хочу сказать, что я, конечно, не похожа на неё...

— Да, совершенно не похожа, — заключил он, глядя мне в лицо, и вдруг ответил тёплой улыбкой. — Мэгги умудрялась выжимать из меня соки, когда ещё был жив мой дед. И её вызывающее поведение порой прибавляло ему седины... Я бы показал тебе стройку, Кейтлин, и вопрос о доверии касается не тебя, а моих людей.

Видя мою растерянность, он тихо засмеялся, затем провёл рукой по своим густым волосам и сказал:

— Эти рабочие по иному ценят красоту. И я боюсь, что не сумею в одиночку удержать несколько десятков мужчин подальше от тебя, когда ты там появишься.

— Уверяю вас, я быстро бегаю, — засмеялась я, — но если серьёзно, то ваше беспокойство не убедительно. Никто не смутит меня сильнее, чем вы.

А вот это уже больше походило на флирт; я сама удивилась собственным словам, но виду не подавала. Решила, пусть это выглядит так, словно и было изначально задумано. Не хотела казаться неопытной девочкой.

С минуту подумав и серьёзно заставив меня понервничать, Готье, наконец, одобрительно кивнул и сказал:

— Хорошо, сегодня поедем вместе. Если это хоть немного тебя развлечёт.

Несколько десятков рабочих уже трудились, когда мы приехали. Завод предполагаемо строился на окраине города, с учётом всех деталей подъезда и ограждений. Готье не отходил от меня ни на шаг и не знакомил с рабочими, чтобы не отвлекать их, а всё показывал сам.

После лёгкого ночного дождика здесь пахло цементом и мокрым песком. Мы не подходили близко к высоким, серым лесам, и всё же муж настоял на том, чтобы я надела защитную каску. Он сам сделал это, и когда его пальцы осторожно поправляли мои волосы, я смотрела ему в лицо, такое серьёзное и сосредоточенное, и улыбалась, то ли от неловкости, то ли от смущения, потому что мы стояли очень близко друг к другу.

Как это ни странно, но с ним было гораздо легче говорить именно в процессе работы; если он отдавал какие-либо команды своим людям, или указывал на недочёты в чертежах и планах, или помогал с приготовлением строительного материала. Я понимала, как нравится ему эта работа, и было предельно ясно: когда очередной его проект войдёт в свою финальную стадию, он будет опечален, будто бы вынужден будет проводить своё повзрослевшее дитя в его долгий, одинокий путь.

— И как же давно вы увлекаетесь архитектурой? — спросила я по окончании экскурсии, когда мы покидали стройку через ворота.

— С малых лет. Наш преподаватель был весьма эксцентричным человеком, но разглядел во мне некий потенциал, и сделал многое, чтобы моё увлечение не угасло со временем.

— Ваш? Вы имели в виду... ваш и вашего брата?

Он издал едкий смешок и, не глядя на меня, продолжил:

— Да, и к тому же, ты же ещё не в курсе. Официально у тебя имеются четверо племянников и племянница.

Я невольно ахнула, и он засмеялся. Поскольку настроение его располагало как никогда тем утром, да и мой короткий визит на стройку не причинил никому вреда, я попросила супруга рассказать о семье его брата.

— Эдвард и я всегда были разными. Если он хулиганил, то я получал нагоняй от родителей вместо него. Если он прогуливал занятия, я жаловался на него учителю. Если он проигрывал родительские деньги в карты и тратил их на сомнительных женщин, то я в это время пропадал в библиотеке, готовясь к экзаменам.

Мы прошли гораздо дальше автомобиля по обочине дороги, свернули в реденький лесок и медленно пошли по узкой тропе.

— Когда родителей не стало, для нас всё изменилось, — голос его вдруг упал, плечи поникли. — Мы с братом остались на попечении деда, богатого и упрямого старикашки. Если кто и не мог вынести строгого режима и королевских замашек нашего деда, так это Эдвард. Они не выносили друг друга. Дед даже малую долю из наследства ему не оставил, и, в конце концов, брат сбежал, пожелав мне в скором времени совершить то же.

— Он звал вас с собой? — с интересом спросила я. — Какие у вас были отношения?

— Да, он предлагал и мне бежать... Но я был слишком молод и труслив. Мы были дружны, несмотря на детские обиды и недомолвки. Он всегда оставался моим самым лучшим другом, — мне показалось, что его голос дрогнул, но на его спокойном лице это никак не отразилось. — Сейчас Эдвард довольно неплохо устроился. Он работает в типографии, в одном частном американском предприятии, чей доход довольно тяжело будет

подсчитать в уме.

Супруг тепло улыбнулся, и мы остановились возле широкого ствола ели. Я до сих пор не могла поверить в то, что мой деверь проживал в Америке, так далеко, и меня просто разрывало любопытство. Скорее всего, это было написано у меня на лице.

— Вижу, у тебя остались вопросы, милая, — он тихо засмеялся, затем распахнул пиджак и любовно провёл пальцами по стволу дерева. — Эдвард живёт в небольшом городке Перри, в штате Джорджия, вместе с женой американкой и пятью детьми. Там чудесный климат и, должен заметить, замечательные рестораны.

— Вы говорите так, словно сами там побывали.

— Бывал, — ответил он просто, — после Африки я вернулся сюда... несколько помятым и разбитым. Тогда Эдвард в привычной ему легкомысленной манере поспорил, что я не решусь навестить его. А я принял вызов и приехал.

— И вы жалеете, что не остались?

Пусть думал он недолго, но его горькая усмешка на тонких губах сказала мне о большем, чем он сам:

— Стоило бы жалеть о том, что в свои семнадцать я не уехал с ним. Однако, поздно уже о чём-либо жалеть. Нужно смотреть в будущее.

Поскольку моё собственное будущее было скрыто за туманной дымкой, я была поглощена желанием побольше узнать о прошлом. Осмелев, я подошла ближе и спросила:

— А когда же вы женились на Мэгги Уолш? Ваш дед не был против этого брака?

Готье вдруг помрачнел, сделал шаг ко мне и встал так близко, что я ощутила тепло его кожи; я растерянно уставилась в его расстёгнутый воротник, боясь пошевелиться. Затем произошло нечто такое... сердце моё забилося чаще, и взмокли ладони и лоб: Готье наклонился ко мне, а я со всей уверенностью решила, что он поцелует меня, и в глубине души хотела этого и надеялась, что моё испуганное выражение лица не оттолкнёт его.

Однако, к моему глубокому (хоть и не показанному) разочарованию, он всего лишь посмотрел на меня и предупреждающе произнёс:

— Милая Кейт, есть такие истории, такие тайны, которым лучше оставаться тайнами. И делиться ими бывает весьма опасно. — Он выпрямился и поправил свой пиджак. — Тебе не за чем знать о Мэгги. Она просто тень из прошлого, которую я хочу поскорее развеять.

Что-то странное было в его красивом голосе, нечто потустороннее, и я невольно ощутила дрожь глубоко внутри. А ещё обиду от неудовлетворённости.

— Хотите сказать, что храните тайну своей жизни с ней? — предположила я вслух. — Неужели это настолько личное, что вы боитесь поделиться со мной?

— Это не я боюсь, — сказал он. — Это ты испугаешься.

Осень принесла в Лейстон-Холл не только бесконечные серые тучи и дожди каждый день, но и новую, почти непереносимую тоску. Мама писала, что её возвращение домой не было достаточно радостным, ибо обе её дочери находились слишком далеко. Она тонко намекала на то, чтобы я приехала с мужем в Глиннет хотя бы на Рождество. Но в моей голове не укладывалось, как я могла бы притворяться для неё, что счастлива, а мой муж желает меня и обожает. Я бы никогда не смогла заставить Джейсона вести себя так, а не иначе.

Его размеренное существование в доме и вне его порой доводило меня до отчаяния, и я едва ли не умоляла о совместных прогулках. В конце концов, в октябре мы стали чаще

появляться на публике, и даже близко подружиться с одной супружеской парой — Лорой и Колином Смитт. Лора напоминала мне сестру, а её муж был застенчивым человеком, но успешным торговцем, который встречался с Готье во время военных действий в Африке.

Мне всё ещё не давала покоя тайна, которую скрывал мой муж. И за много недель я успела придумать и отбросить десяток версий, по которым он не хотел ею со мной делиться. Измена, финансовые трудности, бездетность... Что ещё он мог пронести за те десять лет жизни с Мэгги Уолш?

Порой доходило до того, что я начинала верить в некие криминальные возможности развития событий, или даже магические, тёмные и жуткие.

Вечерами, возвращаясь в свою спальню, я проходила мимо полуприкрытой двери его кабинета, где он до поздней ночи корпел над какими-то документами, и замечала, как он отпирал и запирает один единственный ящик комода под столом — верхний, правый. Во мне проснулась та любопытная, бесстрашная девочка, которая жила во мне когда-то, и я уже не могла выбросить этот заветный ящик из головы. Точнее, надуманный образ того, что могло бы там находиться.

И однажды моё глупое, детское любопытство едва не довело нас до беды.

Однажды вечером, одетая в одну лишь длинную ночную сорочку, я прошла по коридору от спальни до кабинета мужа, почти прижимаясь к стене, и, остановившись у нужной двери, осторожно постучала. Я ожидала услышать голос супруга, но по счастливой случайности его не оказалось в кабинете, так что я вошла в комнату, прикрыв за собой дверь.

Мрачный кабинет напоминал мне небольшую неаккуратную библиотеку, эдакую комнату, затерявшуюся во времени и бумагах, разбросанных тут и там. Но я не собиралась тратить драгоценные секунды на изучение этой средневековой обстановки. Заветный ящик комода был, конечно же, заперт, и с минуту я в отчаянии лишь дёрнула за маленький крючок-ручку.

Отдышавшись и успокоившись, я осмотрелась и решила залезть в карманы пиджака, что висел на спинке большого кресла рядом. Каково же было моё удивление, когда я обнаружила там нужный ключ! Я торопилась, несколько раз промахивалась мимо замочной скважины, но раздался долгожданный щелчок — ящичек открылся. Кроме нескольких папок с бумагами и двух увесистых конвертов я не обнаружила ничего подозрительного, поэтому принялась за первый распечатанный конверт. В нём оказались фотокарточки и письмо, адресованное некоему Роберту. В свете настольной лампы я разглядела людей, изображённых на тех фотографиях. Это были Мэгги Уолш и её брат.

На задней стороне одной из карточек я прочла, хоть и с трудом, каллиграфическим почерком написанные слова:

«Моему дорогому брату на память! Навеки твоя, Мэгги!»

Но едва я принялась за письмо, как вдруг с первого этажа раздался какой-то глухой шум, похожий на короткий стук, затем совершенно внезапно погас весь свет, и я оказалась одна в полнейшей темноте кабинета.

От неожиданности я забыла о фотографиях и письме; я не боялась темноты, ведь моё воображение не рисовало ни монстров, ни приведений, прячущихся в ней. Но в тот момент я испугалась, бросила конверт на пол и медленно поднялась с колен. Не успела я сообразить что-то разумное, как вдруг увидела белеющее на фоне тёмного прохода тело своего мужа.

Готье стоял на пороге комнаты, одетый в чёрные ботинки и высокие сапоги из потёртой кожи; я подняла глаза и увидела, что он был без повязки, и его глаза странным образом

походили на две искры в этой темноте. Две искры, полные негодования и гнева. Я поняла это с первого взгляда. Скользнув взглядом ниже, по его груди и плоскому животу, и я впервые после брачной ночи ощутила эту жгучую смесь из страха перед неизведанным и плотского желания. Но в этот раз последнее явно преобладало.

Он показался мне таким невероятно красивым и порочным в этой дерзкой позе, что я напрочь позабыла о своей выходке и игре в шпионку, а очнулась лишь тогда, когда мой муж с разъярённым видом подбежал ко мне.

— Какого чёрта ты тут делаешь?! — закричал он, встав напротив меня у стола. — Что ты здесь забыла?

Лишь тогда я осознала всю серьёзность ситуации, в которую сама же угодила, и от страха не могла вымолвить и слова. Видя, что я была не в силах ответить, Готье попытался через стол схватить меня за руку, но я инстинктивно отпрянула к стене. Тогда он обошёл слева, увидел разбросанные на полу бумаги и фотокарточки и посмотрел на меня с такой яростью в глазах, что я невольно попятилась назад.

— Вот как значит, маленькая девочка решила самостоятельно всё разнюхать, а? — каменным тоном произнёс он. — Разве маленькой девочке не объяснили, что копаться в чужих тайнах — это опасное занятие? Или девочка глухая, или глупая, или непослушная?

Мне показалось, что он был готов броситься на меня, как хищник на свою жертву, и сделала рывок вправо, прямо к двери. Но он с невообразимой быстротой оказался прямо передо мной и схватил меня под грудью, до боли сдавив обеими руками, словно хрупкую куколку; в ту же секунду я была прижата к его груди, горячая кожа обожгла мои плечи, и я вскрикнула от неожиданности.

— Никто не рассказывал тебе сказки о Синей Бороде? Ты могла бы вынести из них много полезного! Что же ты молчишь? — он резко тряхнул меня, так что я оказалась лицом к лицу с его гневом и упёрлась ладонями ему в грудь. — Ты уже не такая бесстрашная, маленькая девочка! Если я ещё хоть раз обнаружу тебя здесь, открывающую этот ящик, клянусь, что выпорю тебя ремнём!

Когда он отпустил меня, я не поверила. В немом ужасе я попятилась к двери, а мой муж с жутким спокойствием вытянул руку и, указывая в пустоту тёмного коридора, сказал:

— Убирайся, пока я не передумал и не догнал тебя.

Слёзы жгли мне глаза, когда я бежала по неосвещённому коридору в сторону главной лестницы. Я чувствовала себя оскорблённой, непонятой и незаслуженно униженной. Не имею понятия, почему я не ушла в свою спальню, и какой чёрт дёрнул меня нестись, сломя голову, по лестнице на первый этаж. Но, почти пробежав последние ступеньки, я вдруг не удержалась и упала на ковёр, чудом не ударившись лбом. В следующую секунду я ощутила страшную резкую боль в правой ноге и поняла, что не могу ею пошевелить.

Чьи-то быстрые шаги позади отвлекли меня от внезапной боли, и я услышала полный отчаяния голос, зовущий меня по имени.

Примечание к части

Susan Kay's «Phantom»

Анаис сновала по спальне, будто заводная игрушка, взад-вперёд, выполняя указания доктора и с отчаянием на бледном личике поглядывая на меня. Полноватый пожилой доктор приехал через полчаса после моего неудачного падения и заключил, что нога моя в целости, однако, без травмы всё же не обошлось.

— Вашей жене очень повезло, — говорил он позже с моим мужем на пороге спальни. — Бывают растяжения с куда более плачевными последствиями. Пусть отдыхает пару дней, не ступает на правую ногу. И, конечно, прикладывайте лёд к ноге каждые четыре часа и не стягивайте туго бинты.

— Думаете, останутся следы? Гематомы? — Готье искоса смотрел на меня и нервно разминал пальцы. — Не хочу, чтобы её кожу уродовали синяки.

— Если они и появятся, то ненадолго. Просто выполняйте все мои указания, и, когда исчезнет боль, не забудьте время от времени делать короткий массаж стопы. Что ж, я должен идти. Час поздний. Доброй ночи, сэр. Миссис Готье!

Я кивнула ему, улыбнувшись, и доктор ушёл в сопровождении моего мужа. Я слышала их голоса, доносящиеся из коридора, но они были слишком далеко, чтобы уловить что-то конкретное. Лёжа на широкой постели своего мужа, я всё обдумывала его поведение там, в кабинете, больше и больше убеждаясь в собственной глупости. Я коснулась чего-то запретного и тот час же поплатилась за это. Справедливость настигла меня очень быстро.

Я вспомнила, как упала и заныла от боли, и как Джейсон мигом оказался рядом, поднял меня на руки, словно пушинку, и отнёс в свою спальню. Потом пришла разбуженная, перепуганная из-за меня и темноты экономка и принялась расставлять повсюду свечи.

Страсти улеглись, в доме снова стало тихо. Я спокойно лежала в окружении мягких подушек и рассматривала комнату Джейсона, а за окном всё усиливался ветер, и тени массивных ветвей кедров ползали по стенам спальни, словно царапая их.

Супруг вернулся вскоре, проводив доктора, настойчиво попросил Анаис оставить нас наедине, затем, пожелав девочке доброй ночи, закрыл дверь и уселся на стул рядом с постелью. Я знала, что этот разговор будет неизбежен, но не боялась, потому что не чувствовала больше его гнева, да и сама не злилась.

— Вы промокли? — спросила я, заметив, что с его влажных волос по вискам стекают капли воды.

— Самую малость. Дождь уже закончился. Хорошо, что наш добрый друг доктор приехал в закрытом экипаже. — Он попытался улыбнуться, но получилось это неестественно и натянуто. — Непривычно без освещения, верно? Я без электричества, как без рук.

— А огонь свечей и запах тающего воска вас уже не привлекают?

— Просто я привык к автоматике.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И вдруг, с какой-то непонятной мне неожиданной потребностью, он взял мою правую руку, нежно сжал её холодными пальцами и поднёс к своим губам.

— Прости меня! Знаю, что эти слова ничего не изменят, и всё же... — горячо прошептал он, и его губы вновь коснулись моих пальцев. — Прости, прости... Я был так зол, так расстроен. Сначала неприятности на стройке, потом это чёртово электричество в доме...

А увидев тебя в своём кабинете, я просто вышел из себя! Сорвался на тебе, и зря! Посмотри, что произошло с тобой из-за меня!..

Наши взгляды пересеклись в тот самый момент, когда он поцеловал мою руку снова, и мне стало невероятно жаль его, потому что то была исключительно моя вина, моя бестолковая голова с бестолковыми идеями и выдумками глупенького ребёнка!

Я сумела расслышать, как он выругался срывающимся голосом, и поспешила успокоить:

— Что вы! Перестаньте! Это я виновата, вы справедливо прогнали меня...

— Ты могла серьёзней пострадать.

— Но со мной всё в порядке. А растяжение — ха! Пустяк! — Хоть и было больно, я слегка пошевелила пальцами правой ноги. — Вы не представляете, как часто я падала в детстве. На мне живого места не оставалось, стоило только отправиться погулять. Мама не знала, как удержать меня на месте.

Он улыбнулся, на этот раз совершенно открыто и тепло, и моё сердце успокоилось. С минуту он просто глядел на меня; глубокие тени залегли у него под глазами, создавая мнимое отсутствие глаз вообще: только две яркие искры в пустых глазницах; и влажные пряди его чёрных волос скрывали от меня шрам под правой бровью.

— Я прошу прощения у вас, — наконец, нарушила я тишину. — Это было неправильно... и глупо, лезть в чужие дела. Мне стыдно.

— О, да, милая. Тебе должно быть стыдно, — он тихо рассмеялся, и это был приятный, красивый смех беззаботного молодого мужчины. — К тому же, это не я сейчас лежу нагишом в такой романтической обстановке.

Смущённая, я хотела было возразить: и совсем ведь не нагишом, а в длинной ночной сорочке. Но я не стала ничего говорить. Его игривый тон меня весьма позабавил.

— Послушай меня, Кейтлин, — сказал он, посерьёзнев. — Как только придёт время, обещаю, что ты всё узнаешь... Но сейчас... Есть тайны, которые я вынужден хранить, поскольку они лишь косвенно мои. Ты понимаешь меня?

— Я понимаю. Постараюсь вам поверить.

— Вот и умница! Доверься мне. — Джейсон поднялся, затем, наклонившись надо мной, едва ощутимо коснулся губами моего лба и выпрямился. — Теперь я хочу, чтобы ты поскорее заснула. Дадим твоей пострадавшей ноге отдых. А я должен разобраться с электричеством.

Легко сказать — довериться! Он оставил меня, а сон долго не шёл ко мне; запахи дождя и ощущение его мягких, влажных волос, касающихся моей кожи, до сих пор были слишком близко.

Его чрезвычайная забота и волнение тронули моё сердце, я хотела верить в то, что он искренне желал обо мне заботиться; и те долгие ночные минуты я воображала, лёжа на его подушках и укрываясь его одеялом, как неплохо было бы наконец подружиться с ним, с этим загадочным, странным человеком.

Через несколько дней я могла спокойно ходить самостоятельно, а синяк на коже исчез, как и боль. Поначалу меня смущало то, как все отчаянно пытались угодить мне, словно я была беззащитным ребёнком, требующим ежеминутного ухода. Я не требовала, но они настаивали; миссис Фрай суетливо исполняла обязанности по ведению хозяйства, каким-то невероятным образом успевая приглядывать и за мной.

И целых два дня я почти не вставала с постели! Моим дневным развлечением были только чтение и Анаис, которая забавно шутила, пока расчёсывала меня или прибиралась в

хозяйской спальне.

Но как только наступал вечер, и Готье возвращался домой, мне казалось, что сама природа вместе с домом и его атмосферой меняются, потому что я чувствовала глубоко внутри, как моё сердце замирает, и любые желания, что раньше имели для меня значение, теперь казались бессмысленными, ненужными.

Не переодеваясь даже, мой муж, наскоро здороваясь с экономкой, вбегал по лестнице и прямо с порога принимался расспрашивать о моём самочувствии. Затем снимал своё тёмно-зелёное пальто, садился на край кровати и осторожно осматривал мою пострадавшую ногу. Когда его пальцы, ещё холодные после улицы, мягко массировали мою лодыжку, я обнаруживала в себе скрытые потребности к чему-то настолько интимному, что приходилось отводить глаза и не смотреть на то, как искусно его пальцы скользят по моей коже. И, самое интересное, он чувствовал моё смущение, он знал, как влияет на меня. И он молчал и улыбался, рассматривая меня.

Меня тронуло его внезапное перевоплощение из угрюмого, нелюдимого хозяина в заботливого и внимательного мужчину. Поразительно, как быстро он отбросил свои обиды и колючие манеры, и всё свободное время стал проводить со мной.

Сколько ещё раз мне следовало бы упасть с лестницы, чтобы он мог вот так ухаживать за мной?

Я засыпала в его просторной постели... одна, без мужа, и с удивлением понимала, как обидно мне становится от этого по-настоящему женского одиночества. Где спал сам Джейсон, я спрашивать не решалась.

Одним ранним субботним утром, когда многочасовой ливень барабанил по карнизу снаружи и не давал спать, супруг вошёл в спальню, предварительно постучав. Его растрёпанные после сна волосы, лёгкая щетина на лице и помятая фланелевая рубашка создавали ему какой-то иной образ, по-домашнему простой и милый. Увидев его, я тут же села, опираясь на руки, и, будто загипнотизированная этим утренним зрелищем, широко улыбнулась.

В правой руке он держал что-то большое, накрытое куском шёлковой ткани, и не трудно было догадаться, что это была клетка; Джейсон поставил её на прикроватный столик и, с лукавой улыбкой глядя на меня, сдёрнул покрывало. Я ахнула и едва не подскочила на месте, когда увидела маленькую жёлтую канарейку, с любопытством разглядывающую нас из клетки.

— Боже мой, какое чудо! Где вы взяли её?

— Один из моих коллег доставил её вчера вечером, но я не хотел волновать тебя перед сном. — Готье щёлкнул пальцами, и канарейка коротко защебетала. — Тебе нравится?

— О, конечно, она прелестна! Вы принесли её для меня?

— Считаю, что это мой способ загладить свою вину, — сказал он. — Здесь бывает весьма скучно, а она может петь с тобой дуэтом, если захочешь её обучить.

— Спасибо, сэр, но вам не за что извиняться, — кротко ответила я, рассматривая свой подарок. — Разве мы не обговорили это?

— Всё понять — всё простить! — произнёс он, смеясь. — Какое счастье, иметь данное благословение и быть способным на столь редкое в наше время всепрощение. Хотелось бы мне, чтобы и этот твой дар распространялся на меня.

Наши взгляды снова встретились, и я почувствовала, как мои пальцы начало непривычно покалывать. Его рука почти касалась моей обнажённой ноги, и я больше всего

хотела узнать, что бы я ощутила, если б он коснулся меня там...

Канарейка защебетала снова, на этот раз протяжно и долго, и она была единственной из нас, кому нечего было скрывать, и кто имел возможность говорить без боязни последствий.

— Не могли бы вы позвать сюда Анаис? — спросила я, натягивая на себя одеяло. — Мне нужно умыться и привести себя в порядок.

Он странно посмотрел на меня, будто выискивая что-то на моём лице; его пристальный взгляд смущал сильнее любых прикосновений. Но когда он вдруг резко поднялся, так неожиданно, что даже канарейка встрепенулась на своей жёрдочке, я растерялась, а он похозяйски откинул одеяло в сторону и поднял меня на руки. Невероятный контраст тепла моей кожи и его прохладных рук едва не заставил меня застонать. И трудно было представить, что бы случилось, будь я полностью обнажена.

Он прошёл в светлую ванную комнату, где уже горели две лампы, осторожно усадил меня на высокий табурет и ласково произнёс:

— Вот теперь можно послать за горничной.

— Вы уже уходите? — вопрос сорвался с моих уст прежде, чем я успела подумать.

Он пожал плечами и насмешливо, будто с безразличием, ответил:

— Боюсь, если я останусь, то водные процедуры затянутся на всё утро.

Меня привела в восторг его бесхитростная улыбка, и я засмеялась, глядя на него снизу вверх.

— Возможно, я была бы не так уж и против, — произнесла я тихо, в надежде, что он не услышит.

— Тогда я не заставлю тебя долго ждать.

Джейсон ласково коснулся моей пылающей щеки, затем, уже уходя, одарил настолько многообещающей улыбкой, что мне пришлось вцепиться пальцами в табурет, лишь бы не выдать своих чувств. А те чувства, спавшие во мне до того дня, медленно пробуждались, и я ощущала, как близился момент, когда я смогла бы выпустить их на волю. Я терпеливо ждала, зная, что буду вознаграждена.

Было воскресенье, и Лейстон-Холл подвергся настоящей стихийной напасти: ветер за окнами завывал с отчаянием и громким, периодичным свистом, дождь усилился, и теперь беспощадно прижимал к земле наши красивые цветы в саду.

Оставив в библиотеке недочитанный роман, я заперла дверь и поспешила вернуться в спальню, но, проходя мимо комнаты мужа, услышала глухой удар и вошла, забыв постучаться.

Супруг стоял на стуле и пытался положить что-то тяжёлое на самый верх большого платяного шкафа.

— У вас всё в порядке? — спросила я, подойдя ближе, и он обернулся.

— Да, вполне, милая. Правда вот не удержал парочку листов со старыми планами.

— Я могу помочь!

Я подала ему упавшие на пол планы, начерченные на огромных, свёрнутых трубами белых листах, и отошла, чтобы Джейсон спустился. Он был босой, в коротких узких бриджах и распахнутой рубашке, немного растрёпанный и совершенно расслабленный.

— А вы кажетесь совсем другим, когда вы не в костюме, — произнесла я бездумно, разглядывая его. — Немного странно видеть вас таким.

— Отсутствие одежды вообще может многое изменить в человеке, — он лукаво

подмигнул и встал передо мной, заслонив своей широкой спиной весь свет от ламп.

— И как же там, с электричеством? Вы не разобрались, в чём проблема?

— Переждём ливень, а завтра я позову своего помощника, и мы вместе...

Он вдруг замолчал, и, проследив за его взглядом, я поняла, что он смотрит на моё обнажённое плечо, свободное от ворота сорочки. Наше обоюдное молчание превратилось в напряжённое ожидание чего-то очень желаемого, но страшного, и я не знала, кому из нас было страшнее.

Сглотнув и закрыв на мгновение глаза, я сделала шаг к нему, и теперь находилась так близко, что не могла не почувствовать жар его кожи. Мне захотелось коснуться его, совсем ненадолго, просто ощутить пальцами; я протянула дрожащую руку к его груди и положила ладонь в вырез рубашки. Его сердце билось часто-часто, но едва ли быстрее, чем моё. И когда мои пальцы коснулись впадинки его шеи, он дёрнулся, шумно вздохнув, затем вдруг наклонился и поцеловал меня.

Его вмиг потеплевшие ладони легли мне на шею, а влажный, горячий язык раскрыл губы, и я впустила его, немного растерявшись. Но он был недостаточно тороплив, а терпеливо направлял меня, обучая и награждая за послушание; я оказалась прижатой к его твёрдому телу, одной рукой он поддерживал мой затылок, другой — лихорадочно ласкал спину.

Задыхаясь, я отвечала ему, не желая уступать, с таким же неистовством, которое разжигало во мне бушующее пламя... и моё несчастное сердечко, готовое вырваться из плена мышц и костей, упало куда-то вниз, и ещё ниже... И тогда я не испугалась уже знакомого мне ощущения; ноги мои подкосились, и я обхватила шею мужа обеими руками, не прекращая целовать его.

Я не противилась, когда он принялся стягивать с меня сорочку, снял её через голову и отбросил в сторону. Снова прижался ко мне губами, но на этот раз наклонился ниже, и поцелуй пришёлся куда-то в шею. С трудом преодолевая желание и возбуждение, я попыталась помочь ему раздеться, но вдруг он сам отстранился и снял рубашку. Стоило мне опустить глаза, когда он взялся за ремень бридж, и я невольно ахнула, не в силах остановить этот глупый жест девственницы.

Джейсон смотрел на меня в упор, пока его пальцы пытались справиться с застёжкой, и он был ужасно напряжён. Я видела капельки пота на его плечах и рельефном торсе, его загорелая кожа блестела в свете ламп.

Я ожидала увидеть его обнажённым, трепетала и дрожала от одной мысли об этом, но, когда он протянул ко мне руку и позвал по имени, я не сразу поняла, чего он просил.

— Иди ко мне, Кейт, — сказал он. — Иди ко мне. Я возьму тебя здесь и сейчас.

Это прозвучало, как самый настоящий приказ, но от одного лишь звука его голоса я готова была пасть перед ним на колени. Подчиняться ему, выполнять любую его прихоть — я готова была на всё, слушая, как он произносит моё имя. И я забыла обо всём, потому что уже испытала нечто, сравнимое с экстазом, и этот красивый голос тянул меня к нему. И я погрузилась во тьму, что окружала его.

Мои руки были протянуты вперёд, я хотела обнять его и прижаться крепко к его прекрасному телу, но едва моя грудь коснулась его кожи, как вдруг я оказалась высоко над полом; он поднял меня, перекинул через плечо, и я повисла на нём, беспомощная и голая.

Джейсон усадил меня на край своего стола, предварительно сбросив оттуда какие-то бумаги, резким движением развёл мои ноги в стороны, и внезапно я увидела его стоящим

передо мной на коленях. Догадавшись о том, что должно было вот-вот произойти, я хотела возразить, сдвинуть колени вместе... ах, не важно, что, но только не позволять ему делать это...

Но разве я могла? Когда его большие, тёплые ладони легли на мои бёдра, а его губы легонько коснулись моего живота... и переместились ниже... Я вскрикнула, откинув голову назад; мои спутанные волосы давно уже взмокли, и теперь липли к спине. Невероятно горячий язык и мягкие губы ласкали меня, всё настойчивей и резче, а я не могла понять, как пережить такое, потому что я горела и дрожала, меня трясло и кружило в водовороте экстаза.

И в тот миг, когда он глубже проник в меня языком, я выгнулась, мои глаза затуманились, и я ощутила наслаждение в высшей его точке.

Обессиленная, покорённая, я не могла удержаться; пальцы ещё остро покалывало после оргазма, во мне не было сил даже открыть глаза, но я улыбалась, когда сильные руки мужа подхватили меня, и моя щека прижалась к его влажному плечу.

Он уложил меня на свою постель, бережно поддерживая мою голову, затем поднялся, и я, открыв глаза, наблюдала, как он демонстративно снимал бриджи. Глаза тут же метнулись к его паху, и новая волна желания заставила меня ожить. Я раздвинула ноги, приглашая его войти в меня. Я знала, так было правильно, и это именно то, чего он хотел... и я тоже.

Одного я не могла понять: почему же он так медлил? Эта мысль возникла в моей голове и погасла, словно молния в грозу. Джейсон очень медленно опустился рядом, его пальцы нежно поглаживали мои ноги, скользя всё выше, затем между бёдер, и я снова застонала, выгибаясь, как кошка, и выпрашивая ласки.

— Нет, нет, моя милая, — сказал он хрипло и улыбнулся самой порочной улыбкой на свете. — Она ждёт совсем не мои пальцы, нет, совсем не их...

И он говорил снова, всё больше непристойных вещей, за которые осудили бы в обществе, а я и понятия не имела о таком... но слушала его чарующий голос, пока его руки массировали мой живот, грудь и плечи.

Забывшись в его руках и нежности, с которой муж так обращался со мною, я не сразу заметила, как он приблизился ко мне. Но когда его тело прижалось к моему, и его губы так страстно впились в мои, я приняла его, приподняв бёдра; вместо ожидаемой боли и неприятного распираания между ног, я почувствовала его, всего и целиком во мне, это было странно и приятно. Сладкое томление длилось и длилось, усиливаясь с каждым движением; мои руки инстинктивно легли Джейсону на плечи, и я чувствовала под пальцами его крепкие мышцы, а когда я притянула его ближе, коснувшись ягодиц, он застонал...

... его физическая сила и нежность, жаркие, манящие поцелуи и искусные пальцы... длинные пальцы волшебника сводили меня с ума. Движения становились быстрее и резче, наше одно на двоих дыхание — горячее и чаще. Пальцы наших рук сплелись, и я обхватила ногами его бёдра, помогая ему входить глубже...

И нельзя было вообразить более интимного, нашего с ним общего мгновения, когда мы разделили счастье быть одним целым — телом и душой. Я видела его напряжённое лицо перед собой... и две искры глаз, прикованные ко мне одной.

Меня разбудил едва слышимый шорох, хотя раньше я никогда не отличалась чутким сном. Медленно потянувшись и сев на постели, я увидела, как Джейсон одевался, стоя спиной ко мне, перед раскрытыми дверцами шкафа. Пару коротких минут я смотрела, как он

натягивал бриджи, застёгивал рубашку и поправлял взъерошенные волосы рукой.

К моему удивлению я не ощущала ничего, что бы хоть немного напоминало мне о случившемся ночью. Разве только мышцы вдруг отозвались непривычным чувством абсолютной расслабленности. И совсем не было больно, в отличие от той, первой ночи... Но сейчас мой муж был рядом, он спал со мной, так означало ли это, что он изменился и по отношению ко мне?

Засыпая, я не успела придумать, как вести себя после, что говорить, ведь не может такое не оставить на двух людях хотя бы самого призрачного следа!

Слегка откашлявшись, я заставила его обернуться. Ох, кто бы мог подумать, что это самое простое движение, обыкновенная физическая реакция, способно так повлиять на меня? Все мои сомнения улетучились в тот миг, когда Джейсон повернулся ко мне, и я увидела его лицо: его подбородок уже покрывала лёгкая щетина, губы были неестественно припухшими; он выглядел немного рассеянным и уставшим, но даже это не могло заставить меня отвести от него глаз. Я смотрела на его идеальный, точёный профиль, и мои пальцы инстинктивно сжали край одеяла... Они помнили его тело, его плечи и руки, которыми он так крепко меня обнимал...

А что делали его губы? Касались меня там, где, возможно, и не стоило бы... но нужно было, чертовски необходимо, потому что они дарили мне такое наслаждение, от которого не грех было бы умереть...

Господи! Полёт фантазии продолжался бы, если бы Джейсон сам не прервал наше молчание и не подошёл к кровати.

— Доброе утро. Как ты себя чувствуешь?

— Благодарю вас, всё хорошо.

После неловкой паузы, когда я понятия не имела, что сказать, он присел рядом, пытаюсь заглянуть мне в лицо, и учтиво поинтересовался:

— Кейтлин, если что-то не так, я хочу знать. Если я сделал тебе больно, неприятно или...

— Нет, нет, дело не в этом, — я не знала, как верно подобрать слова, и чувствовала себя не в своей тарелке. — Кажется, мне просто неловко...

— Это пройдёт.

В какой-то момент мне показалось, что он был недоволен, но потом муж снова примерил на себя привычную маску строгого джентльмена.

— Не стыдись того, что было. Это естественно и приемлемо. К тому же, это наши с тобой прямые супружеские обязанности. Не забудь, что я надеюсь на тебя.

Я поняла, что он говорил о детях... О Боже! Со всей этой суматохой последних дней я совсем забыла о том, что пару недель назад у меня шла кровь, а значит, брачная ночь ничего не дала...

Мне было страшно от мысли о том, что в скором времени во мне зародится новая жизнь. Ответственность, боль, дитя... Я и сама была ещё сущим ребёнком, и вот, оказалась поставлена перед фактом: Джейсон хотел наследника. А вдруг... уже?

Я бездумно положила руку на живот, не чувствуя ничего сквозь одеяло, и вздохнула.

— Мне пора ехать. Так много осталось незавершённым, и ещё больше нужно сделать сегодня! — сказал он и поднялся. — Прости, что не могу остаться на завтрак с тобой...

— Вы бы правда ударили меня?

Какой же надо быть глупой, чтобы спросить такое?! Но я, глубоко задетая его утренним

спокойствием, таким возмутительным и дразнящим по сравнению с моими-то душевными терзаниями и неистовым биением сердца, твёрдо была намерена сдвинуть планку наших отношений, в особенности, его намерений насчёт меня.

Джейсон удивился, хоть и постарался не подать виду, вернулся ко мне и строго переспросил:

— Что за глупости ты говоришь?

— Вы тогда сказали, что, если я ещё хоть раз посмею влезть в ваши... тайны... то вы побьёте меня ремнём.

Явно не понимая моих намерений (а тогда я и сама толком не знала, чего добивалась), Джейсон рассеяно пожал плечами:

— Я блефовал, и только, — ответил он с напускным безразличием.

Он не намерен был продолжать этот разговор, но я знала, если отпущу его, то ни вечером, ни на следующий день он не откроется мне.

— Вы злились... очень сильно злились, — уверенно продолжала я, глядя ему в глаза (повязку он больше не носил, шрам был едва виден). — Вы скрытный и странный. Всё это время вы сторонились меня, давая понять, что я вам безразлична. Но стоило мне приблизиться к чему-то запретному, как вы вдруг изменились. Я хочу понять...

— Тебя интересует причина, по которой я вчера так себя повёл? Или почему заботился о тебе после ссоры? — холодно произнёс он, и я увидела, как он вцепился пальцами в свои колени. — Я чувствую перед тобой вину, пытаюсь её загладить. Какое ещё объяснение тебе нужно?

«Сможешь ли ты почувствовать то же, что и я, когда я так смотрю на тебя?»

— Я хочу понять, почему вы не желаете мне открыться.

Я протянула руку, желая коснуться его локтя: всего лишь невинный, нежный жест. Но супруг дёрнулся, скривив губы от недовольства, и резко встал.

— Я больше не намерен говорить об этом. Нет, молчи! Хватит, Кейт. Ты уже давно не ребёнок, и пора понять, что есть вещи из чужого прошлого, которые тебя совершенно не касаются. Разве тебя не устраивает то, как мы живём, что имеем?

Не найдя, что сказать, я опустила глаза. Как он мог говорить так грубо? И это после всего, что было ночью? Воистину, порой мужчины — эгоисты и грубияны!

Но я с грустью думала о том, что, если он снова уложит меня в свою постель, я сдамся и, возможно, даже охотней прежнего.

Джейсон ушёл, пожелав мне хорошего дня, и я осталась одна в его большой, мягкой кровати думать о том, что же будет дальше.

В один из самых солнечных дней октября Лора Смитт с несвойственной ей настойчивостью уговорила меня пойти на передвижную ярмарку, добравшуюся до нас издалека и основанную в самом Лионе. Я согласилась, пусть и без энтузиазма. Джейсон снова стал закрытым и строгим, и даже если бы я могла признать, что ждала его четыре ночи подряд... Это было неважно, поскольку он всё равно не пришёл.

Затаив обиду, я не разговаривала с ним за ужином, а стоило ему войти в библиотеку, как я уходила, гордо вскинув подбородок.

И вот при первой же возможности отвлечься я решила посетить ярмарку, которую так расхваливала моя знакомая. Мы отправились верхом, и я принципиально не стала надевать новый костюм для верховой езды, который был куплен на деньги мужа, а поехала в своём, давно уже мной ношеном.

Ярмарка раскинулась на огромном широком поле, что находилось за городом. При въезде в дугообразные ворота я обратила внимание на потёртую афишу, где главнее всего красовалось единственное слово, необычно приятно ласкавшее слух:

«ИМАДЖИНАРИ»

Раньше я никогда не видела ни акробатов, ни фокусников, ни тем более огнедышащих людей. Это были замечательные, удивительные номера, и мы подолгу стояли напротив какого-нибудь могучего араба, способного метать лезвия в цель с закрытыми глазами, хлопая и подбадривая его.

Лора много говорила и смеялась, и я уверенно расслаблялась вместе с ней; мы решились купить немного восточных сладостей и парочку безделушек, достаточно дешёвых и необычных.

Стоя в длинной очереди к одной французской цыганке, которая славилась своими точными предсказаниями, я осматривалась, дабы убедиться, что поблизости не было никого из знакомых моего мужа.

— А что ты спросишь у гадалки? — отвлекла меня Лора, и я обернулась к ней.

— Ничего, — я пожалала плечами. — Я всего лишь иду с тобой за компанию.

— Вот и зря! Такой шанс упускаешь, Кейтлин! Можно ради азарта хотя бы спросить её о будущем, о материальном благополучии... о детях, наконец!

Последний пункт ввёл меня в своеобразный ступор. Я вспомнила, о чём тосковала и хандрела последние несколько дней. Я потушила взгляд, настроение моё резко испортилась. Видимо, Лора заметила, как я поникла, и с волнением поинтересовалась:

— Дорогая, ты в порядке? Неужели я тебя обидела?

Я покачала головой и попыталась улыбнуться.

— Нет, что ты. Это касается только меня одной.

— У вас что-то не ладится с Джейсоном? Неужели он тебя чем-то расстроил?

Неприятно было направлять разговор в это русло; и почему обязательно виноват оказывался Джейсон? Да, он был скрытный, с переменчивым, невыносимым характером, но меня больше поразило то, что даже Лора искала причину именно в нём.

— Знаешь, раньше Мэгги всегда всем жаловалась, что муж её игнорирует. Я, конечно, не слушала её жалкие стенания, но другие рассказывали мне, что ей с ним скучно жилось, — Лора перевела дух и вымученно улыбнулась. — Прости, что говорю тебе такое, но мне не

безразлична твоя жизнь здесь. Понимаешь ли, ходили слухи, что у Джейсона была любовница в Лондоне. Поэтому они с Мэгги так часто туда приезжали: она — чтобы скучать и тратить его деньги, а он — к любовнице.

Я представила своего супруга, сбегающего от Мэгги Уолш к какой-то лондонской содержанке, и, к собственному удивлению, не испытала обиды за его бывшую жену. Мне стало смешно, а моя собеседница возмутилась:

— Странная ты! Последила бы за ним, на всякий случай.

Её идея показалась мне совершенно абсурдной, и моя глупая улыбка стала ещё шире.

— Поверь мне, Лора. Я могу чего-то не знать о нём, но то, что у него нет любовницы, я знаю точно!

— Откуда ты знаешь? Почему так уверена?

— Просто знаю, — ответила я, не переставая улыбаться; очередь снова продвинулась вперёд. — Считаю, что это моё женское чутьё.

— Как хочешь, — она пожала плечами и поправила свои каштановые кудри, выбившиеся из-под шляпки. — О, Кейт! Пойдём со мной к этой гадалке! Ты можешь спросить её, например, правдивы ли были эти слухи про любовницу из Лондона... Или про то, какой подарок Джейсон хочет получить!

— Какой ещё подарок? — удивилась я.

— Но как же? На его день рождения!

После этих слов моё сердце замерло, а потом упало куда-то в самый низ живота. Я была сбита с толку и поражена, так и стояла перед подругой с глупым видом деревенской дурочки, не понимая, о чём шла речь.

— Кейт, ты слушаешь? — голос Лоры вернул меня с небес на землю, и я кивнула. — Неужели ты забыла?

— На самом деле, я даже не знала, когда у Джейсона день рождения.

— Он завтра, Кейт! Как странно мне представляются ваши отношения с ним, — сказала Лора с недовольными нотками в голосе. — Вчера Колин посвятил меня в свои планы насчёт дня рождения. Всё-таки они были товарищами в Африке! В общем, Колин решил заехать к вам с подарком, совсем ненадолго. Лично я бы предпочла, чтобы мы собрались за большим столом и отпраздновали цивилизованно, как все нормальные семьи, но Колин сказал, что Джейсон не празднует свой день рождения...

Расстроенная тем, что узнала о такой дате из уст чужого человека, я еле сдерживалась, чтобы не застонать от отчаяния. Надо же, день рождения! Он бы просто прошёл, словно обыкновенный день, и я бы ничего не заметила! Мне стало ужасно стыдно и неловко; слова Лоры о том, что Джейсон не празднует, я слушала в пол уха.

— ... и наводит на него тоску. Как-то так он объяснял его нежелание праздновать день рождения. Ох уж эти мужчины! — Лору не останавливало даже то, что её очередь к гадалке почти подошла. — Хотя, кажется мне, у твоего мужа есть иная причина. Ну, да неважно! Поздравь его и от меня тоже. Я не смогу приехать завтра; назойливая матушка Колина будет в ярости, если я в очередной раз пропущу с ней встречу.

— Иди же, иди, твоя очередь. Я подожду снаружи.

Я пропустила подругу в широкий шатёр овальной формы, и она скрылась в полутьме, в которой я смогла рассмотреть лишь кусочек разноцветного ковра на полу. Далее я провела несколько минут, погружившись в хмурые мысли о Джейсоне; казалось бы, что мне за дело до его дня рождения? Но в нашей семье всегда праздновали и отмечали такие события, и как

бы ни было тяжело, нам с Коллет всегда доставались подарки и внимание родителей.

Стоило же мне теперь ломать голову над тем, как дать понять супругу, что мне не всё равно? Внезапно я осознала, что я вовсе не была против празднования, наоборот, я бы с радостью отметила его день рождения. В конце концов, Джейсон был мне не самым чужим на свете человеком. И он сдерживал своё слово: помог отчиму с долгами и ни разу не упомянул Коллет в недозволенной манере.

Решив, что обязательно придумаю что-нибудь для мужа, я успокоилась. Я ещё не простила Джейсона за его скрытность и явное нежелание поведать о всех своих тайнах, но я понимала, что так продолжаться дальше не могло. И один из нас должен был первым сделать шаг навстречу. Почему бы не стать первой? Разве я много потеряю?

— Миссис Готье? Какая встреча!

Я обернулась на весёлый голос позади и увидела Анри. Подойдя ко мне, он вежливо поздоровался и нежно поцеловал мои пальцы. Несколько незначительных фраз перетекли в разговор о ярмарке, но не успела я спросить о завтрашнем дне (не мог управляющий моего мужа не знать хоть что-то об этом), как вдруг разглядела и самого виновника путаницы в моих мыслях: Джейсон прошёл через толпу, и его густую, чёрную шевелюру нетрудно было увидеть среди голов других посетителей; высокий и уверенный, он подошёл к Анри и с необычайной резвостью произнёс:

— Это всё твои уговоры, приятель! — он засмеялся и похлопал худощавого Анри по плечу. — Не можешь пропустить ни одного местечка с развлечениями. А я купился и теперь стал беднее на несколько соверен.

— Твои слова больно ранят мои чувства, друг, потому что мне платят куда меньше за работу, чем тебе, — парировал управляющий.

Они оба пребывали в отличном настроении, и это вселило в меня надежду, что сегодня я получу шанс поговорить с мужем насчёт его дня рождения. Возможно, он позволит пригласить парочку знакомых домой...

— А, милый друг! Смотри, из шатра выходит подозрительно довольная миссис Смитт. Не хочешь ли развлечь её на время, пока я поговорю со своей женой?

Анри охотно согласился, откланялся мне и оставил нас с мужем одних позади большой палатки торговца тканями. Мы находились достаточно далеко от чужих глаз; я позволила себе засмотреться на супруга, поскольку ему очень шёл костюм из светло-серой ткани, и рубашка была расстёгнута на несколько пуговиц сверху, так что я могла любоваться его красивой, могучей шеей.

— Что же такое вы приобрели, сэр? Если, конечно, это не секрет, — сказала я с хитрой улыбкой, а Джейсон достал из кармана пиджака маленькую безделушку и протянул мне.

— Цыган, у которого я купил это, встречал меня в Париже несколько лет назад, — пояснил он, пока я разглядывала кулон на тонкой, серебряной цепочке. — Оказывается, тогда я неплохо разорился на его товаре, и, благодаря мне, его семья тогда перестала голодать. Сейчас он уговорил меня купить это, потому что он заговорён на удачу.

— Он мог бы подарить его вам, — заметила я шутливо. — Получилось как-то нечестно.

— Они же цыгане, милая. К тому же, с той поры в его семье прибыло ртов, я бы и сам настоял на покупке.

Я посмотрела на его довольное лицо и не смогла сдержать улыбки.

— Тогда вы необыкновенно щедры и великодушны.

— Я рад услужить хорошим людям. — Он подмигнул мне и беспечно почесал едва

заметную щетину на подбородке. — Позволь узнать, чем сегодня занималась ты?

— Мы с миссис Смитт наблюдали некоторые номера человеческой ловкости и ели сладости.

— И это всё? Я желаю знать подробности, милая моя.

— Да вы — диктатор, сэр!

Джейсон беззаботно засмеялся, запустив ладонь в растрёпанные ветром волосы, и посмотрел на меня внимательно, изучающе, так, как умел только он, и я жутко смутилась под его пристальным взглядом.

— И в чём же проявляется моя диктатура? — спросил он.

— Вы явно любите командовать и никогда не уступаете, когда дело касается принципа.

Поскольку он всё ещё улыбался, я поняла, что он не обиделся; я надеялась, что он поймёт намёк и скажет мне сам о своём дне рождения. А лучше о том, почему Мэгги Уолш и её семья так его не любят...

Он приблизился ко мне, так что я уже могла ощутить запахи, которые впитала его одежда на стройке, прищурился и лукаво произнёс:

— Исходя из твоих слов, я понимаю, что у нас с тобой много общего.

— Я готова буду уступить вам, в чём только захотите. Я лишь надеюсь, что вы не станете отчитывать меня за своевольную отлучку.

Улыбка тут же исчезла с его лица. Он с подозрением взглянул на меня, будто пытался заставить в чём-то признаться; но меня уже невозможно было смутить сильнее.

В ту же секунду потемневшее небо рассекла молния, и гром грянул с такой силой, что даже лошади кочующего с ярмаркой табора заржали и встали на дыбы. Я и не заметила, как рядом оказались Анри и Лора.

— Приятель, не мог бы ты проводить миссис Смитт к нашему экипажу и отвезти её домой? — обратился Джейсон к своему управляющему, и тот кивнул. — Вы должны извинить меня, леди. Я хочу сам сопроводить Кейтлин домой. Мы возьмём лошадей.

— Только не промокните, мистер Готье. — Лора кокетливо улыбнулась, и меня это странным образом задело. — Рада была повидаться. Мой муж шлёт вам приветы!

Когда Анри увёл её, мы вернулись на конюшню, и всю оставшуюся дорогу до особняка ехали галопом, но беспощадная погода оказалась быстрее нас: пересекая небольшой каменный мост на границе Лейстон-Холл мы попали под моросящий дождь, а едва успели въехать в ворота, как с небес хлынули потоки воды. Даже молодой грум взялся отвести лошадей в стойло с большим рвением, чем следовало бы.

Мы не вошли в дом, а остались под широким навесом наблюдать, как тяжёлые капли ударяются о землю, размягчают почву, превращая её в грязь, и выстукивают собственную, прекрасную мелодию дождя. Вокруг нас витали только запахи мокрого сена и цветов в саду; стемнело рано, и на горизонте виднелась лишь светлая полоска неба — отголосок солнечного дня.

— «Май, отрешась от всех забот несчастных,

Свои права счастливо заберёт...»[1]

Джейсон с самым мечтательным видом посмотрел на опустевший двор и хмыкнул.

— Отчего же у вас такое прекрасное настроение сегодня? — спросила я, сделав шаг к нему. — Меня начинают пугать резкие перемены вашего характера.

— Я рад новостям со стройки, милая, — он с самым довольным видом улыбнулся и утёр со лба пару капель дождя. — Заинтересовал, да? Мою бригаду рабочих сегодня пополнили

двенадцать человек. Так что теперь я надеюсь завершить большую часть работ к концу декабря.

— Насколько я знаю, вы ещё занимаетесь постройкой церкви, — напомнила я.

— Верно. Ею я займусь лично и без всяких перерывов. А с заводом Анри прекрасно справится и самостоятельно!

— Счастлива слышать это.

Я действительно была рада за него, ведь мне стало казаться, что моего мужа уже ничто не осчастливит. Но он обожал свою работу, а эта новость была бы неплохим подарком ко дню рождения.

Когда очередной раскат грома пронёсся по небу, я вздрогнула от неожиданности. Звук был настолько сильный, что стены конюшни затряслись на пару мгновений, а после всё снова стихло.

— Кейт? Ты слышишь меня? — хриплый голос Джейсона заставил меня сосредоточиться на нём. — Ты выглядишь, как школьница, разучивающая урок, когда отвлекаешься.

— Простите меня, сэр, — пробормотала я смущённо. — На самом деле, я хотела спросить вас о чём-то. Миссис Смитт сказала мне, что завтра...

Он вдруг протянул руку, и его пальцы коснулись моих волос, прилипших к виску. Изучающе глядя на меня, Джейсон заправил влажный локон мне за ухо, и я почувствовала знакомую дрожь и лёгкое покалывание в пальцах. Взглядом я умоляла его обнять меня, поцеловать, приласкать так, как он это умел. И когда он произнёс следующие слова, так страстно и томно, что мои колени стали подгибаться, я не поверила своим ушам:

— Больше всего я желал прийти к тебе, каждую из этих ночей, что провёл без тебя. Но я думал, что ты оттолкнёшь меня, затаив обиду.

— Моя обида не настолько крепкая.

Мне не хотелось представлять, как непривлекательно я выглядела в ту минуту: промокшая с ног до головы, со спутанными волосами, бледная и дрожащая. Но меня неумолимо потянуло к нему, к моему мужу, чей голос ласкал слух, и прикосновение чьих длинных пальцев заставляло моё тело пылать. Понимая, как сильно его мужское обаяние, и сила эта сводила меня с ума, я бросилась к нему, обняла за талию и приподнялась на кончиках сапог, чтобы поцеловать.

Его руки крепко обхватили меня, я была прижата к нему и могла свободно дотянуться до его губ, слегка колючих щёк, скул, носа. Будто обезумевшая я целовала его лицо, переместив руки и пряча пальцы во влажных прядях его мягких волос. Его дыхание было тёплым, а губы мягкими и нежными, он даже не сделал попытки раскрыть мой рот языком, а отвечал осторожно, постепенно углубляя поцелуи.

Мне нравилось вести в этот раз, быть настойчивой и жадной, и у меня имелось оправдание: я хотела его, он был мне нужен, потому что...

Нет. Нет, только не сейчас! Это невозможно... Слишком рано для такого признания, я могу ошибаться... и я ошибаюсь... А если нет? Неужели так скоро?

Когда я обмякла в его объятьях, Джейсон взял моё лицо в ладони и впился долгим поцелуем в мои губы; он почти терзал их, и я слышала, как он тихо стонал мне в рот, затем снова прижимался ко мне. Я вцепилась пальцами в лацканы его пиджака, чтобы удержаться, и вдруг почувствовала сквозь все эти слои ткани его твёрдую плоть напротив своего живота.

Я отстранилась, в изумлении воззрившись на мужа, а когда он открыл глаза и

отдышался, всё ещё обнимая меня, то сказал:

— Прости, моя милая, но такое ещё труднее скрыть. Давай поскорее отправимся домой, где я смогу спокойно показать тебе, что у меня там... в кармане. Или ты предпочитаешь мокрое сено и запах помёта?

Я прыснула со смеху, но постаралась тут же взять себя в руки. Джейсон изящно утёр уголки губ большим пальцем, затем снял свой пиджак и закутал меня в него, укрыв с головой. Не успела я что-то сказать, как он подхватил меня на руки, вышел из конюшни и широким шагом направился к дому.

В гостиной миссис Фрай окинула нас недовольным взглядом и с отчаянным вздохом покачала головой, когда Джейсон принялся скидывать мокрую одежду прямо у порога.

— Ей Богу, сэр! Вы порой ведёте себя, как неряшливый ребёнок, — отчитала экономка его, когда грязные ботинки упали едва ли не рядом с пиджаком. — Почему бы не взять пример с мадам и не снять одежду аккуратно. Вот, именно так. Спасибо, мадам.

С трудом скрывая улыбку, я подала ей куртку и шейный платок. Джейсон проигнорировал её недовольство и наигранным повелительным тоном приказал:

— Нагрейте воду для моей жены, миссис Фрай. Она продрогла и вот-вот свалится с ног.

Не успела я возразить, как он беспечно махнул экономке и убежал по лестнице наверх. Очарованная воспоминаниями о его улыбке... и поцелуях, я не сразу пришла в себя, а лишь когда экономка позвала меня по имени.

— Он сегодня просто сияет, — сказала она. — Надеюсь, это надолго.

— Миссис Фрай, не могли бы вы подсказать мне, что у нас запланировано на завтрашний праздничный ужин? — поинтересовалась я. — Я бы хотела знать точно, какое меню составлено...

Женщина посмотрела на меня с искренним негодованием; она бездумно мотнула головой и спросила:

— Праздничный ужин, мадам? Но в честь чего?

— А день рождения вашего мастера? — напомнила я, ощущая, как растёт во мне недовольство. — Или вы скажете мне, что не знали о нём? Никогда не поверю.

— Но мадам, мастер не отмечает его... больше не отмечает. Мы думали, он вам всё рассказал.

— Что он должен был мне рассказать? — тихо спросила я, боясь повысить тон.

И когда она приблизилась, её глаза загорелись, и она в самой заговорческой манере прошептала, глядя мне в лицо:

— Я не знаю, могу ли говорить об этом, если мистер Готье сам не решился. Но дабы вы имели представление о причинах его нежелания праздновать... Что ж, несколько лет назад умер человек, который был дорог мастеру. Очень дорог. Понимаете?

Я просто кивнула, покосившись на балкон второго этажа.

— И умер он именно в этот самый день. В день рождения хозяина. Представляете, какой это был удар для него? Немыслимое роковое совпадение! И с тех пор он и слышать не желает о празднике. Для него этот день навсегда остался днём скорби и траура. А теперь простите меня, мне нужно наполнить вам ванну.

Она удалилась, распрямив плечи и сделав вид, будто ничего не произошло. А мне показалось, словно земля ушла из-под ног, настолько эта новость подействовала на меня. Всё ещё оставались вопросы, но одно было ясно: Джейсон действительно перенёс серьёзную, горькую потерю в день, когда ему следовало бы радоваться.

Уже позже, лёжа в ванне с горячей водой, в которой Анаис разбавила морскую соль, я размышляла о том, что любые мои попытки сделать завтрашний день немного светлее, возможно, потерпят неудачу. Хуже было бы, если б я самостоятельно приготовила какой-нибудь подарок, а Джейсон, расстроенный и униженный, разозлился.

Решив впредь не пересекать недозволенные границы, я постаралась расслабиться... Но отчего-то это у меня получалось хуже всего. Терзавшие мои мысли вопросы не давали покоя.

Затемнённое, прямоугольное окошко маленькой ванной комнаты содрогнулось от грома снаружи, а я понемногу задремала под звуки грозы. Но внезапно кто-то дёрнул ручку двери, распахнул её, и я подскочила от неожиданности, чуть не расплескав воду на мраморный пол.

Джейсон переступил порог, решительно закрыл за собой дверь на защёлку и обернулся ко мне. Я уставилась на его тёмно-бардовый халат с расшитыми золотыми нитками рукавами, затем на босые ступни и непроизвольно сглотнула.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я не своим голосом, поскольку он действительно застал меня врасплох. — Я думала, мы... Я просто ещё не готова.

Не говоря ни слова, он медленно развязал пояс халата, бросил его на пол, и я, замороженная открывшимся зрелищем, наблюдала, как он плавным движением скинул халат с плеч и подошёл ближе. Я боялась даже взглянуть ему в лицо... Но это и так было довольно непросто сделать, поскольку всё моё внимание было приковано к его восставшему мужскому органу. Я была уверена, что жутко покраснелась со стыда, но всё было не так, как раньше: теперь было слишком светло, и никакой постели рядом, и одеял с подушками.

Съёжившись у одного конца ванны, я подтянула колени к груди; Джейсон забрался внутрь, опираясь о края ванны, и тогда наши глаза оказались на одном уровне. Он глядел на меня без всякой застенчивости или стыда, улыбался и постукивал указательным пальцем по борту ванны.

— У тебя совести нет, — выдохнула я хрипло, глядя ему в глаза.

— Возможно. Но первым кончилось моё терпение, — сказал он, затем вдруг обмакнул ладонь в воду и провёл рукой по влажной шее и груди. — Здесь весьма неплохо...

— Что ты задумал? — вопрос лишь сорвался с моих уст, а Джейсон уже знал, как ответить.

Он поманил меня к себе, и мне не осталось ничего, кроме как подчиниться: осторожно, чтобы не выплеснуть лишней воды, я подтянулась к мужу и оказалась с ним лицом к лицу, лежащей между его разведённых в стороны коленей. Его руки сомкнулись вокруг меня, помогая устроиться удобней, и я прижалась спиной к его влажной груди, вытянула ноги и откинула голову назад.

И снова его невероятные пальцы завладели моим телом, лаская так, как оно того желало. Пока эти пальцы нежно массируют мои груди, Джейсон целовал меня в висок или слегка прикусывал мочку уха.

— Знаешь ли ты, какая ты мягкая, нежная и сладкая? — слушала я его голос, обволакивающий меня, как приятный дым. — Будь моей, Кейт.

— Но я и так твоя, — пробормотала я, расслабленная от его ласки.

Он снова поцеловал меня куда-то в макушку, затем вдруг подтянул к себе, бесцеремонно и резко направляя меня и моё тело, и мне пришлось вновь повернуться. Но когда я оказалась сидящей на нём, на его бёдрах, а он посмотрел на меня с вожделием, я всё поняла.

— Это не больно, уверяю тебя, — прошептал он, водя рукой по моей спине и ягодицам, вниз-вверх. — Я помогу. Теперь ты управляй, Кейт.

Мне показалось, что я вновь ослышалась, но он ждал, когда я возьму инициативу в свои руки. Но я вдруг почувствовала себя жутко неловко, потому что это было чем-то неизвестным для меня, новым, и я боялась, что сделаю всё неправильно.

— Джейсон, я не знаю... Может быть, не стоит? — я попыталась отстраниться, но он просто остановил меня, сжав своими большими ладонями мои ягодицы. — Мне кажется, я не смогу, и тебе не понравится.

— Единственное, что мне не нравится, это что я до сих пор не в тебе, — прошептал он в дюйме от моих губ и быстро поцеловал. — Об остальном не волнуйся. А теперь... приподнимись, моя милая.

Он очень крепко держал меня за талию, и, когда я сделала, как он просил, резко опустил на себя. Боже, это случилось так быстро... Я тихо вскрикнула, потому что его плоть полностью оказалась во мне, и я чувствовала каждое его движение так остро, что внезапное наслаждение вскружило мне голову, и я обхватила шею мужа руками, уткнувшись лицом в его горячую, влажную кожу на плече.

Джейсон горячо прошептал что-то на французском, и это прозвучало настолько интимно и прекрасно, что я не сумела сдержать стон, непроизвольно дёрнулась и откинула голову назад, а он почти зарычал, когда я попыталась двигаться самостоятельно.

Я потерялась в собственном наслаждении и мне было всё равно, как громко я кричала, и как много воды мы разлили на пол. Когда он поцеловал меня в последний миг и прижался грудью к моей груди, у меня потемнело в глазах...

Уже позже, через полчаса или час, мы лежали в его постели и засыпали под звуки дождя. И впервые за долгое время мне было так тепло и хорошо, я чувствовала себя в безопасности, почти счастливой... или я просто не желала признаться, что была по-настоящему счастлива?

Что ж, по крайней мере, сильные руки прижимали меня к крепкому, горячему телу, и моя ладонь лежала на груди мужа, там, где билось его сердце. Мирно и спокойно. И я слушала его дыхание, время от времени поднимая глаза, чтобы посмотреть на его лицо. Казалось, что удовлетворённый и расслабленный он стал ещё красивее.

Улыбаясь самой себе, я медленно скользнула ладонью под одеяло, и Джейсон тяжело вздохнул, когда мои пальцы дотронулись до его бедра.

— Подожди ещё несколько минут, милая, — пробормотал он сонно. — Дай мне набраться сил.

— Я и не настаиваю больше... сегодня, — я захихикала и поцеловала его в ключицу. — Скажи мне, что ты любишь?

— Что, прости?

— Ну, всё, что тебе нравится. Что привлекает тебя, — я очень надеялась, что он сам не упомянет о предстоящем дне; я всё-таки решила на какой-нибудь презент, который не задел бы его и не обидел. — Ну, что же? Видишь ли, я так мало знаю о тебе, только о твоей работе и брате...

— Мне льстит, что ты стремишься познать всего меня.

Он вдруг повернулся на бок, придвинулся и посмотрел на меня ясными глазами; его пальцы нежно гладили мою щёку, пока я кусала губы и любовалась его беспечным выражением лица.

— Мне нравишься ты, — сказал он, как мне показалось, чересчур серьёзно, но я не обратила внимание.

— Я имела в виду безделушки или книги, или, может быть, картины...

— С тобой совершенно неинтересно говорить, когда ты без одежды! Пока ты выставляешь перед моим взором свои прелести, я не могу думать о чём-либо ещё...

Я ожидала, что он поцелует меня, но вместо этого он принялся щекотать меня, и делал это с огромным рвением. Так что через пару минут доведённая до слёз от смеха я готова была успокоиться и задать ему тот же вопрос снова, но именно тогда Джейсон приподнялся надо мной, откинув край одеяла, и я снова забылась и потерялась в мире, который он мне открыл.

Он заснул первым: лёжа на спине и повернувшись ко мне. А я, подперев голову рукой и глядя в его спокойное лицо, едва слышно произнесла:

— С днём рождения тебя, муж.

Примечание к части

[1] Джон Китс, сонет.

Пер. — Григорий Кружков.

Я как раз стояла на балконе своей спальни, когда Джейсон появился в саду, сопровождаемый пожилым мужчиной, главным садовником. Плавнo жестикулируя и показывая то на живую изгородь, то на ряд цветущих кустов, мой муж объяснял что-то собеседнику, и тот понимающе кивал в ответ.

После ночного дождя на небе не осталось ни облачка, и солнце светило очень ярко. Смахнув с перил оставшиеся капли, я снова взглянула вниз, и именно в тот момент Джейсон поднял голову и, увидев меня, помахал рукой. Он ничем не показывал, что этот день собирался быть особенным. Даже рано утром, когда я медленно пробуждалась, он остался в постели и долго целовал меня, но не более. А после я сама стала отвечать, причём, требовательно и с жаждой, тогда он засмеялся и быстро завершил начатое, так что я едва уловила момент, когда он вошёл в меня, до того я была уже подготовлена...

Воспоминания об этом заставили меня покраснеть, и я поспешила вернуться в комнату, где пристальный, соблазняющий взгляд этого мужчины не стал бы меня преследовать. Улыбаясь просто так, я подумала: а не сошла ли я с ума? Всего пару месяцев назад моим счастьем были хорошие книги и мечта попасть в Кардифф. Несколько недель назад мне была отвратительна сама мысль о том, что человек, которого я совершенно не знаю, увезёт меня из дома и станет предъявлять права на моё тело...

Теперь же, стоило мне подумать о Джейсоне, и я не могла сдержать улыбки, появлялось желание срочно увидеть его и обнять. Он был красив, остроумен, а в постели настойчив и нежен. Я вдруг вспомнила, как сестра оправдывала влюблённость к своему молодому солдату, и поняла, что она чувствовала.

Уж не влюбилась ли я по-настоящему?

Ведь даже после физической близости внезапно возникшая во мне нежность к мужу никуда не исчезала, а наоборот, становилась сильнее. Так не ошибалась ли я?

При мысли о том, что моя любовь обнаружилась так внезапно, становилось по-странному приятно и грустно. Мне казалось, что такой мужчина, как мой муж, не примет все эти романтические бредни неопытной девушки и уж точно не ответит мне взаимностью.

Спускаясь к завтраку, я решила оставить вопрос о любви на потом и подумать о том, как мягко намекнуть супругу о его дне рождения. Подходящего подарка я так и не приготовила, поэтому волновалась и нервничала. Поскольку Джейсон не пришёл на завтрак, у меня было достаточно времени подумать. И вот тогда я вспомнила о старых нотных листах, которые обнаружила ещё по приезде в Лейстон-Холл. Больше всего мне понравилась музыка неизвестного автора, а именно одна немецкая колыбельная, короткая, но очень нежная. [1]

Я до сих пор играла неважно, хотя и очень старалась. Решившись, наконец, я прошла в гостиную, к спинету, опробовала инструмент и, когда начала играть, так увлеклась мелодией и текстом колыбельной, что даже не заметила подошедшую сзади экономку. Пела я значительно громче, чем звучала музыка, и я надеялась, что моя посредственная игра осталась незамеченной.

Прозвучали тихие аплодисменты, я обернулась и увидела Джейсона и миссис Фрай. Супруг улыбался, сложив руки на груди, затем попросил экономку оставить нас одних.

Когда он сел рядом, его ладонь опустилась на мои пальцы, которые я всё ещё держала на клавишах, и этот жест, исполненный нежности, сподвиг меня на откровение.

— Тебе понравилось, как я пела?

— Очень понравилось, — сказал он тихо, улыбаясь уголками губ. — У тебя чудесный голос, моя милая. Мне... мне особенно понравилось слушать его прошлой ночью.

— Не смей смущать меня! У меня к тебе очень серьёзная просьба.

— Да, ты весьма серьёзно настроена.

Улыбаться он перестал, и вдруг напомнил мне обиженного мальчишку, приготовившегося к тому, что его вот-вот отчитают. Возможно, он уже знал, что я собиралась задеть какую-то особую струну в его душе, поэтому так посерьёзnel и помрачнел.

Но отступать я не намеревалась. Так что, собравшись с духом, выпалила быстро от страха быть прерванной:

— Я знаю, что у тебя сегодня день рождения, и ещё знаю причину, по которой ты его не празднуешь! Не спрашивай, кто мне рассказал, это не важно. Дорогой для тебя человек умер в этот день, и я очень-очень сожалею! Если бы можно было выразить то, как мне жаль, что такое случилось с тобой, то я бы придумала способ получше, чем песня. Но мне показалось, что так я не обижу тебя. Прости, что снова полезла не в своё дело.

Замолчав, я искоса посмотрела на мужа, боясь увидеть в его взгляде гнев. Но он даже не смотрел на меня. Какое-то время он сидел, ссутулившись и низко опустив голову, а когда заговорил, голос его потерял былую мягкость и ту притягательную красоту, которую я любила:

— Я не сержусь, и мне не за что прощать тебя. Видимо, пришло время кое-что тебе показать. Это стоило сделать гораздо раньше. Пойдём.

Он подал мне руку и повёл за собой через коридор и маленькое помещение перед кухней, откуда дверь вела прямо в наш большой сад. Пару минут мы шли молча вдоль широкой живой изгороди; подол моего простого бледно-жёлтого платья намок от росы, и пришлось чуть приподнять его, чтобы не запутаться и не споткнуться.

Обычно я никогда не прогуливалась так далеко, в глубину сада, и понятия не имела, что здесь находился своеобразный природный купол из широких ветвей деревьев. Листва почти не пропускала солнечный свет. Мы остановились перед невысокой яблоней, и, только обойдя её, я заметила постамент из белого мрамора и такого же мраморного ангела, сложившего руки в молитве, а крыльями укрывшего себя с обеих сторон.

Ничего не понимая, я смотрела, как мой муж медленно подходит к этому неизвестному мне мемориалу, опускается на колени, не волнуясь, что его дорогие брюки будут испачканы травой, и, перекрестившись, тяжело вздыхает.

И после этого единственного вздоха я почувствовала, как моё сердце сжалось. Я стояла там, уставясь на ангела, и ждала, когда Джейсон мне всё объяснит. И он заговорил:

— Стоило объяснить тебе всё и сразу, Кейт, — произнёс он тихо, не поднимая головы, — но меня останавливал страх. Страх перед непониманием и осуждением... А ведь я столько их пережил за эти годы! Ты бы сочла меня и мою жизнь до тебя пустышкой. Она и была пустышкой. Это как дыра, которая всасывает в себя всё то хорошее, что ни попадётся у неё на пути.

Когда он вдруг остановился и тряхнул головой, будто отгоняя неприятные мысли, я затаила дыхание. Джейсон протянул руку и погладил мрамор, цепляясь пальцами за все трещинки и неровности.

— Семь лет назад Мэгги всё-таки забеременела. И я был счастлив, как дурак. Счастливи

настолько, что перестал замечать её стервозный характер, её насмешки и капризы. Казалось даже, что за те несколько месяцев Мэгги притихла, стала непохожей на себя. И бывали дни, когда я мог коснуться её живота, где ждал появления на свет мой первенец, и улыбнуться. Она тоже улыбалась...

Я смотрела на его склонённую голову и пыталась примирить внезапное ощущение страха и горечи, возникшее в моём сознании. Его слова медленно, но верно, порождали образы в мыслях, и я содрогнулась, поняв наконец, кто умер семь лет назад.

— Это случилось до положенного срока. Он родился очень маленьким, он даже не успел открыть глаза и увидеть меня, — он говорил, едва шевеля губами, и смотрел, не отрываясь, на ангела над его головой. — Когда я взял его на руки, он уже не дышал. И только спустя много часов я вспомнил, что в тот день родился я сам.

Джейсон казался мне таким уязвимым, таким слабым для своей тяжёлой ноши из прошлого, что мне захотелось непременно защитить его, заслонить от этой боли, которая до сих пор терзала его душу. И его голос, звучавший так, будто раздавался он из тёмной бездны, заставил меня пасть на колени рядом; я нерешительно обняла Джейсона за плечи, боясь любой его реакции.

Но он просто накрыл холодной ладонью мою руку и сказал:

— А знаешь, какова была реакция Мэгги на его смерть? Никакая! Она так измучилась ранними родами, была так озлоблена и оскорблена тем, что этот человечек едва её не убил, что, увидев его на моих руках, прошипела: «Убери его! Избавься, я не хочу к нему притрагиваться!»

Потрясённая его словами, я закрыла ладонью рот, чувствуя, как слёзы застилают глаза, и больше не могла держаться. Представляя, какую боль может перенести отец, услышавший такое от матери своего дитя, я поёжилась. Слёзы потекли по моим щекам, когда я взглянула на мраморного ангела.

Этому ребёнку было бы уже семь лет! Он мог бы играть в этом саду, и я могла бы знать его, могла бы!

Раздираемая нахлынувшими эмоциями, я прижалась щекой к плечу мужа и сказала:

— Мне так жаль, так жаль! Прости, что заставила тебя вновь это вспомнить... Но ты зря не рассказал мне сразу. Ты ведь не виноват. Что бы ты ни думал, ты не виноват. Ты был бы замечательным отцом... Ты им будешь. У тебя будут прекрасные дети!

Он крепко обнял меня правой рукой, и мы просидели вот так, на коленях, перед могилкой ребёнка, который никогда не видел этого прекрасного места, несколько долгих минут. Здесь было тепло, под тенью листвы, и спокойно.

Я заверила Джейсона, что он не должен забывать ни о своём сыне, ни о собственном дне рождения, потому что это знак их связи. Связи, которую никто бы не разорвал. Даже смерть.

В тот день я снова убедилась, насколько ранимым он оказался, и его сердце на самом деле было исполнено любви и нежности. А Мэгги Уолш казалась мне бессердечной, самолюбивой женщиной.

Когда мы вернулись в дом, Джейсон сел за спинет и сыграл несколько красивейших мелодий. Я наблюдала, как его длинные пальцы пробегают по клавишам, ловко, искусно, и ловила себя на мысли, что оказалась в нужном месте, в нужное время.

Кто же ещё впустит солнце в его тёмный мир и докажет, что любовь бывает искренней и чистой?

В тот же вечер, когда часы в гостиной уже пробили одиннадцать, я сидела перед зеркалом в своей спальне и, думая о том откровении, на которое решился Джейсон, на десятый раз водила расчёской по волосам. Меня тронула эта трагедия, и никак иначе эту историю я бы не назвала. Однако, больше всего меня возмущала Мэгги и её мерзкое поведение семь лет назад.

Должно быть, у них с Джейсоном действительно были отвратительные отношения, раз она отказалась даже взглянуть на их ребёнка.

Я подумала о том, что сделала бы я на её месте. И ужаснулась. Нет, нет, мои дети точно не погибнут, я просто не позволю! А если всё же... Я скорее сама умру, чем откажусь поддержать сына в последний раз.

День прошёл тихо, прислуга занималась своими делами, и супруг работал до поздна в своём кабинете. За ужином он пытался улыбаться, я замечала, как он смотрел на меня время от времени: с нежной благодарностью, возможно, за то, что я выслушала его и поняла.

Но я была уверена в том, что его доверие оставалось шатким, неокрепшим, поэтому боль от воспоминаний нет-нет, да и сжимала его сердце; я видела это в каждом его жесте, движении рук и в каждом взгляде. И ничего не могла поделать, только улыбаться в ответ, чтобы он понимал, как я сожалею.

Отложив расчёску в сторону, я взглянула на своё отражение, больше довольная тем, что видела, чем раньше, приснула немного духов на запястье и поправила ворот ночной сорочки. Я никак не могла, да и не хотела, избавляться от этого скромного одеяния, которое делало меня похожей на школьницу. Но косы, по крайней мере, я больше не заплетала. Что-то подсказывало мне, что взрослый мужчина не захочет видеть такую наивную по своему виду девицу в своей постели.

Когда я вышла в пустой коридор, закрыв за собой дверь, то не услышала ни звука. Прошла к спальне Джейсона и осторожно постучала. Поскольку даже через минуту никто мне не ответил, а босиком стоять посреди коридора было довольно прохладно, я всё-таки вошла в комнату.

Естественно, я поспешила взглянуть на кровать, где и увидела своего мужа; Джейсон лежал на животе, приобняв рукой подушку. Одеяло скрывало его только до поясицы, так что в полутьме я могла разглядеть его широкую спину и слегка растрёпанные волосы, которые казались не такими тёмными в свете пляшущих в камине языков пламени.

Он спал, и я с трудом подавила желание позвать его или забраться к нему под одеяло и ласкать, пока он не забыл бы все свои печали. Подойдя ближе, я увидела на столике недопитое красное вино в бокале. Похоже, наш разговор всё же оставил в его душе стойкий след. Но по его мерному дыханию и ровному цвету лица я поняла, что он вовсе не напился.

Протянув руку, я намеревалась коснуться обнажённого плеча Джейсона, но едва мои пальцы дотронулись до гладкой, загорелой кожи, а я уже ощутила, как она полыхала. Я могла узнать этот дикий жар из десятка иных симптомов, потому что Коллет тоже когда-то болела так. Теперь мой муж горел в лихорадочном жару.

Сама мысль о том, что он мог заболеть, не укладывалась у меня в голове. Но я вспомнила, как мы ехали с ярмарки, попав под дождь, и потом он отдал мне свой пиджак...

Встав на колени рядом с кроватью, я стала судорожно трогать его лоб, и он оказался невероятно горячим и влажным. Его плечи и спина тоже были покрыты испариной, а дыхание стало редким, тяжёлым. Я попыталась растормошить Джейсона, но добилась лишь

того, что он глубоко вздохнул во сне и поморщился. Сомнений не оставалось, он был болен.

— Джейсон! Джейсон! — звала я его, тряся за плечо. — Проснись же, скажи хоть слово!

Когда он, наконец, отреагировал, я не смогла сдержать улыбки, потому что не было ничего приятней, чем осознавать, что он находился в сознании.

— Mon Dieu... что ты делаешь? — пробурчал он недовольно; говорил он в подушку, поэтому я едва могла понять его. — Я хочу... спать...

— Нет! Нельзя сейчас спать, понимаешь?

Я с трудом перевернула мужа на спину, затем укрыла одеялом и села рядом, положив ладонь ему на лоб.

— Ты весь горишь! Это ужасно! Почему ты не сказал, что плохо себя чувствуешь? Ты бы так и пролежал здесь, без помощи, без лекарств...

Джейсон снова что-то промычал, почти не шевеля губами, так что я решила тут же действовать. Было поздно посылать за доктором в город, но я попросила экономку разбудить кого-нибудь из слуг. Вспоминая горький опыт с Коллет и её болезнью, я старательно пыталась сбить жар холодными компрессами. Джейсон не бредил, не сопротивлялся. Он вообще ничего не говорил, и это всё больше пугало меня.

Через полчаса весь дом не спал, и я слушала, как в коридоре, за дверью, суетятся слуги. Миссис Фрай, бледная, похожая призрак в своём чепчике и белом халате, приносила свежий, горячий чай, запах которого у меня самой вызывал головокружение.

Прошёл час, и лишь тогда мы смогли разбудить его и заставить выпить этот дурно пахнущий чай; к моему удивлению, он помог. По крайней мере, жар ослаб, зато вскоре Джейсон стал часто и долго кашлять. Это был мокрый кашель, очень сильный, и мне приходилось держать супруга за руку или поддерживать за плечи.

К четырём утра нам стало понятно, что беда миновала: мой муж очнулся, снова выпил горячий чай, а затем попросил опиума. Оказывается, в его кабинете можно было найти даже кое-какие медицинские принадлежности. Когда я с самым озадаченным видом наблюдала, как Джейсон самостоятельно вводит в руку этот наркотик с помощью шприца, он пожал плечами и сказал упавшим голосом:

— Я не вынесу, если моя голова и дальше будет так гудеть. Но я не зависим, Кейт. Ты мне веришь?

Я кивнула, потому что на самом деле верила ему. И когда он снова заснул, немного бледный и уставший, но поборовший внезапный жар, я подтянула поближе к постели кресло, забралась в него с ногами и стала наблюдать за спящим мужем ещё некоторое время, пока сон не сморил меня.

Разбудил нас целый гул голосов, причём, самых разнообразных, и доносился он из гостиной. Я отчётливо различила несколько детских голосов, затерявшийся среди них женский и так же незнакомый мне мужской голос — низкий, строгий и весьма недовольный.

Чьи-то быстрые, тяжёлые шаги послышались на лестнице, затем совсем близко, за дверью, и, когда она распахнулась, в спальню вошёл мужчина средних лет: невысокий, но крепкий и хорошо одетый.

— Вы кто вообще такой? — резко бросила я на подобное бесцеремонное вторжение.

— Это кто я такой? — хмыкнул он. — Я, мадам, брат этого несчастного. И в отличие от вас я знаю персону, на которую смотрю.

— Эдди!

Я обернулась к мужу и увидела, как он еле-еле приподнимается на постели. С непонятным мне вымученным выражением на лице он взглянул на вошедшего брюнета, а когда тот подошёл ещё ближе и протянул ему руку, пожал её.

— Надеюсь, что это не мой опиумный бред... Здравствуй, брат.

Примечание к части

[1] Jessica Curry — Dieses Herz

В эту минуту внезапного неловкого молчания в спальню вбежали двое мальчишек, которых я смогла рассмотреть, лишь когда они с присущей им детской наглостью забрались на кровать и сели по обеим сторонам от Джейсона, натянувшего на себя одеяло.

— Дядя Джей, дядя Джей! С днём рождения! А-а-а! Ты заболел? Нам сказали, что ты заболел! — заговорили они наперебой идентичными голосами. — Когда же мы поедем кататься? Помнишь, ты обещал нам показать утёс на западе?

— Помню. А вы хорошо себя вели с нашей последней встречи?

— Конечно! Спроси у папы! — весело убеждали они его. — Мы хотим кататься верхом! А ты научишь нас водить авто? Папа не разрешает нам трогать его машину! Мы так устали плыть на том дурацком корабле...

Пару минут они без остановки тараторили, представляя целый список развлечений, а супруг слушал с неподдельным интересом, приобняв их за плечи. Оба мальчика были одеты в одинаковые костюмчики, и я немного удивилась, убедившись, что они были близнецами: те же тёмные волосы, большие карие глаза, аккуратные симпатичные носики и ни на секунду не закрывающиеся рты.

— Всё, маленькие черти! Идите-ка спать, — строго произнёс их отец. — Оставьте дядю в покое до вечера.

— Нет! Не-е-ет! Я ещё не показал свой последний шрам! Смотри, дядя Джей! — мальчик с кудрявыми волосами вытянул и обнажил руку до локтя. — Правда страшный? Меня цапнул соседский пёс!

— Не надо было дёргать его за уши, — проворчал Эдвард.

Джейсон улыбался, обнимая племянников. Я смотрела на его склонённую голову, слегка растрёпанные волосы и голые плечи, и не могла оторвать от него взгляда. Он был так красив, хотя и не делал для этого ничего необычного, и так счастлив, что я даже немного позавидовала этим детям, которые за несколько минут вывели его из болезненного состояния.

— Так, марш отсюда! Не то куда не выйдете из дома! — строгий отец успел раздать мальчишкам подзатыльники прежде, чем они убежали, неистово смеясь.

— Кто научил их подобной отвратительной привычке — называть меня этим ужасным сокращённым именем? — спросил Джейсон у брата, и тот неопределённо пожал плечами.

— Ты же знаешь американскую культуру. Они родились там, и, поверь мне, сокращают всё, что можно сократить. Ты привыкнешь... Вы в порядке, мадам?

Я уже не ждала, что они вспомнят о моём присутствии; Эдвард обратился ко мне, и я кивнула. Поскольку мы оба видели, что Джейсон ещё не окреп и явно хотел спать, то решили оставить его в покое. Эдвард пропустил меня вперёд, но из коридора я успела расслышать, как муж окликнул брата и с настойчивостью и тревогой сказал:

— Эдди, пожалуйста... Будь избирателен в словах. Я тебя прошу.

Чуть позже, когда мы убедились, что все дети и супруга Эдварда улеглись спать в наскоро подготовленных апартаментах, деверь проводил меня в гостиную, которую уже заполнил свет первых солнечных лучей.

Эдвард стоял, оперевшись о каминную полку, разглядывал меня и нетерпеливо постукивал указательным пальцем по стеклянному бокалу с бренди. Видимо, пить с утра

пораньше у них, в Америке, дикостью не считалось.

Я добросовестно пыталась найти в его ничем не примечательной внешности малейшее сходство с братом, но не могла. Волосы у него были намного светлее, коротко стриженные; тёмные глаза казались чёрными, когда он сосредотачивался; мускулистая фигура с лихвой компенсировала невысокий рост и заметную сутулость.

Мы молчали долго, и его пристальный взгляд начинал меня раздражать; именно в тот момент я поняла, что не понравилась ему с первой же секунды. Почему я была так в этом убеждена? Не знаю. Но чем дольше мы находились наедине, тем сильнее я понимала, что неприязнь эта взаимна.

Я заёрзала в своём кресле из-за неудобной, неподвижной позы, а затем всё же решилась спросить:

— Почему вы приехали без предупреждения? Я даже не знаю, что и думать.

— Хотели сделать сюрприз, — ответил он, как мне показалось, слишком угрюмо. — По большей части, то была идея моей жены. Она любит ситуации подобного рода. К тому же, так она решила свести нас с Джейсоном снова. Не прогонит он нас в первый же день, ещё и с детьми? Ха!

— А вы конфликтовали с ним?

— Да.

— Как такое возможно? — удивилась я. — Вы живёте на другом континенте! И всё-таки успели поругаться.

— Это произошло из-за его бывшей жены, Мэгги, — ответил он и сделал очередной глоток бренди. — Вообще-то, это мы с ней не поладили. А братец не смог выбрать чью-то сторону. И мы уехали на четыре года.

— Понятно.

Мне не нравилось его внезапное раздражение из-за меня, я считала это несправедливой участью. Да разве я сделала что-то плохое? Но мистер Эдвард из Америки был холоден, и последующий разговор с ним дался мне тяжелее, чем можно было бы представить.

— Знаете, а я был просто поражён, когда Джейсон написал мне, что снова женился.

Догадываясь о причине его столь яростного удивления, я даже не нашла, что сказать на такое.

— Я был готов к чему угодно, но только не к подобной новости.

— Может быть, вы мне объясните всю ситуацию? — сдержанно спросила я.

Он помолчал, недолго глядя в окно, потом заговорил, не оборачиваясь в мою сторону; пока говорил, медленно гладил пальцами поверхность бокала:

— У нас с дедом всегда были непростые отношения. Он не разделял мой образ жизни в юности. Видимо, ещё тогда считал, что из меня не получится достойного его персоны отпрыска. А вот Джейсон оправдывал все его ожидания. Так что, когда не стало родителей, и нам пришлось переехать в дом деда, всё стало ещё хуже.

— Но вы же были его внуком! — не удержалась я от реплики. — Как он мог относиться к вам плохо?

— Ну, скажем так, он не относился. Никак. Ему было всё равно. Он даже не вписал меня в завещание! Старый маразматик!.. Я уехал, когда понял, что больше не мог подчиняться его диктаторским замашкам...

Вот откуда у младшего Готье время от времени проскальзывает властность, подумала я тогда.

— ... А потом я встретил Дженни. И решил не возвращаться в Англию. Но когда получил сообщение о том, что брат женился на женщине, старше него на одиннадцать лет, тут же собрался и приехал. Мне стало интересно, что это за дама, которая так быстро завладела умом Джейсона. Я встретил её только после свадьбы, которую пропустил, и всё понял.

— Поняли что? — спросила я.

Я чувствовала: он знает что-то, возможно, именно тот секрет, который мой муж так яростно оберегает, хранит в ящике своего стола и не желает показать.

— Понял, что она стерва! — рявкнул он и дёрнулся, едва не расплескав бренди. — Она умела окрутить любого мужчину от пятнадцати и старше. И Джейсон купился на её манеры и внешние данные. О, нет, он не любил её, если вы меня спросите, нет! Он просто был слишком наивным и юным, и она заманила его в свои сети и заставила жениться. Но на меня её кокетство и притворство не действовали. На меня и на деда. Это был единственный случай, когда нас хоть что-то связывало.

Он замолчал и стал пить, небольшими глотками осушая бокал. А я обдумывала всё, что он сказал. Значит, семья выбор Джейсона не одобрила. Ха! Неудивительно! А я вдруг представила юношу двадцати лет, беззаботного и красивого студента и гордость своего строгого деда; и этот милый юноша был втянут в непонятную ему игру более опытных и коварных людей, таких как Мэгги Уолш, и это сломало его.

И, будто в подтверждение моих мыслей, Эдвард снова заговорил:

— Только дурак не увидел бы разницы между тем Джейсоном, которого мы знали до Мэгги, и тем, кем он стал из-за неё. Я видел, как он закрывался от нас, меня и деда, и даже от наших бывших приятелей. Я знал, что он плохо спал, ел мало и всё больше работал над новыми чертежами у себя в кабинете.

— Вы пытались поговорить с ним? — спросила я, наконец.

— Конечно! Но это ничего не дало. Он то и дело твердил, что ему нравится Мэгги, и что они счастливы. Но я всё видел... Как она разгуливала по увеселительным заведениям в городе в компании брата и его друзей. Одна уезжала в Лондон! Одна посещала приёмы и ужины у соседей! В общем, жила неплохо за счёт Джейсона и деда.

Эдвард устало потёр покрасневшие глаза, и я вслед за этим заметила, что начала зевать. Я хотела вернуться в комнату мужа и провести его, но чувствовала, что моему новоиспечённому родственнику было, что сказать.

— Я пытался даже Мэгги запугать. Просил объяснить, почему Джейсон так поплохел. Но она улыбалась в своей излюбленной змеиной манере и молчала... Потом умер дед, брат унаследовал его сбережения и дома, и мне не оставалось ничего, только уехать.

— Вы бросили его? Как вы могли?

Резким движением он поставил пустой бокал на полку над камином, подошёл ко мне со всей решимостью и опустился передо мной, положив руки на подлокотники кресла; тёмные, глубокие глаза пугали меня, казалось, что он готов был меня оскорбить, но он только произнёс:

— Я знаю, что я не самый лучший старший брат, мадам, — голос его звучал угрожающе. — Я признаю, что совершал ошибки. Но на этот раз я буду внимательнее. Я не спущу глаз ни с вас, ни со своего брата. И я увижу, что вы из себя представляете, что вы делаете с ним и как влияете на него. Пусть снаружи вы маленькая и безобидная, но это всего лишь внешние качества.

Потом он, с важным видом джентльмена, поднялся, поправил пиджак и уже спокойнее сказал:

— Спасибо за беседу. Не смею больше вас задерживать.

И просто покинул гостиную. А я ещё несколько минут сидела неподвижно в кресле, пытаюсь осознать всё, что он сказал. Чувствовала ли я себя оскорблённой? Немного. Возмущена ли была? В какой-то степени, да. Однако, в глубине души понимала, что Эдвард просто пытался защитить брата.

Видимо, Джейсон сказал ему, как состоялась наша помолвка. В таком случае, я действительно выглядела несколько не в лучшем свете в глазах старшего брата. Если Эдвард знал, что Джейсон хотел жениться на Коллет, а мы обманули его, то подобное беспокойство вполне оправдано. После Мэгги он имел право мне не доверять.

С хмурыми мыслями я вернулась в спальню мужа; он крепко спал, его лицо больше не было бледным, дыхание оставалось спокойным и ровным, так что я сразу ушла к себе. Мне предстояло познакомиться с его семьёй и каким-то образом завоевать доверие Эдварда. Я чувствовала, что обязана была сделать это.

За несколько дней Джейсон поправился и вскоре отправился на стройку, несмотря на уговоры подождать ещё немного. Я понимала, что без дела он усидеть не мог, и даже вездесущие племянники, которые были способны лишить сил любого, не удержали его дома. Так что мне приходилось узнавать их, помогая их матери.

Дженни была настоящей леди, очень хрупкой и женственной, и порой, глядя на неё, я боялась, как бы кто случайно не сломал её или разбил, будто фарфоровую куклу. Она и была похожа на куклу: золотистые кудри всегда блестели на солнце; кожа была белой и тонкой, так что на её руках я могла разглядеть каждую вену; с собой она привезла свои лучшие наряды, так что она всегда выглядела прекрасно и утончённо. Сложно было подумать, что она являлась матерью пятерых детей.

Двоих близнецов, семи лет от роду, звали Бобби и Пакстон. Именно их я увидела первыми. Младших мальчишек звали Стен и Родни, и они всегда вели себя тише и спокойнее. С мальчиками я едва ли могла найти общий язык, и только мать знала способы с ними справиться. Но я нашла своё сокровище в лице трёхлетней крошки по имени Элизабет. Она была точной копией Джейсона, об этом твердили все, кто видел её, и я поняла это, стоило мне взглянуть на неё. Она улыбалась и протягивала ко мне ручки, когда я хотела подержать её; она была очаровательной и послушной, и мне ничего не стоило нянчиться с ней.

Я видела, как мой муж играл с девочкой, когда её родители уже спали; он сажал её на колени и повторял короткую считалочку, отчего ребёнок радостно визжал и хлопал в ладоши. Становясь частым свидетелем подобной сцены, я убеждалась, что Джейсону нужны собственные дети. Потом мне становилось страшно. А смогла бы я дать ему такое счастье? Я не была похожа на Дженни, я была не такая сильная, и я до сих пор не могла понять, что чувствовала к супругу.

Мы не отдалялись, просто нашу жизнь разнообразили детские голоса, их смех и капризы. Я училась быть нянькой... и училась выдерживать на себе мрачные взгляды Эдварда. Он всё ещё относился ко мне, как к чужой, но я терпеливо игнорировала такое отношение.

— Прости его, Кейтлин, — извиняющимся тоном повторяла Дженни иногда. — Он

просто очень мнительный, и хочет убедиться, что его брат счастливей, чем несколько лет назад.

Наступили последние тёплые дни, всё чаще портилась погода, и тучи скрывали от нас солнце. Но детям не хотелось скучать дома, поэтому, пока мужчины были заняты на стройке, Дженни развлекала своих малышей, как могла, выводя их погулять. А заодно и меня за компанию.

Было солнечное субботнее утро, когда мы с Дженни и детьми расположились на вершине пологого холма, откуда была видна строящаяся церковь. Близнецы бегали вокруг, вели себя, как и всегда, шумно, то и дело таская братьев за собой. Только Элизабет сидела у меня на руках и с необычайным интересом разглядывала детскую книжку с картинками.

— Удивительно, как она похожа на Джейсона, — сказала невестка, глядя на нас с девочкой. — Эдди и сам порой поражается этому. Говорит, что Джейсон был точно таким же в детстве. Тихим и послушным. Рано начал говорить и читать.

— Она прелестна, настоящее чудо с такими красивыми серыми глазами!

— Вы хорошо смотрите вместе. Когда у тебя появятся собственные дети, ты в полной мере ощутишь все радости материнства.

Её слова взволновали меня, и поскольку все эмоции были написаны у меня на лице, Дженни озабоченно проговорила:

— Не делай такое лицо, дорогая! Я тебя не запугиваю. Ты ведь ещё не...

— Нет! — поспешила я ответить. — Пока нет. Думаю, стоит немного подождать. Я знаю, как Джейсону хочется сына.

Невестка посмотрела на меня так странно, по-хитрому прищурилась и улыбнулась. Затем просто спросила:

— А это правда, что ты вынудила Джейсона жениться на тебе?

Я издала какой-то нечленораздельный звук возмущения и смутилась, когда Дженни засмеялась. Так он всё им рассказал! Ну конечно, не стоило надеяться, что он скрыл что-то от брата. Вот почему Эдвард так отнёсся ко мне.

— Значит, правда. Эдди не шутил. — Дженни неоднозначно пожала плечами и улыбнулась.

— Он хотел жениться на моей сестре, — проямлила я, уставясь в макушку маленькой Элизабет. — Но она любила другого, вот и...

— Можешь не объяснять! Ты не обязана оправдываться ни передо мной, ни перед Эдди. Это только ваше с Джейсоном дело. Уверена, ты не такая, какой тебя считает мой упрямец. Слишком ты скромна и неопытна для хитрых интриг.

— Спасибо, но я правда...

— А ну оставьте животное в покое, маленькие изверги!!! Иначе я вам что-нибудь оторву! — прикрикнула невестка на близнецов, которые умудрились каким-то образом отловить белку, и теперь дёргали её за хвост.

— Не представляю, как ты справляешься с ними одна, — сказала я, сдерживая улыбку.

— Но дома я не одна. Мне помогает проходящая няня.

До нас донеслись громкие голоса, я взяла маленький театральный бинокль, который Дженни по странной причуде всегда носила с собой, и посмотрела в него: я видела Анри, перепачканного в пыли и дающего указания рабочим на их родном языке — арабском; увидела пятерых чумазных рабочих, таскающих камни и смеси в бочках;

Мой взгляд случайно упал на леса, окружавшие внешнюю стену строения. Я увидела,

как мой муж с необычайной ловкостью пробирается между досками и перескакивает с одного уровня на другой. Он был, как и другие рабочие, полураздет — в одних только широких штанах, покрытых белой пылью, и ботинках неопределённого цвета. С тревогой, внезапно схватившей меня за сердце, я наблюдала, как он перебрался с верхнего уровня вниз и соскочил на землю с высоты не меньше девяти футов.

Джейсон не был похож на других подрядчиков. Да и с другими он никогда не работал. Анри рассказывал мне, что после разрыва с Мэгги Уолш он уехал в Италию, затем побывал в Австрии, где учился у лучших мастеров-каменщиков. А вернувшись в Англию, успел за три года осуществить около семи проектов. В то время он жил одной лишь работой, спал и ел, по словам Анри, ради очередного здания.

А до этого мы встретили его на одном вечернем приёме, где он впервые танцевал с Коллет...

Я поспешила забыть о сестре, выбросить её образ из мыслей. Я наконец поняла, что стала ревновать к одной только мысли о сестре и моём муже.

Ревность женщины, как говорила Лора, — верный признак её зависимости.

Элизабет захныкала, оставшись без внимания, и я стала укачивать её, хотя сама всё никак не могла оторваться от бинокля, а точнее, того, что видела в нём. Джейсон всегда двигался быстро, его нельзя было застать надолго на одном месте. Арабы любили его за щедрое жалование и умение грамотно руководить. Он никогда не кричал на них и уж тем более не применял физическую силу. Анри поражался, как он управлял столькими людьми разных национальностей и религий, при его-то небольшом опыте. К тому же, он был ещё слишком молод, но я слышала, что умудрённые мастера всегда учитывали его мнение.

Джейсон как раз разговаривал с одним из рабочих, когда я поймала его в объектив бинокля. Его загорелая кожа блестела на солнце, чёрные волосы были в пыли, и он время от времени тормозил их рукой. Его лицо я увидела, лишь когда он обернулся; он посмотрел прямо на нас, затем вдруг помахал рукой.

— Что это тебя так напугало, дорогая? — спросила Дженни, увидев, как я откладываю бинокль в сторону.

— Ничего, правда, ничего. Знаешь, я, пожалуй, отнесу мужчинам воды, если ты не против.

Я заметила её хитрый взгляд поверх очков для чтения, когда передавала ей дочку, но промолчала. Я действительно решила спуститься, чтобы принести на стройку графин с водой, который мы взяли с собой на прогулку. И я вовсе не собиралась задерживаться там.

Церковь не была огорожена забором, и любой мог бы подойти поближе и взглянуть на проделанную работу. Пока строение напоминало лишь пустую оболочку из гладкого, белого камня, с чернеющими окнами без стекла. Проходя мимо, я старалась не встречаться взглядами с рабочими, меня смущали их улыбки и вечно приветливые выражения лиц.

Я нашла мужа в просторной палатке, поодаль от стройки; обычно здесь они вместе с Анри обсуждали детали строительства, просматривали планы и чертежи. Книгами и свёртками были завалены углы этого полутёмного шатра, и, когда я вошла туда, со спокойным благоговением вдохнув запахи воска и керосина, то представила, что очутилась в каком-то древнем месте.

Джейсон склонился над столом, где были разложены исписанные листы бумаги, и, когда я вошла, он замер на мгновение, затем обернулся ко мне. Наши взгляды встретились, и я успела заметить, как при виде меня он улыбнулся. Готова поспорить, что и моё лицо так и

осветилось при первых же звуках голоса, ставшего для меня любимым с некоторых пор. Я правда была рада видеть мужа.

— Ты здесь. Здравствуй, — сказал он на выдохе и протянул мне руку. — Подойди. Хочу тебе кое-что показать.

Нежные пальцы были тёплыми, и когда его ладонь скользнула в мою, я сжала его руку и мгновенно расслабилась, стоило мне приблизиться к нему.

Я поставила графин на стол, и Джейсон показал мне планы будущего убранства церкви, наброски внутренних деталей. Я мало что понимала в его работе, поэтому в основном смотрела на него, не отрываясь, и чувствовала, как меня переполняет нежность к человеку, который даже понятия не имел о моих странных мыслях. Вряд ли он знал, каким притяжением обладал, какой страстностью и эротичностью были пронизаны его движения, и даже его взгляд заставлял меня задерживать дыхание.

— ... Кейт? С тобой снова это происходит, — сказал он, улыбнувшись, и свернул разложенные на столе чертежи. — Когда ты витаешь где-то в своём мире грёз, у меня складывается впечатление, что тебе снова становится скучно здесь.

— Это не так, — возразила я. — Просто ещё одна из привычек детства.

— Пора постепенно отвыкать от этого. Мы с тобой оба знаем, что ты давно уже не ребёнок, — он подмигнул мне, подошёл к плетённому креслу, где лежали его рубашка и жилет, и оделся. — Как там дети?

— О, они в порядке! Дженни прекрасно с ними справляется. Она удивительная женщина.

— Я рад, что вы поладили.

Джейсон обернулся ко мне, и я увидела, что он нахмурился; его плечи поникли, и он избегал моего взгляда. Скрестив руки на груди, он вздохнул и твёрдо произнёс:

— Я поговорил со своим братом. Больше он не станет тебе докучать. Я хочу извиниться за него и то, что он наговорил тебе.

При упоминании об Эдварде я напряглась, но тут же поспешила его оправдать:

— Он ничем меня не обидел, клянусь! Его волнение вполне оправдано. Он просто хочет убедиться, что ты... и мы...

И тогда я поняла, что не могла произнести задуманных фраз. Счастлив, рад, доволен. Я не спрашивала его, был ли он счастлив со мной. И он ни разу не упомянул о подобном. Прошёл целый сезон, как я стала его женой, многое изменилось, но ничего определённого в наших отношениях не было. По крайней мере, я не знала, как убедить себя разобраться в собственных чувствах.

Я кротко взглянула на него. Джейсон посмотрел мне в глаза. Что ж, хорошо... Я обожала его так, как обожала бы любая на моём месте: физически он уже покорила меня, и у меня пересыхало в горле, стоило мне представить его обнажённого... Но было ли что-то большее за этим физическим наслаждением? Тогда я содрогнулась, подумав об отрицательном варианте.

— Эдвард никогда не отличался тактичностью, — горько сказал мой муж. — Даже по отношению ко мне. Теперь он стремится замаливать грехи, которые сам себе надумал. Он посмел подозревать тебя в чём-то, и я его отчитал. К тому же, я сам виноват. Мог бы не упоминать о деталях нашего соглашения...

О нет! И вот, когда мы вновь подошли к этому вопросу, будто вернулись в Глиннет, в наш скромный дом, где плакала Коллет, узнав, что Джейсон Готье требует её руки, я

ощутила ком в горле, и непрошенные слёзы выступили на глазах. Мне больше не хотелось вспоминать о том, как мы обманули всех и отправили Коллет с её солдатиком прочь от грехов отчима и нелюбимого человека, который желал жениться на ней... Теперь мне было больно от одной мысли, что я оказалась не той, ненужной, нелюбимой.

Я снова посмотрела на супруга и инстинктивно сжала муслиновую ткань юбки.

— И всё-таки, не стоило отчитывать Эдварда за наш с ним разговор, — с трудом сказала я. — Ведь я его прекрасно поняла тогда, и сейчас не сержусь. Да, он прав... Вы оба правы. Я вынудила тебя на мне жениться. Так что в данной ситуации я сама себя подставила. Учитывая всё, что было с Мэгги, конечно.

Выражение его лица поменялось на горестно-терпеливое, когда я произнесла это имя. Мне меньше всего хотелось расстраивать его, но ведь я сама оказалась на грани отчаянной печали, которую пока не могла растолковать.

— Думаю, мне лучше уйти, — пробормотала я, пряча глаза. — Я отвлекаю тебя от работы. Да и что подумает Анри, и ваши люди...

— Не всё ли равно?

На секунду я удивилась его вопросу, но не придала этому значения. Мне действительно хотелось уйти и подумать обо всём, что со мной происходило. Чья-либо компания только отвлекала бы.

Пообещав, что увидимся вечером, я как можно скорее вышла из палатки. Вернувшись к Дженни и детям, я соврала, что почувствовала себя нехорошо, и мы вернулись в Лейстон-Холл. Я удивилась, обнаружив письмо от матери в стопке утренней почты. Удивилась, потому что сама уже долго не писала домой, мне казалось, что они должны были затаить на меня обиду.

Но мама даже не упомянула об этом. Она писала о том, что чувствует себя гораздо лучше; что мистер Брам давно перестал упрячиться и простил Коллет; что все долги он вернул, благодаря поддержке Готье. Они даже подумывали о том, чтобы приехать в Бантингфорд, погостить. И внезапно мне захотелось увидеть их. Обнять мать, как когда-то в детстве, уткнуться в её плечо и слушать, как она тихо напевает колыбельную, пока я засыпаю.

До ужина я написала короткий ответ матери и письмо сестре, занявшее три страницы, и лишь после этого, после откровений, излившихся на бумаге, почувствовала себя лучше.

Благодаря неугомонным детям время ужина обычно проходило под громкий смех и не менее громкие замечания Дженни. Я до сих пор не могла привыкнуть к её бойкому голосу. И было похоже, что миссис Фрай разделяла моё удивление: иногда я ловила её взгляд, и она подбадривающе улыбалась мне.

Чай стали подавать в гостиную, где для детей было больше места. Я возилась с маленькой Лиззи, пока Дженни играла для нас на спинете, а её муж сидел в кресле с бокалом виноградного бренди в руке и следил, как бы близнецы не сунулись в камин.

Я чувствовала взгляд Джейсона на себе: он стоял чуть позади, в менее освещённой части комнаты, рядом с книжными полками. Я ничего не могла поделать с этим давящим ощущением его пристального взгляда, и, когда обернулась, он всё ещё смотрел на меня; лицо его было бесстрастно, губы плотно сжаты, и я тут же отвернулась, почувствовав себя неуютно.

Через несколько минут Эдвард объявил детям, что пора готовиться ко сну. Нехотя мальчишки послушались и в сопровождении Дженни и миссис Фрай ушли наверх. Элизабет

не хотела меня отпускать, и я видела, как она хныкала, когда отец забирал её. Вскоре мы с супругом остались одни в гостиной, и в наступившей тишине каждый мой мускул был напряжён. И я не знала, почему была так взволнована.

Джейсон подошёл ко мне, присел рядом и протянул бокал с золотистой жидкостью.

— Что это? — спросила я, забирая напиток.

— Арак, разбавленный в кофе. Это крепкая вещьца. Бутылку мне подарили коллеги из Италии.

— Вот как. И ты решил поделиться этим экзотическим напитком со мной спустя столько времени?

— Я спешу поделиться им только с тобой, моя милая.

Он улыбнулся, и я, не отрывая взгляда от его лица, пригубила горьковатую жидкость. После второго глотка моё горло сжалось, а внутренности словно загорелись.

— Ох, очень крепко! — выдохнула я и вернула Джейсону бокал. — Предпочитаю вино или шампанское.

— Я понял, — его красивая улыбка стала ещё шире. — А это мои привычки, Кейт. Не из детства, конечно, но ни одно моё путешествие не обходилось без приобщения к местным традициям.

— Интересно, что же ещё входило в эти самые... традиции.

Когда он взял мою руку в свою и нежно погладил пальцами внешнюю сторону ладони, я замерла в предвкушении чего-то, о чём ещё не знала. Затем его мягкие тёплые пальцы коснулись моей щеки, скользнули ниже, по линии шеи, и остановились у кромки ворота платья.

Я дышала тяжело, и даже не заметила то, как приблизилась к нему. Закрыв глаза, я ждала поцелуя; когда его дыхание коснулось моей кожи, я толкнулась навстречу его ладони, лежащей на моей груди...

— Доброй ночи, моя милая.

Я открыла глаза и увидела, что он поднялся, кивнул мне, а затем и вовсе покинул гостиную. Я осталась одна в тишине, глядя на то, как тени от языков огня в камине пляшут по стенам.

После горячей ванны перед сном я почувствовала себя легче, лучше. Причёсываясь перед зеркалом в своей спальне, я думала о том, как же всё-таки странно складывались наши с Джейсоном отношения. Он сделал что-то со мной, и поздно было отрицать — а он сделал — теперь я чувствовала, как ослабла моя дерзкая девичья непокорность, какой несобранной и безвольной я стала. Если в том и заключалась сила первой влюблённости, то мне всё равно не с чем было сравнивать.

Я понимала лишь одно: я опасалась его мужской силы и власти, которую он имел надо мной, ибо только он мог бы сделать мне больно, отвергнув или проигнорировав. Я не знала, что ждало меня дальше, и это пугало.

Засыпая, я слушала тихое щебетание канарейки, едва различимое на фоне звуков ночи за приоткрытым окном. Горячая ванна полностью освободила меня от эффекта того странного напитка, которого супруг дал мне попробовать, и я заснула быстро, без всяких тяжёлых мыслей.

Пробуждение было странным, томным и постепенным, когда я поняла, что меня несли куда-то на руках. Скрипели петли двери, щёлкали замки, и были слышны чьи-то неторопливые шаги по мягкому ворсу ковра... Я ощутила лёгкий аромат мужского парфюма и ни с чем не сравнимый запах старинных книг. Так всегда пахло в спальне моего мужа, и я почувствовала, как меня осторожно уложили на прохладные подушки.

И сквозь дрему я разглядела лицо Джейсона, склонившегося надо мной; он улыбался, и последним, что я услышала перед тем, как снова провалиться в сон, были его слова, произнесённые удивительно ласково и нежно:

— Я забрал тебя, Кейт. Теперь ты будешь только со мной... только со мной.

Была ли я рада, оказавшись в его постели тем пасмурным утром? О, я бы не смогла описать то самое первое ощущение, которое я испытала, окончательно проснувшись! Потому что это было новым, отличимым от прочих других ранних часов, когда мы были вместе.

Медленно сев и откинувшись на подушки, я привыкла к этому щекочущему чувству радости. Будто меня заметили, будто сделали самый значимый и невообразимый подарок! Я была счастлива, потому что это был таинственный и интересный порыв, который я пока не могла объяснить, но точно собиралась.

Джейсон спал рядом, повернувшись ко мне; его волосы были в полном беспорядке, и я осторожно убрала чёрную прядь с его лба. Я улыбнулась, когда он вздохнул во сне и повернулся на спину, подложив руки под голову. Его лицо было безмятежно, губы приоткрыты; мой взгляд скользнул ниже и остановился на вырезе его рубашки. Мне страстно захотелось положить ладонь ему на грудь, почувствовать мерное биение его сердца под кожей, поцеловать маленькую впадинку у основания шеи...

Кровь дико запульсировала в венах, стоило мне подумать о большем, и знакомое уже возбуждение не заставило себя ждать. Вот, в кого он превратил меня — один сплошной напряжённый нерв, одна из его чудоковатых машин, работающая от звуков его голоса... да что там, от обычного созерцания его самого.

Боль от осознания того, что я стала нежеланной женой, проще говоря, не той, меркнет, когда я чувствую этого мужчину рядом, а стоит ему поманить меня, я уверена — побегу и не оглянусь...

Мне стало жарко под плотным одеялом и в своей ночной сорочке: пришлось судорожно выпутаться из этого плена ткани; я и не заметила, когда стягивала с себя ночное одеяние, что муж проснулся. Мой локоть коснулся его руки, и это было мгновенное, обжигающее прикосновение. Потом Джейсон встал на колени, подавшись ко мне, сам снял с меня сорочку и отбросил её куда-то в сторону.

— Твоя очередь, моя милая, — произнёс он с хитрой, мальчишечьей улыбкой.

Не отрывая взгляда от его лица, я протянула руки и, неуклюже и медленно, стянула его рубашку через голову. Мы оба, наконец, оказались обнажены, и меня больше не страшило то, что должно было последовать за этим обрядом. Джейсон сам обнял меня, потянул на себя, и в одно мгновение я оказалась на его коленях, согнув свои ноги и обвив руками его шею.

Животом я касалась его твёрдой плоти, и каждый раз, стоило мне опустить глаза, я едва могла нормально вздохнуть. Было достаточно светло, я видела его всего, и у меня захватывало дух от вида его мощных плеч и рук, рельефного плоского торса, который так хотелось поцеловать...

— Скажи что-нибудь, Кейт, — попросил он, но, мне могло и показаться, я расслышала отчаянные нотки в его голосе. — Скажи что-нибудь.

— Я даже... не знаю, что сказать, — пробормотала я смущённо.

«Мне кажется, что я влюблена в тебя! Ну не смешно ли это?»

Он не делал попыток поцеловать меня или коснуться где-то ниже поясицы; просто удерживал, крепко прижимая к своему горячему телу, и смотрел прямо в глаза.

— Ты принёс меня сюда ночью... Зачем? — спросила я, немного расслабившись.

— Ты моя жена, Кейт. Ты сама сказала, что ты — моя. Ты будешь спать здесь, только здесь, со мной, и чёрта с два вернёшься в ту крохотную комнату!

— Но вчера вечером ты даже не поцеловал меня, — пожаловалась я. — Будто тебе было всё равно! Это было неприятно.

— А ты ждала, что я поцелую тебя, сладкая? — спросил он, и я почувствовала, как его ладонь опустилась на мои ягодицы. — Ты хочешь, чтобы я сделал это здесь и сейчас? Что ты хочешь от меня?

Мне хотелось, чтобы он сделал больше, гораздо больше, но уговаривать его не пришлось. Правой рукой он скользнул между нашими телами и провёл указательным пальцем по моей влажности, а мне тут же захотелось застонать, что я и сделала. Моё тело дёрнулось вверх в ответ на его ласку, а он, убрав руку и сделав резкое движение, усадил меня на себя, и его плоть полностью вошла в моё лоно.

Это быстрое, резкое слияние едва не свело меня с ума; чувствовать его в себе, мягко принимать и обхватывать мышцами, было сравни эйфории. Я закрыла глаза, и когда Джейсон немного приподнял меня, держа ладони на моих ягодицах, меня поразила горячая пульсирующая боль, сосредоточенная внизу живота, и она усиливалась с каждым нашим новым движением.

Его руки умело направляли моё тело, он точно знал, как нам обоим получить удовольствие, а когда я открыла глаза, то увидела, что Джейсон смотрел на меня. Наши лбы соприкоснулись, и он вдруг вовсе перестал двигаться, отчего я жалобно захныкала, оставшись на грани экстаза.

— Кейтлин... Кейтлин... — зашептал он в мои губы. — Ты хоть представляешь... что делаешь со мной?

Я была поражена и всё ещё витала где-то между наслаждением и опустошением,

однако, нашла в себе силы заговорить:

— Это не я вовсе. А ты... Ты сводишь меня с ума. — Я целовала его, как безумная.

— Тебе это нравится?

Поскольку он до сих пор был во мне, и я была напряжена до предела, то ответом стал мой протяжный, глухой стон.

— Скажи, что ты любишь меня, Кейт!

Мне показалось, будто меня что-то ударило, проникло в сердце и сжало его. Необъяснимая, невидимая сила сдавила мне горло, и я уставилась на него, на своего мужа, чувствуя, как рушатся последние баррикады моей защиты.

— Скажи мне это, Кейт, — умолял он. — Скажи, и я всё сделаю для тебя!

Что оставалось мне, бедной маленькой женщине, находящейся во власти неведомых до того мгновения чувств? Мне, смотрящей в бездонные глаза совершенного мужчины, которого я сама для себя выбрала! Разве я уже не призналась сама себе? Разве я не пообещала развеять в его тёмном мире все страхи и печали?

Заворожённая, покорённая, наконец, я доверилась ему и себе, взяла его лицо в свои ладони, невесомо коснулась кончиками пальцев его губ и прошептала:

— Я люблю тебя, Джейсон.

И хоть моё собственное наслаждение сошло на нет, угасло так же быстро, как и пришло, я была счастлива, потому что испытала больше, чем просто физическое удовлетворение. Я нашла в себе силы и призналась, что полюбила его. Мой голос дрожал, когда я произносила его имя. Но не от смущения, или страха, или недоверия. Так раскололась на части моя гордость.

Джейсон судорожно вздохнул, затем, всё ещё крепко прижимая меня к себе, опустился вместе со мной на постель, и я оказалась под ним. Я смотрела ему в глаза, пока он двигался, медленно, плавно, словно опасался причинить мне боль, и я увидела, поймала тот момент, когда он достиг пика наслаждения. Резко, с неистовством, он вошёл в меня последний раз, и вскоре его тело обмякло, расслабилось.

— Моя милая Кейт, моя, моя... — говорил он нежным шёпотом и целовал меня, пока мои руки гладили его влажную спину и плечи.

Оцепенев, то ли от радости, что я стала свободной в своём признании, то ли от счастья быть нежно любимой в ответ (никак иначе я не могла оправдать то, как говорил со мной муж), я лежала у него под боком, положив голову ему на грудь; левой рукой он лениво водил по моему обнажённому плечу, своей правой рукой я обнимала его за талию.

Его дыхание было таким же ровным, как и моё. Когда я быстро чмокнула его в гладко выбритый подбородок, Джейсон коротко засмеялся.

— Утро воскресенья. Мы должны бы быть в церкви, — напомнила я с неохотой. — А что мы делаем?

— Я её ещё не достроил, ты не забыла? — сказал он насмешливо. — Так что у нас есть довольно сносное оправдание.

— Ты прекрасно знаешь, что все ходят в те кошмарные развалины в конце главной дороги. И ничего! Может, и нам бы стоило пойти хоть раз?

Он хмыкнул, повернулся на бок и посмотрел мне в глаза.

— Я уже замаливал грехи, Кейт. Я покаяться, простил себя. И всех тех, кто делал мне больно. Теперь я чувствую себя свободным, впервые за много лет.

Мне стало грустно от мысли, что двадцатилетний красавец целых десять лет провёл с

женщиной, которая сделала его несчастным. Я не знала всей истории, но догадывалась о его чувствах. Улыбнувшись, я взяла его руку в свою и прижалась щекой к его тёплой ладони.

— Почему ты не хочешь рассказать мне всё? Я бы поняла, я бы не осудила! Возможно, и тебе было бы легче...

— Я никогда не позволю тебе окунуться в ту тьму, из которой я выбрался, Кейт, — заключил он решительно. — Ты должна остаться тем же светлым лучиком, который привёл меня к тому, что я имею теперь.

В полном недоумении я посмотрела на него, даже приподнялась на локте; мои спутанные волосы касались плеча мужа, и он ласково провёл большим пальцем по моей щеке.

— С тобой я счастлив, Кейт. И я хочу всеми способами тебе это показать.

Мгновение, и я вдруг оказалась под ним. С той же хитрой улыбкой озорника Джейсон навис надо мною, затем стал медленно, как бы дразня, опускать голову всё ниже и ниже.

— Ты не успела за мной сегодня, верно? — спросил он, а я жутко покраснела, закрыв ладонью рот. — Ничего! Сейчас я это очень быстро исправлю...

Я как раз перечитывала «Мельмот Скиталец», которого нашла в библиотеке, в отделе готических романов, когда в гостиной появился Джейсон и объявил о приглашении Смиттов в оперу, которая находилась в паре часов езды от нас, в Бэкингемшире. Я не ждала никаких выходов ближайшие несколько дней из-за детей. Джейсон проводил с ними и братом всё больше и больше времени, так что у Эдварда почти не оставалось шансов приглядывать за мной.

Прошло два дня с того самого воскресного утра и моего... внезапного признания. Супруг с тех пор ни разу не заикнулся об этом, о том, что я сказала. Всё шло так, как и раньше. Разве что Джейсон стал ко мне немного более внимательным. Это было заметно по его взглядам, касаниям и даже нашему обоюдному молчанию. Несмотря на то, что мы не затрагивали эту тему, я знала (и надеялась): Джейсон равнодушен ко мне. Возможно, он мог бы меня полюбить.

Так что же чувствовала я? Я ощущала свободу, лёгкость, ощущала себя нужной, словно я, наконец, нашла своё место.

Анаис помогала мне с платьем, пока я застёгивала серьги перед зеркалом, и поддерживала мои волосы сзади. Я ужасно волновалась, поскольку только раз посещала оперу, да и то я была ещё девочкой. Мне запомнилась лишь вычурная помпезность и излишняя роскошь Craig-y-nos — премьер-оперы и театра в Уэльсе — и её гостей, так что тогда я нашла подобные светские сборища скучными, хотя и была захвачена талантом и очарованием Аделины Патти. Теперь я понимала, что новый статус супруги небезызвестного в Англии предпринимателя обязывал меня время от времени присутствовать на различных празднествах и приёмах. Не стоит упоминать о том, как важно было Джейсону сохранять хорошую репутацию, а я могла бы ему в этом помочь.

Я собралась достаточно быстро, поблагодарила Анаис и спустилась в гостиную, где ожидал Джейсон. Он был одет в тёмно-серый фракный костюм, в котором выглядел невероятно привлекательно, весьма по-деловому и изысканно. Не глядя на меня, он возился с малышкой Элизабет, пока та находилась на руках у матери, а Эдвард стоял поодаль и улыбался.

Я бесшумно спустилась по лестнице, ощущая всю ту же нервную дрожь, как и всегда,

перед любыми важными событиями, и супруг тут же оказался рядом.

— Прекрасно выглядишь, — прошептал он, помогая мне надевать пальто. — Нам пора.

Он подал мне руку, попрощался с Дженни и братом, и мы вышли в ранний осенний вечер, ещё тёплый и наполненный чудными запахами из сада.

Я удивилась, когда увидела роскошный экипаж перед воротами поместья, поскольку ожидала более скорой поездки в автомобиле. Через несколько минут мы уже были на пути в маленькую деревушку Пакридж. Нам предстояло проехать по южной дороге и повернуть незадолго до самого Лондона.

— Почему ты так внезапно решил сегодня развлечься? — спросила я у Джейсона, когда экипаж проезжал мимо поредевшего леса.

— Разве тебе не наскучила компания книжек или моих вездесущих племянников?

— Нет, я бы так не сказала. Они все очень милые, особенно Элизабет. Я просто не ожидала, что ты вдруг решишься появиться со мной в обществе так скоро.

Всё это время он сидел напротив меня, абсолютно расслабленный, спокойный, и улыбался, затем с некоей томной грацией опустил на сиденье рядом со мной. Порой я замечала за собой, что не могла оторвать взгляда от него — очередная моя привычка — как он всегда двигался, элегантно и неспешно, и это заставляло меня замереть с наивно-влюблённым выражением на лице.

Джейсон взглянул на меня, приобняв за плечи; наши губы теперь разделяли всего несколько дюймов.

— Ты всё думаешь о Мэгги? Поверь мне, милая, три года было достаточно, чтобы я полностью избавился от её влияния, — его голос звучал тихо, но уверенно; я взяла его руку в свою и слегка сжала тёплые пальцы. — А если общество будет шептаться о нас и обвинять меня в чём-либо... То мне всё равно. Тебе же нечего опасаться. Ты ни в чём не виновата. И никто не посмеет обидеть тебя, Кейт.

Он вдруг приблизился и поцеловал меня, его дыхание и губы ещё хранили аромат мяты, перед отъездом он пил тот замечательный, вкусный чай миссис Фрай. Джейсон взял моё лицо в свои ладони и углубил поцелуй, так что мой тихий вздох остался незамеченным.

— Я тебе верю, — сказала я после, откинувшись на мягкую спинку сиденья. — Даже если ты что-то скрываешь и не желаешь делиться со мной.

Что-то промелькнуло в его глазах, удивление или же страх, не знаю; что-то такое произошло с ним, отчего он вдруг замер и отодвинулся от меня, опустил голову и уставился на свои руки, лежащие на коленях. Почему-то у меня возникло чувство, вполне знакомое даже, будто он вот-вот скажет мне нечто важное.

— Больше не будем говорить об этом, Кейт, — лишь произнёс он устало. — Сколько можно возвращаться к одному и тому же? Не надо испытывать моё терпение.

— Извини меня, — только и могла сказать я, поражённая переменой его настроения.

— Нет, нет... Ты прости. — Джейсон протянул руку, и его пальцы скользнули в мою ладонь; я не осмелилась даже дёрнуться. — Ты старалась быть терпеливой со мной... с моим упрямством. Но, поверь, тебя не должно волновать ничего из моего прошлого.

Я отвернулась и сосредоточилась на пейзаже за окном; луг медленно сменялся каменным забором и садами, не такими цветущими и яркими, как летом. В одиноких домиках, находившихся в нескольких футах от дороги, уже горел свет; кто-то разжигал печи, где-то были слышны весёлые детские крики и смех.

В напряжённом молчании мы прибыли в город и встретили чету Смиттов уже в

большом, сверкающем холле здания оперы. В тот вечер давали «Любовный напиток» Доницетти, это была первая итальянская постановка в восточной Англии, поэтому я ничуть не удивилась бесчисленным гостям. И снова, как когда-то в детстве, я была окружена незнакомыми людьми, богачами, умирающими от скуки в своих фамильных замках и приехавшими сюда ради очередного шанса похвастать собой и выпить лишний бокал шампанского вне дома.

Многие знали моего мужа, и я замечала, что они приветствовали его с холодной вежливостью. Впрочем, он и сам не задерживал на ком-либо своё внимание.

Для нас была выкуплена вторая ложа, так что, стоило мне оказаться наверху и, наконец, избавиться от неловкости нахождения в толпе, я словно забылась, и вернулся тот искренний, детский восторг, который я так редко могла себе позволить. Я сидела между Лорой и Джейсоном, но, когда грянул оркестр, и началось представление, я забыла обо всём; даже чуть наклонилась вперёд, держась за обитый бархатом бортик ложи.

Любимые итальянские мотивы заставили сердце биться чаще, а уж этот чарующий язык из уст Неморино! Истинный язык любви! Я острее почувствовала эту историю, хотя и знала её наизусть, но теперь, когда я сама познала любовь, слова и музыка больше не ограничивались пустыми звуками без смысла. Я знала, каково это — терзать себя из-за любви. Я была так восхищена зрелищем, что во время любимой партии «Una Furtiva Lagrима», вдруг посмотрела на своего мужа, и я увидела, что он глядел на меня, неотрывно, очень пристально.

И лишь один Господь знает, что он хранил за этим тёмным взглядом! Полутьма в нашей ложе окутывала его с ног до головы, музыка и тенор солиста наполняли пространство, но я находилась достаточно близко, чтобы видеть его глаза и, в конце концов, потеряться в тайне, что они скрывали. Одно лишь я снова осознала, ясно и точно поняла, что я любила его.

С той минуты опера интересовала меня чуть меньше, и я досматривала постановку, будучи немного рассеянной и дезориентированной.

В антракте мы со Смиттами спустились в холл, и Джейсон познакомил меня с двумя своими партнёрами, с которыми работал в Италии, и их жёнами.

Многие знакомые, такие, как Смитты, отнеслись с интересом или хотя бы вежливой учтивостью к маленькой провинциалке, которая, к удивлению многих, внезапно возникла рядом с молодым и богатым архитектором, который в свою очередь, ни на минуту не отпускал её руки, будто боялся потерять где-нибудь в толпе. Но нашлись и те, кто смотрел на меня с нескрываемым презрением. Я замечала холодные, пустые взгляды, в большинстве своём, принадлежавшие женщинам.

Меня ослепляли блеск их драгоценностей и яркие наряды, в которых я не видела смысла. И я решила не обращать внимание на эти странные взгляды, сдержанные кивки и поклоны и ухмылки, за которыми скрывалась насмешка.

Опера была прекрасна, и вечер обещал закончиться на приятной ноте, если бы я на мгновение не отвлеклась и не потеряла Джейсона из виду. Мистер Смитт с удовольствием намекнул мне, что видел моего мужа снаружи, и, оставив Смиттов у гардероба, я вышла на балкон, расположенный над небольшой площадкой.

Было темно, и поначалу я слышала только шорохи в темноте и шелест листьев плюща, овивавшего стены и балкон. Перегнувшись через мраморные перила, я заметила внизу какое-то движение, затем спокойный женский голос произнёс:

— ... и говорил о том, что ты свободен от любви? Теперь ты противоречишь себе,

дорогой. О какой любви может идти речь? Ты её совсем не знаешь.

Я узнала этот голос! Я узнала бы его, где угодно. Трудно было поверить в то, что Мэгги Уолш оказалась в тот вечер в опере случайно. Именно тогда, когда Джейсон приехал в город. А ведь мы даже не увидели её среди других гостей.

Я задрожала, когда подул холодный ночной ветер, ведь я вышла без пальто. Чтобы остаться незаметной, но видеть её внизу, на площадке, мне пришлось встать на колени у самого края балкона, между узкими колоннами перил.

— Не смей называть меня так!..

В нескольких шагах от её темнеющей на фоне светлых плит фигуры появился Джейсон. Я видела лишь его макушку и слышала голос, очень злой и раздражённый голос, который поначалу и вовсе напугал меня.

— Даже не думай, что твои сладкие речи подействуют на меня в этот раз. Я изменился, и здесь больше нет того бесхребетного юнца, которого ты...

— Которого я... что? — резко спросила она. — Это ведь не я заставляла тебя бегать за мной, будто преданную собачонку. Я не заставляла тебя говорить о том, что я являлась для тебя всем на свете.

— Похоже, со временем, у тебя не только испортился характер, но и память стала хуже, Мэгги. То, что ты сделала... о, ты меня убила! Но теперь всё изменилось. Особенно я сам.

Услышав язвительный женский смех, я содрогнулась всем телом; словно меня облили ледяной водой.

— Ты же знаешь, я не верю в то, что люди меняются. А уж тем более такие, как ты. — Она сделала шаг к нему, и ещё один, но он не двинулся с места. — Такие, как ты, дорогой, не похожи на других, нормальных людей. Мужчины, как ты, могут лишь притворяться и делать вид, что их хоть что-то заботит! Ты вечно был холодным... омерзительно, удивительно безразличным маленьким богачом, любимцем этого старого дьявола, твоего деда!

Джейсон молчал. Анри однажды рассказывал мне, что Мэгги часто измывалась над молодым супругом подобным образом, и флиртом и кокетством с другими мужчинами пыталась добиться от него неведомо какой реакции. Но Готье терпел, поскольку так уж был воспитан, и ничего не предпринимал.

Подслушивая их разговор я ясно представляла прошлое, где Джейсон вырос в одиночестве, под давлением этой женщины, напоминающей мне гадюку.

— В тебе нет никакой любви, — тихо произнесла Мэгги. — Не было и нет.

— Ну, ты меня так и не научила, каково же это, — ответил Джейсон и обошёл её справа. — А раз ты знаешь о любви всё, поделись ею с кем-нибудь из своих знакомых. Всё! Больше не желаю тебя видеть.

Я решила, что их разговор, наконец, был окончен, и уже собиралась подняться. У меня кружилась голова и дрожали руки. Но сварливый голос этой неприятной особы заставил меня замереть на коленях вновь. И я прислушалась.

— Со мной ты был так далёк и недоступен. А что же сейчас? Если ты действительно изменился... Это даже как-то... странно привлекательно. Отдаю должное твоей новой жёнушке. Я готова даже поверить, что она на самом деле особенная, как ты и говорил. Возможно, не зря мой брат так страстно желает познакомиться с нею поближе. Как жаль, что ему так и не удалось застать её одну!

И снова повисла напряжённая тишина, я больше не слышала ни звука, а когда всё же взглянула на площадку внизу, то увидела только Мэгги, а мой муж стоял в тени, и его голос

вдруг зазвучал приглушённо, призрачно и мрачно. Раньше я никогда не замечала, чтобы он говорил так угрожающе:

— Передай своему брату, чтобы держался как можно дальше от Кейтлин. Иначе, Богом клянусь... Я убью его.

Его быстрые, тяжёлые шаги возвестили о его уходе. Но пока они не стихли, Мэгги произнесла в темноту, стоя там в одиночестве:

— Она всего лишь девчонка, дорогой! А я — женщина. Между нами огромная разница! И тебе захочется большего! Быть таким же несчастным и одиноким, как когда-то со мной...

Больше я не желала её слушать и ушла оттуда, как можно скорее. Расстояние между холодным балконом и переполненным людьми холлом показалось мне вечностью. Я замёрзла и была вне себя от отчаяния и горя. Я уже не помнила, кто подал мне пальто и провёл к выходу. Но едва я приблизилась к высоким, резным дверям, как услышала Джейсона, зовущего меня по имени.

Стоило мне взглянуть на него, и я поняла, он был в ярости.

Он прошёл через толпу, и некоторые гости оглядывались на него с возмущением, затем он оказался рядом и схватил меня за руку.

— Где ты была? Ты не должна оставаться одна, слышишь?! Ах... к чёрту! Мы уходим!

Я не задавала никаких вопросов, и супруг повёл меня к готовому экипажу. Я чувствовала спиной любопытные, осуждающие взгляды и готова была поклясться, что наш уход не остался незамеченным.

Джейсон буквально толкнул меня внутрь, сказал что-то кучеру, и через минуту мы резко тронулись с места.

Муж сидел рядом и всю поездку молчал, ни разу не посмотрев на меня. Я боялась, что он догадался обо всём. Что я подслушивала и сделала это намерено. Я чувствовала, он разозлился не только на Мэгги, и не решалась заговорить первой. И я не знала, что ждало бы меня дома. Но эта ночь должна была что-то решить и поставить точку хоть в одном из вопросов.

До того я была расстроена, что не могла, да и не хотелось, связать и слова по прибытии домой, в Лейстон-Холл. Было уже совсем поздно, дети и Дженни давно спали, а вот Эдвард встречал нас едва ли не наравне с миссис Фрай. Но экономка — это всё-таки прислуга, и даже если её удивил наш общий с супругом угрюмый вид, то она никак не отреагировала. Как и положено было, она удалилась, когда я заверила её, что больше нам ничего не понадобится.

Не сняв даже свой высокий цилиндр, Джейсон сказал мне отправляться наверх, а сам попросил брата отойти с ним в библиотеку для разговора. Я догадывалась, о чём он собирался рассказать ему. О встрече с Мэгги, о чём-то, чем со мной он делиться не желал. Я чувствовала обделённость, нечестно было так поступать со мной. И я знала, что так продолжаться больше не могло: рано или поздно муж обязан был открыться мне и перестать скрывать подобные вещи.

Я отпустила горничную пораньше, пожелала Анаис спокойной ночи и, сняв халат, села на край заправленной кровати. Я ждала и ждала, когда придёт Джейсон, намереваясь быть упрямой и настойчивой. Не предполагая окончательный результат того, чего я желала добиться последующим разговором, я сидела и боролась со сном, так как устала и была вымотана эмоционально.

Джейсон пришёл после полуночи; он тихо вошёл в спальню, запер за собой дверь и, едва взглянув на меня, спросил:

— Как тебе опера? Надеюсь, я сделал верный выбор. Ты ведь увлекалась итальянской культурой.

Его внимание к этой детали ничуть меня не утешило. Чувствуя, как лёгкий спазм сводит желудок, я вздохнула; Джейсон погасил одну лампу и успел снять только кремовую жилетку и бросить её в кресло, когда я, наконец, решилась спросить:

— Что-нибудь случилось? Ты так торопился уехать, и выглядел... расстроенным.

— Ничего не случилось, — ответил он спокойно и повернулся ко мне спиной.

При данных обстоятельствах это означало, что на дальнейшие вопросы он отказывался отвечать. Чудесный вечер был окончен, Джейсон не знал, что я подсматривала за ним и Мэгги, так что собирался и дальше молчать.

— Ты уверен, что всё хорошо?

— Уверен. Помолчи и дай мне раздеться.

— А, может быть, что-то всё-таки произошло? — заупрямилась я.

Джейсон обернулся и искательно посмотрел мне в лицо, как-то недоверчиво и с опаской, будто я ляпнула что-то из ряда вон выходящее.

— Что за утомляющий допрос, Кейт? — голос его был холоднее льда. — Я отлучился по делам, а, вернувшись, тебя не обнаружил. Больше так не делай. Всё, уже поздно.

Он снял рубашку с таким видом, словно это был наш обычный вечер без каких-либо происшествий. Это злило меня сильнее всего. Я встала на ноги, когда муж подошёл ко мне вплотную, взял моё лицо в ладони и так крепко прижался ко мне губами, что я едва успела вздохнуть. Его губы были мягкими и тёплыми, язык настойчиво раскрыл мой рот, и я почти обмякла в его руках, готовая ответить, но вдруг поняла, что это было неправильно. Это была настолько неуместная страсть, настолько неожиданный порыв, что я воспротивилась и стала извиваться в его объятьях, пока он не отпустил меня.

— Что ты творишь? — я оттолкнула его, и от неожиданности он мигом оказался от меня на расстоянии широкого шага. — Почему ты такой?

В его взгляде я заметила лишь удивление, а затем... смирение. Я поняла, что если начну этот разговор сейчас, то это либо поможет мне разобраться во всём, либо создаст ещё больше тайн вокруг Джейсона. Он единственный мог мне помочь, мог бы успокоить меня, а вместо этого молчал, защищая то ли себя, то ли Мэгги Уолш, которая того не заслуживала.

— Ну, Кейтлин, в чём дело? Это была прекрасная поездка, я познакомил тебя со столькими людьми. Ты им понравилась...

Он врал и сам отлично знал это.

— ... Я не хочу заканчивать день на плохой ноте. — Джейсон сделал шаг ко мне, но я покачала головой. — Кейт, ничего не случилось. Я устал. Устал и хочу, чтобы ты...

— Что? Что я должна сделать?! — мой голос сорвался на крик, но я этого не поняла. Меня было не остановить. — Мне надоело блуждать в потёмках твоего сознания. То ты просишь, чтобы я призналась тебе в любви, то вдруг срываешься и на глазах у нескольких десятков людей хватаешь меня и уводишь с таким видом, словно поймал на воровстве! Ты скрытный и не желаешь быть откровенным со мной. Говоришь, что всё в порядке, но ты врешь!

— Хватит... — прошипел он яростно, но я не подчинилась.

— Я бы стерпела всё, но не ложь, понимаешь? Почему ты не говоришь, что на самом

деле было между тобой и Мэгги? И откуда у тебя этот шрам?

— Хватит, я сказал!

— Я знаю, что я — не моя сестра, и что ты был вынужден жениться на мне. И твой брат меня за это не любит, но я всё же здесь. Ты говорил, что счастлив со мной... Так неужели тяжело открыться мне и быть честным? Я знаю, что ты мне доверяешь. Я, по крайней мере, хочу верить, что нравлюсь тебе немного больше, чем кажется! Не игнорируй моё существование...

Он схватил меня за руку и так резко дёрнул на себя, что я не сдержалась и ахнула. От неожиданности и силы его цепкой хватки. Наши взгляды встретились лишь на мгновение, и когда он посмотрел на меня, просто вдруг смягчился и отпустил. По его глазам, полным неясного мне отчаяния, я поняла, что он сорвался, и это напугало его. Хотя ему стоило больших усилий не зайти намного дальше.

Он отвернулся, уперев руки в бока, а я слушала его тяжёлое дыхание и ждала ответа, как преступник окончательного приговора. Но прошла минута, он продолжал мучить меня. Тогда я сказала первое, что пришло на ум:

— Что ж, если так и будет продолжаться... Хорошо. Пусть. Но уже без меня.

Поскольку мой уход из спальни был бы бесполезным жестом, ведь все мои вещи уже были перенесены, а угловая комнатка теперь пустовала, я решила остаться. Он хочет хранить свои секреты и дальше — прекрасно! Считает, что так легко жить в неведении и терпеть ложь и скрытность — отлично!

В те минуты я была действительно зла: на него, на себя за то, что не сдержала обещания довериться. Но встреча с Мэгги Уолш, их разговор и сам факт того, что Джейсон скрыл это — всё это заставило меня сорваться.

Я откинула одеяло и забралась в холодную постель со своей стороны. Я не знала, что делал Джейсон у меня за спиной, но через пару минут погасла вторая лампа, стало совсем темно и тихо. Я лежала с открытыми глазами, пока Джейсон не лёг на другой край кровати. Мы совсем не касались друг друга, я даже почти не чувствовала тепла его тела. Через полчаса, что я пролежала неподвижно, без сна, я осознала, что уже скучаю по своему мужу. Но пути назад не было. Пусть попробует собственной пилюли, решила я упрямо, кутаясь в одеяло. Я не стану упрашивать его больше открыться мне, но за это он пусть не ожидает от меня никаких действий.

С этими мыслями я повернулась спиной к мужу и, наконец, уснула.

Через три недели после той ночи, не давшей мне никаких ответов, мы находились в гостях у Смиттов. Это был обычный ноябрьский вечер, тёмный и промозглый, как и другие, предыдущие вечера, когда я тосковала от скуки. Почти месяц прошёл, но за это время я ни разу не подпустила Джейсона к себе, настолько близко, чтобы потерять упрямство и контроль над собой. Мы, как и прежде, часто разговаривали о пустяках, проводили время с детьми, и даже угрюмый Эдвард стал любезнее по отношению ко мне.

Но исчезла былая лёгкость, и стоило нам с Джейсоном остаться наедине, я чувствовала, как накалялась атмосфера вокруг; едва ли не на расстоянии я могла ощутить его напряжение. Мы не касались темы его прошлого, и я не намекала на подслушанный разговор с Мэгги Уолш, но мы оба знали, что появилась граница, эдакая стена, о которую бесполезно было биться. И в этом была виновата я. Я скучала по Джейсону, по его поцелуям и любви, но всякий раз, стоило мне подумать об этом, о том, чтобы снова поддаться собственной

зависимости и его обаянию, как упрямство во мне тут же кричало: не сдавайся, пусть помучается!

Но в итоге все муки доставались мне. Я любила своего мужа, но больше не могла это показывать, потому что хотела проучить его.

Смитты жили на Риверсайд, в небольшом, но симпатичном кирпичном коттедже, который они снимали для себя в этом городе. В тот вечер в доме было слишком многолюдно и шумно, много шампанского и дорогого горького шоколада, от которого уже болели животы. Так что мне некогда было думать о нашем небольшом домашнем кризисе. И пусть на фоне уставших и немного пьяных джентльменов с сигарами в руках Джейсон выделялся, как говорится, белым пятном, и порой я не могла оторвать взгляда от него, мои мысли были заняты другим. Я подозревала, всего лишь догадывалась, и не более, что могла быть беременна. Моё самочувствие последнее время оставляло желать лучшего: часто кружилась голова, я легко раздражалась и плохо спала. К тому же, в положенный срок у меня не пошла кровь, и я всё чаще замечала, как странно реагирует мой организм на пищу. Я сомневалась, поэтому молчала, и всё же в тот вечер даже не пригубила шампанского. На всякий случай.

— Дорогая, пожалуйста! — позвала меня пожилая тётка Лоры Смитт. — Пройдите за пианино и сыграйте нам что-нибудь. Иначе мы все здесь сойдём с ума со скуки, ведь мужчины не догадаются навестить нас и развлечь.

Бросив взгляд на открытую дверь в соседнюю комнату, где находились джентльмены, я поднялась с кресла, села за пианино и начала играть одну из любимых баллад матери. Мыслями я снова вернулась домой и не сразу заметила, как мужские голоса ненадолго стихли, и была слышна только моя музыка. В какой-то момент мне показалось, что вокруг не было никого и ничего, и когда мои пальцы в последний раз коснулись клавиш, я вздрогнула от аплодисментов, поражённая, скорее, тому, насколько лучше я стала играть.

— Бросьте скромничать, дорогая! — сказала одна из леди, жена какого-то профессора, который тоже находился в соседней комнате. — У вас талант. Я так понимаю, если бы не ваш брак, вы могли бы сделать неплохую карьеру.

Чтобы поддержать разговор, тему стали развивать и другие слушальницы, а мне оставалось просто улыбаться. Я абсолютно не представляла себя на сцене, перед сотнями зрителей. Машинально я положила руку на живот и попыталась представить свою жизнь без Джейсона. К собственному удивлению, мне это не сразу удалось.

Я нашла его в той комнате через несколько минут, когда щебетание Лоры с её соседок стало меня раздражать. Джейсон стоял у камина, с самым невозмутимым видом глядя на того самого профессора, который сидел перед ним на диване. Они разговаривали, и их голоса звучали чуть громче, чем другие в той комнате.

— Я понимаю, через что вы прошли, Готье. Африка, потом скитание по Европе, затем столько работы здесь... и как вы справились с этим в одиночку? Это чудо.

— Вы говорите так, будто я повернул Землю против движения, — ответил Джейсон бесстрастно. — Не такая уж это была и непосильная ноша. Не нужно меня жалеть.

— Раньше вы смотрели шире на мир, — мужчина сделал нетерпеливый жест рукой. — Куда делась ваша прыть, друг мой? Что, ваши убеждения уже не выходят за рамки дозволенного?

— А что означают ваши рамки? У каждого человека они свои. Если бы я понял это на несколько лет раньше, то был бы гораздо счастливее сейчас.

Тогда я не смогла понять, почему, но его слова задели меня. Мне показалось, что он

говорил о нас. Неужели он врал и о том, что был счастлив со мной, подумала я тогда. Мне стало тошно и неприятно, будто слова эти действительно были адресованы мне. Намереваясь уйти, пока не оказалась замеченной, я подошла к двери.

— Так скоро вы растеряете весь свой авторитет, Готье. Не будьте ханжой. Мы говорили о переменах, — настаивал профессор. — Они неизбежны, меняется мир и мы.

— Я не могу не согласиться.

— Но люди растерялись, Готье. Они не видят дальше собственного носа, довольны тем, что имеют, а на самом деле не имеют ничего. Наступит новый век, новая война, изменится власть. Как жаль, что мы не имеем силы противоположной этой! Потому что люди не меняются.

Джейсон вызывающе хмыкнул, а я осталась в тёмном углу и посмотрела на него.

— Вы не слишком жалуете людей, профессор?

— Нас ждёт куда большая беда в новом веке, и, да, люди ведут себя к концу, — пожилой профессор самоуверенно выпустил табачный дым и скривил губы. — Будь моя воля, я бы смыл эту грязь с улиц наших городов прежде, чем новое время придёт. Но, увы, такой силы не существует.

— То, о чём вы говорите, ещё как существует. Вы говорите о людях. Одна армия против другой. Грязь одних людей против чистоты других... Да, раньше я бы в какой-то мере согласился с вами.

— Но не теперь?

— Нет, не теперь, — Джейсон упрямо скрестил руки на груди. — Люди меняются, я убеждён в этом. И то, что вы зовёте новым веком и сопоставляете с концом — глупости. Наступит двадцатый век, и ничего не изменится. Люди всё так же будут гулять по улицам, покупать продукты, строить здания и умирать от старости или болезней. Я нового века не боюсь, и, если надо будет, встречу его с распростёртыми объятьями. Дело в том, что технический и научный прогресс не допустят раскола...

— А не вы ли первый принесли жертву этому вашему так называемому прогрессу? — проворчал мужчина и хмыкнул. — вспомните Африку, а? Сколько там погибло местных жителей? Вы не отрицаете кровь на ваших руках, Готье?

Я заметила во взгляде мужа вспышку ярости, но внешне он оставался невозмутим. Другие джентльмены следили за ними и почти не перешёптывались.

— Я и не затрагивал мораль. Смерти были, я не стану отрицать.

— Может быть, ваша супруга так расслабила вас, Готье? Я слышал, она собиралась стать учителем в Кардиффе. Похоже, у неё весьма независимые взгляды на место в обществе.

После этой фразы послышались короткие смешки, а Джейсон побагровел и сжал кулаки. Клянусь Богом, ещё секунда, и он бы вышел из себя, поэтому я выступила на середину комнаты, заслонив собой супруга, и сказала достаточно громко и уверенно:

— Знаете, сэр, если бы таких людей, как вы, было больше, конец цивилизации и разумному обществу пришёл бы гораздо быстрее. А теперь извините меня.

Я покинула комнату почти бегом, гордо вскинув голову. На небольшом балконе второго этажа, под которым находилась лужайка заднего двора, было прохладно, и я замёрзла уже через пару минут в своём прямом платье без рукавов. Но мне необходим был свежий воздух. Вскоре пришёл Джейсон и осторожно положил мне на плечи свой пиджак.

— Мне очень жаль, что ты это услышала, — произнёс он расстроенным голосом. — Он просто пьян. На самом деле, женщин он уважает гораздо сильнее. Ты отлично поставила его

на место, хотя это и не останется незамеченным.

Я продолжала молчать и смотреть в тёмные окна соседних домов.

— Кейт, пожалуйста. Не стой так и не игнорируй меня. — Когда я обернулась, он запустил руку в свои волосы. — Мы с тобой оба знаем, что твоё упрямство нам не поможет. Не будь такой холодной, ты же любишь меня...

— Если ты помнишь, ты сам просил меня сказать это.

— А разве это что-то меняет?

Его внезапный эгоизм, излившийся в бесполезном разговоре с профессором-грубияном, а после отразившийся на мне, взбесил меня, и я хотела уйти, но Джейсон взял мою руку в свою и настойчиво сжал запястье.

— Кейтлин, перестань! Ты моя жена всё-таки, верно? В твои обязанности входит слушаться меня. И я просил верить мне!

— А я просила не врать мне! — прошипела я со злостью. — Неужели ты не понимаешь, что делаешь?

— Я знаю лишь то, что ты снова ведёшь себя, как ребёнок! — рявкнул он. — Этот разговор ни к чему не приведёт, потому что ты меня не слышишь. Всё было так хорошо, зачем ты ворошишь моё мерзкое прошлое, от которого я пытаюсь нас оградить?

— А почему? — спросила я мягче.

Он испытующе посмотрел на меня и отпустил мою руку. Его глаза закрылись, губы скривились, будто он страдал от боли. Когда я коснулась ладонью его щеки, он поцеловал мои пальцы, взглянул на меня, наконец, и сказал:

— Будто ты и сама не знаешь причину.

Таков был его ответ, и тогда этого было достаточно. Но не мне, я ждала большего. Я через силу улыбнулась, чувствуя горечь во рту, и дрожащим голосом произнесла:

— Я больше не стану вытягивать из тебя ответы. Вижу, что так я заставляю тебя страдать, хотя и не знаю, почему. Прости, что вынудила тебя жениться на мне...

— Кейтлин, прекрати... — он попытался возразить, но я продолжила:

— И, возможно, надо было позволить тебе и мистеру Брамму вернуть Коллет. Она-то наверняка является образцом прекрасной жены. Да, она бы слушалась тебя и не пыталась выяснить, почему ты так боишься Мэгги Уолш и своего прошлого. Кстати, я слышала ваш разговор тогда, в опере. Да, я видела её и тебя тогда... Но ничего. Ничего, что ты обманул меня и ничего не сказал. Ты оказался терпеливей, чем я.

Его растерянность и бледность, и пристальный взгляд серых глаз, от которого мне хотелось плакать, говорили о том, что мне удалось задеть его. Но я не ощущала себя победителем. У упрямства был приторно-горький привкус, и я чувствовала себя хуже, чем раньше. Я кивнула Джейсону на прощанье и, одёрнув портьеру, вошла в комнату.

Среди ночи меня разбудил шум, словно где-то неподалёку разбилось стекло. Протерев глаза и коснувшись ладонью соседней подушки, я поняла, что Джейсона рядом не было. А скорее всего, он и вовсе не ложился. Меня бы не беспокоила эта мысль, если бы тогда вечером я не поставила мужа в неловкое положение, выведя его на чистую воду. И после того, как мы вернулись домой, он не сказал ни слова. Я ушла спать, а Джейсон заперся в своём кабинете, и я заснула, не дождавшись его. Мне стало гораздо легче, стоило только признаться, что я знала о его разговоре с Мэгги, и словно тяжёлый груз был сброшен с души.

Но Джейсон был непредсказуем, и эта мысль мигом согнала мой сон.

Я взяла брошенные на крышку старинного сундука белые чулки, наскоро натянула их и накинула на плечи халат. В коридоре горели несколько ламп, и я так торопилась в рабочий кабинет Джейсона, что не заметила невысокую фигуру, направляющуюся туда же, но со стороны лестницы. Я почти врезалась в чьё-то плечо, а, подняв глаза, увидела Эдварда. С тем же выражением удивления на лице, что и у меня, он сам открыл дверь кабинета и вошёл в комнату первым.

Окно было распахнуто, и сильный ночной ветер толкал одну из портьер; на красивом, узорчатом ковре были разбросаны бумаги, а кое-где даже разлиты чернила. Рядом с письменным столом, под одной из опрокинутых книжных полок, я увидела осколки графина. Мой муж полулежал в кресле, спиной к нам; я заметила только его лежавшую на подлокотнике руку. Длинные пальцы нервно постукивали по мягкой обивке.

Видимо, я впала в некий ступор, и Эдвард отреагировал гораздо быстрее и спокойнее: он просто прошёл через комнату, не беспокоясь о том, куда наступал, закрыл окно и подошёл к креслу.

— Он в порядке, просто пьян, — сказал Эдвард, присмотревшись к брату.

Попытка привести Джейсона в чувства ни к чему не привела. Когда я оказалась рядом с диваном, супруг просто лениво шевелил пальцами и иногда поворачивал голову. Его глаза были закрыты, чёрные волосы лежали в полном беспорядке, и от него пахло виски. Когда совершенно неожиданно Эдвард размахнулся и ударил Джейсона по лицу, я вскрикнула, а муж дёрнулся и открыл глаза. Пощёчина была такой сильной, что звук удара несколько секунд стоял у меня в ушах.

— Зачем вы это сделали? — спросила я.

— Во-первых, братец это заслужил. Во-вторых, никто ещё не бил его настолько сильно, поверьте мне, — голос Эдварда звучал глухо и почти безэмоционально. — К тому же, учинив погром, он разбудил Элизабет и близнецов. А он и сам прекрасно знает, как тяжело будет уложить их снова.

К тому моменту мой муж уже вполне владел собой и смотрел на нас прояснившимся взглядом. Однако отвечать он не торопился. Он медленно протирает глаза и качал головой, видимо, чтобы окончательно проснуться.

— Думаю, мы вернёмся в постели. Вы не против, Кейтлин? — спросил Эдвард любезно. — Кажется, ваш муж больше не способен ничего сломать или разбить.

Когда мы отошли на несколько шагов, я дёрнула мужчину за рукав его рубашки и заставила посмотреть на меня.

— Как вы можете оставить его сейчас, в таком состоянии? Нельзя же просто так уйти!

— Конечно, можно! — прошипел он и кивнул в сторону кресла. — Вы не представляете, что сделал со мной алкоголь в своё время, мадам. Это чуть не погубило меня, но, слава Богу, я встретил Дженни. А сейчас, когда я смотрю на то, во что превращается мой брат, я ясно вижу прошлого себя, и это отвратительно!

За дверью вдруг послышался какой-то шорох, и деверь отвлёкся: он выглянул из комнаты в коридор, но никого там не увидел. Только тени внизу и на лестнице, и звук торопливо удаляющихся шагов.

— Прекрасно! — Эдвард всплеснул руками и нахмурился ещё сильнее. — Теперь вся прислуга в этом доме в курсе последних событий! Миссис Фрай!

К моему удивлению, экономка пришла быстро, она оказалась на пороге комнаты уже через несколько секунд, будто так и дежурила рядом.

— Прошу вас, миссис Фрай, заставьте их всех разойтись и лечь спать, наконец! — повысил голос Эдвард. Он был действительно раздражён. — И не притворяйтесь, что ничего не слышали. Мне уже надоели все ваши перешёптывания на кухне, между ланчем и ужином.

— Хорошо, сэр.

После того, как экономка ушла, прикрыв за собой дверь, я повернулась к своему хмурому родственнику и спросила:

— Вы что, действительно заботитесь о том, что скажут слуги, когда вашему брату плохо?

— Ему вовсе не плохо, он пьян, вот и всё. — Его ответ показался мне слишком жестоким. — Я знаю, что такое плохо, мадам. А это — вовсе не решение проблемы. Я слишком разочарован и устал подталкивать его. Раньше он не был таким.

Эдвард посмотрел на меня, будто ждал, что я отвечу. Я поняла лишь одно: он снова намекал на моё появление в жизни его брата, и я растерялась.

— Можете сколько угодно обвинять меня, — произнесла я упрямо, — но я старалась, как могла, сделать вашего брата счастливым.

Он хмыкнул, развернулся, намереваясь покинуть кабинет, но мои следующие слова заставили его остановиться:

— Как человек, которого едва не погубила разгульная жизнь, вы должны бы первым помочь ему и дать понять, что гнев — это не выход. Но вы трусили, и теперь уходите. А уходите только потому, что узнали себя. Вы испугались себя самого. И вы сказали, что алкоголь едва не испортил вас. Вы ошибаетесь и здесь — вы сами себя чуть не испортили. Где же ваш стойкий, фамильный дух и упрямство, сэр? Вы бросаете своего брата снова, как вы уже когда-то сделали это.

Я выпалила это, и лишь через несколько мгновений, пока Эдвард молчал, поняла, что именно сказала. Но в этот раз я не жалела ни о едином слове. Эдвард обернулся и посмотрел на меня очень пристально, по его тёмному взгляду я могла догадаться, что он не ожидал такого, и был удивлён. Через минуту, наконец, он вздохнул; его плечи устало поникли, и он сказал:

— Я предупрежу миссис Фрай, чтобы она приготовила хотя бы чаю для Джейсона. И для вас... Знаете, Кейтлин, я уже давно ни в чём вас не подозреваю. И я уверен в вас, но не в нём.

Он ушёл, а, когда его шаги стихли за дверью, я обернулась и увидела, как супруг поднялся и, держась за невысокую спинку кресла, стоял, слегка наклонив голову. Даже тогда, пьяный, в помятой одежде и с хмельным взглядом, он был слишком привлекателен,

слишком желаем, и я даже подумала, что это мне бы стоило напиться до беспамятства, чтобы заглушить все те желания и страсти, которые он один мог бы усмирить.

Через пару минут, что я разглядывала его, а он стоял, ссутулившись и пытаюсь держать равновесие, я решила подойти к нему. Помогла снять уже расстёгнутую жилетку, затем осторожно усадила обратно в кресло. Вскоре миссис Фрай принесла поднос с парой чашек горячего чая, пахнущего корицей и яблоками. Осуждающе оглядев испорченный ковёр и сломанные полки, экономка ушла, но перед этим приободряющее мне улыбнулась.

Я молча опустила на колени возле кресла, подав Джейсону чашку, и его руки почти не дрожали, пока он пил, медленно, пустым взглядом глядя то перед собой, то в пол. И вдруг до меня дошло, что все идеи и капризы событий, предшествовавших этой ночи, сошлись в одно, и теперь должно было случиться нечто такое, что бы, наконец, поставило точку. Единственное, чего я боялась — это каким же окажется предложение, где должна была бы стоять та точка.

Когда Джейсон сам поставил чашку на стол и издал вымученный вздох, я приподнялась, желая лишь посмотреть ему в глаза. Вместо этого он мягко обнял меня, и я оказалась стоящей между его коленей. Его кожа была достаточно горячей, чтобы я почувствовала её жар сквозь ткань ночного одеяния. Я просто коснулась рукой спутанных волос, затем опустила на его колено, взяла в ладони его лицо и поцеловала, вложив в этот поцелуй всю свою тоску и нежность, потому что хотела дать понять, что он был мне нужен, и что он не одинок.

Его дыхание ещё хранило запах виски, но губы были такими мягкими и сладкими от горячего чая, что я полностью отдалась собственным чувствам; я хотела только целовать его, ощущать под пальцами чуть колючую щетину и крепче прижиматься грудью к нему. Я почти заставила его углубить поцелуй, потому что мне стало мало только его губ; я прекрасно осознавала, что делала. Ощущение его влажного языка, сплетающегося с моим, сводили меня с ума, и его большие ладони легли мне на спину. Я обвила его шею руками, чтобы быть ближе, и я не хотела останавливаться, потому что это было слишком хорошо и приятно.

Но когда Джейсон оторвался от меня, тяжело дыша, я посмотрела на него и увидела, что его глаза были влажными, взгляд был печальным, отчаянным. Я не могла понять, что случилось, и поспешила его утешить, но Джейсон дёрнулся, не позволив мне поцеловать его снова.

— Что ты делаешь, Кейт? — спросил он хриплым голосом. — Как ты можешь прикасаться ко мне после того, что я сделал?

— Мне всё равно, что ты сделал, — сказала я просто. — Ты ведь сам говорил. Я твоя жена. Но больше того, я тебя люблю. И на этот раз я говорю это сама, по собственному желанию.

Он попытался улыбнуться, но лишь на мгновение; я хотела заглянуть ему в глаза, а он никак не мог сосредоточиться, и его взгляд был прикован то к моим губам, то к открытой шее.

— Я слышал, что ты сказала Эдварду.

— Да, кажется, мы поменялись с ним местами.

— То, что ты сказала ему... — он снова посмотрел на меня и лизнул пересохшие губы. — Это было так... Я этого не заслужил, вот и всё. Я не заслуживаю даже находиться рядом с тобой сейчас.

— Но это не так! Ты не знаешь, какой ты, и что ты заставляешь меня чувствовать. Ты

сильный, трудолюбивый и милосердный. Слишком благородный и честный с теми, кто этого не достоин. И ты делаешь меня сильной. Ты мог бы рассказать мне о том разговоре с Мэгги Уолш, но ты скрыл это от меня. Я отрицала причину, по которой ты сделал это, но теперь я понимаю. Ты хотел оградить меня от сплетен и от дурных мыслей о ней, об этой женщине, которая делала тебя несчастным.

Джейсон скривил губы и на мгновение закрыл глаза. Его правая рука переместилась на мою шею, пальцы погладили мою кожу.

— Пока я не перестану подозревать худшее и выпытывать у тебя что-то, что тебя гложет, я не успокоюсь. А сейчас я желаю этого больше всего на свете, — сказала я с улыбкой и поцеловала мужа в уголок рта. — Если ты дашь мне шанс понять тебя, я буду счастлива. И я готова ко всему, потому что я люблю тебя.

— И ты — моя, верно?

Я кивнула, тогда он прижался губами ко мне, и стал целовать так страстно, что я едва удержала равновесие и не соскользнула с его колена. Я всё ещё обнимала его, когда смутно, сквозь тёплую волну желания, осознала, что он поднимается. Джейсон велел мне остаться на месте, и я села в кресло, а он подошёл к столу, долго разглядывал что-то среди бумаг, затем вернулся с двумя уже знакомыми мне конвертами.

— Это же... не может быть...

— Я хочу, чтобы ты сама прочла всё, что здесь написано. И ты поймёшь. Я лишь надеюсь, что ты не возненавидишь меня после этого, Кейт.

— Ты уверен? — спросила я в последний раз.

Он кивнул, и я заметила, что он порывался сказать ещё что-то, но лишь покачал головой, вручил мне оба конверта и быстрым шагом покинул комнату, закрыв за собой дверь. Пребывая в некой растерянности, я не сразу взялась открывать эту тайну. И даже спустя минуты всего лишь смотрела на запечатанные бумаги, размышляя о том, что даст мне долгожданное посвящение. Я не чувствовала страха, потому что знала своего мужа: он мог попросту преувеличивать, такое иногда бывало.

И только на одно мгновение я задумалась о том, что могла бы возненавидеть его. Он сам говорил так: некоторые его действия могли заставить меня отвернуться от него. Но всё уже было неважно, я приблизилась к краю и была готова. Я любила Джейсона, несмотря на его странности и наше общее с ним начало.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Нетерпеливо я стала открывать первый конверт: там лежали всё те же фотокарточки и парочка чётких, но потрёпанных дагерротипов в серебряных рамках. Мэгги Уолш. Почти везде была изображена она, позируя совершенно обыкновенно. Всего лишь фотографии, и я не увидела в них ничего сверх ужасного. Всё те же изображения, та же подпись на задней стороне одного из них.

С большим волнением я принялась распечатывать письмо. Я сразу догадалась, что его написала Мэгги Уолш, таким же каллиграфическим почерком была подписана фотокарточка. Я читала внимательно, не пропуская ни слова. В комнате было достаточно света; стало совсем тихо, когда я услышала в голове собственный голос:

«Любимый мой Роберт!

Если бы ты только догадывался, до чего же скучным оказался этот зелёный юнец, мой так называемый супруг! Ты так верно охарактеризовал его при первой встрече пять месяцев назад: замкнутый маленький щенок, полностью зависимый от своего деда-тирана.

Я ненавижу этого противного старика, буду надеяться, что ему осталось недолго... Кстати, если тебе любопытно, моя горничная готова приправить один из ужинов старика, чтобы он как можно крепче спал. Только молю тебя, никому не сообщай об этом!

В прошлый раз ты спрашивал меня, что представляет собой Джейсон Готье в жизни. Так вот, я готова тебе ответить: этот мальчишка ужасно пугливый, к тому же холодный, как камни в полях к востоку от Лондона! Я представляю тебя, читающего эти строки, и твою неотразимую, уверенную улыбку, мой милый. Я бы всё отдала, лишь бы быть рядом с тобой и подальше от этих вечно угрюмых полуживых мертвецов.

Должна заверить тебя, любимый, мой муженёк не представляет собой ничего. И ты зря волновался и так яростно ревновал! Он ни за что не займёт твоё место в моём сердце, там и так нет места ни для кого. Ты один в моих мыслях, и даже в ту ночь, когда я сжалилась над этим мальчишкой и позволила ему прийти в мою постель, я клянусь, что думала только о тебе, твоих губах, целующих меня. Он не умеет ничего, и я бы посмеялась в его смазливое бледное лицо, если бы не мысли о тебе...»

Этой части для меня было более чем достаточно, чтобы догадаться о многом. Я поняла, что Мэгги презирала Джейсона с самого начала, хоть и не знала причины, по которой она вышла за него. Я поняла, что некий Роберт — это её родной брат. Тот самый, который так нагло и бесцеремонно проявил ко мне интерес.

Вспомнив его беспечную манеру говорить и прямые намёки предложения стать его любовницей, я дёрнулась и повела плечами, как от холода. Не удивительно, что они с Джейсоном так относятся друг к другу.

Похоже, что Мэгги обожала одного единственного человека — своего брата. Но её манера проявления этого самого обожания заставила меня предположить нечто совершенно неприемлемое, такое, отчего во рту появлялась неприятная горечь. Я не могла чётко сформулировать эту мысль, и даже моё тело противилось подобному. Но, собравшись с духом и дочитав письмо до конца, я всё поняла. И мои самые первые мысли подтвердились:

«... о том, как хорошо нам было вместе!

Почему люди так восхваляют Бога, когда он обрушивает на нас тяжкое бремя запрещённой любви, Роберт? Чтобы люди осуждали нас и отовсюду гнали, будто прокажённых! И я была вынуждена выскочить замуж за первого встречного сопляка с отменной репутацией, чтобы закрыть эту шкатулку Пандоры и запереть на замок все наши с тобой тайны. Но ты должен знать: ты всегда нужен мне. И если я прошу тебя приехать, ты должен сделать это.

Готье и его дед никогда не поймут, пока мы будем встречаться тайно. И подумай сам, милый: мы с тобой — одно целое, семья, которую нельзя разделить. Если мы и будем появляться на публике, никто не догадается о нашей связи. Я буду держать Готье достаточно близко, так близко, чтобы пустить дым в глаза обществу. Мой несчастный, такой невинный супруг слишком наивный для подобных сплетен. Поверь, ему просто всё равно.

Но то — всего лишь занавеса, защита для меня и тебя, Роберт! Мы будем очень осторожны. Не беспокойся за Готье. Не беспокойся о том, что я разлюблю тебя. Никто не помешает нам быть вместе...»

Я не могла больше прокручивать это у себя в голове. По привычке аккуратно сложила лист бумаги обратно в конверт и вернула его на стол. Оставался ещё конверт, но я была слишком шокирована, чтобы даже подумать открыть его. В этот момент, когда я в растерянности стояла у стола, дверь приоткрылась, и Джейсон вошёл в кабинет. Он

медленно подошёл ко мне, взглянул на второй конверт, ещё не распечатанный, хмыкнул и сказал, не скрывая презрения:

— Ты ещё не дошла до самых пикантных подробностей.

— Что в этом конверте? — спросила я, еле шевеля пересохшими губами.

— Ещё одно доказательство порочности их семейки, — Джейсон небрежно махнул рукой и вздохнул. — Здесь письмо от Роберта... ей. Ему бы позавидовал любой поэт, поверь мне. Таких страстных любовных описаний с многочисленными пошлыми подробностями я никогда в жизни не читал.

— Зачем он писал своей сестре о том, как они... как они сами занимались...

У меня язык не поворачивался говорить о таком. В отчаянии, охваченная смущением, из-за которого кровь прилила к моим щекам, я подняла на мужа глаза, чтобы просить его не заставлять меня саму произносить подобное. Он понял это сразу и не стал меня мучить.

— Это одно из самых поздних их писем друг другу. Когда им стало скучно играть в одиночку, они включили меня в свою игру, — сдавленный голос не был похож на его собственный, будто кто-то сжимал ему горло. — Мой дед умер, и я завладел его домом, деньгами и прочим. Я был превосходно обеспечен и превосходно одинок. Мэгги поняла это и почувствовала свободу. Они с братцем больше не хотели держать меня в неведении. И однажды я обнаружил одно из писем и прочёл... Забавно, ведь я не сразу догадался о том, что письма они стали подбрасывать мне нарочно. Просто чтобы заставить меня разозлиться...

— Так ты знал? — прервала его я, с трудом представляя себе всё, о чём он рассказывал. — И что же ты сделал с ними?

— Вот теперь мы подошли к самой сути, Кейт, — произнёс он глухо и отчаянно, и я напряглась. — Не так важно, какие законы они с Робертом нарушили, земные или Божьи, не так уж важно, что брат с сестрой любили друг друга и были любовниками. Весь смысл в том, что я не сделал ничего. Да, ты не ослышалась, я ничего не предпринял. Поначалу, конечно, мне было странно знать такое. Я впервые столкнулся с подобной связью, но потом... Я осознал, что был слишком равнодушен к Мэгги, к ним обоим. И они делали, что хотели... Несколько раз он даже оставался в моём доме, и я мог слышать его шаги по коридору, как после полуночи он приходил в её комнату...

Он резко отвернулся, и в воцарившейся тишине я слышала лишь его тяжёлое дыхание. Несколько минут в давящем напряжении я стояла, уставившись в его спину, обдумывая всё, что он сказал. И вдруг я поняла, что во всей этой истории не было ни одного победителя или проигравшего. Все они оказались несчастны, почти в равной степени, и меня укололо сожаление в отношении Мэгги и её брата.

Как назло я вспомнила Коллет и её нынешнего мужа. Между такой непосильной любовью была совсем призрачная разница, но я уловила только схожести.

И всё, чего я опасалась до этой минуты, всё, что якобы подстерегало меня на пути и должно было напугать, стало невзрачным, призрачным, и в один миг вдруг просто исчезло. Мне не было дела до чужой запретной любви, потому что я нашла свою, и ничто не мешало мне владеть ею.

Эта мысль была настолько чарующей и бодрящей, что я в один миг ощутила, как с души упал некий груз, и я была счастлива, по-настоящему счастлива.

Улыбаясь таким мыслям, я положила руку на свой живот, неожиданно осознав, насколько мне повезло, и я, будучи вовлечённой в этот чужой порочный круг, оказалась

сильнее всех. Мне не хватало лишь одного, и теперь я была готова горы свернуть, лишь бы получить это.

— Я беременна, — прошептала я на выдохе.

Когда Джейсон обернулся и посмотрел на меня, мне захотелось смеяться, потому что на его лице отразилась вся гамма чувств, насколько это было возможно: страх и удивление, радость и недоверие. Совершенно поражённый он сделал шаг ко мне, протянул правую руку, но так и не решился коснуться меня. Я видела, как дрожали его руки, поэтому сама вложила свою ладонь в его тёплые пальцы.

— Ты полностью уверена или... — Джейсон запнулся, с трудом произнося слова. — Может, ты поспешила немного?..

— Возможно, но пока все признаки указывают на это. И мне хочется верить, очень хочется.

Я никогда не забуду того, как скоро он расслабился; будто кто-то смахнул напряжение, провёл вдоль его тела ладонью и снял всё беспокойство и раздражённость. Джейсон спокойно выдохнул, закрыв ненадолго глаза, затем приблизился ко мне, мягко положив руки мне на плечи.

— Я ожидал другого, Кейт, — сказал он. — Я ждал, что ты будешь испытывать ко мне презрение, отвернёшься от меня.

— Почему бы? Ты ни в чём не виноват. Это не был твой грех, но ты нёс его с собой на протяжении стольких лет! Я бы скорее поверила в твоё благородство и желание сохранить чужую тайну.

— Ты умеешь отыскать лучшее из того, что тебе дают. Кто бы захотел делить свою жизнь с безвольным человеком, которого даже мужчиной трудно назвать... — произнёс он со смешком и пристально посмотрел мне в глаза. — Это были её слова. До того чётко я помню, как она произносила это, что до сих пор не могу выкинуть из головы... Но сейчас всё стало таким... другим. И то, что ты мне сказала...

— Я знаю, — голос мой звучал теперь уверенно, — знаю, правда. Так разве может быть что-то важнее?

И я не сразу осознала, как близко оказалась к нему, сначала его руки просто лежали на моих плечах. Затем его лицо оказалось напротив моего, и я ощутила тёплое дыхание на губах и знакомую дрожь, ледяную, сладкую; она сковывала меня, моё тело больше не принадлежало мне, и я жаждала отдать его, поделиться этим неискушённым инструментом с его истинным хозяином. Никогда я не думала, что зависимость от мужчины будет настолько приятной. Настолько, что я готова была кричать о любви к нему.

Когда он очень нежно поцеловал меня, я не сдержала первого стога, сорвавшегося с моих губ, и вцепилась в мягкий ворот рубашки пальцами. Его прикосновения затуманивали разум, и я чувствовала лёгкость во всём теле. Ну, почти во всём...

Я скучала по нему, он был нужен мне. Слишком долгое время я провела одна, и теперь ждала, когда он наполнит меня своим теплом и любовью. Пусть он до сих пор не сказал мне тех заветных слов, не ответил, как я того ждала, но даже это было не столь важно.

О Боже, как он мог ненавидеть себя и презирать из-за действий злой женщины, которая пыталась внушить ему отвращение к самому себе, когда один единственный его взгляд способен был заставить меня упасть на колени? Как он мог не замечать своего превосходства над теми, кто заставлял его чувствовать себя ущербным? У них не было и капли той силы, которой он владел.

Я завидовала Мэгги Уолш, ведь только у неё было целых десять лет рядом с ним! Десять лет, чтобы смотреть на него каждый день, касаться и целовать, когда захочется... Десять лет и тысячи ночей, чтобы любить его... Как же я завидовала ей и осуждала...

— Я так люблю тебя, так сильно, так сильно... Ты даже не представляешь... — шептала я, прерываясь на поцелуи.

Если нужно было, если бы он только сказал, я кричала бы об этом...

Я лишь смутно представляю, как скоро мы вернулись в спальню, точнее, Джейсон отнёс меня туда на руках. Мы забыли о погроме в его кабинете, я даже не побеспокоилась о том, чтобы он закрыл дверь в спальню на ключ. Поставив меня у кровати, Джейсон стал раздеваться; выглядел он не слишком грациозно, а меня позабавила эта ситуация, и в то же время польстило то, как он торопился.

Я успела только снять халат и стянуть через голову длинную ночную сорочку, когда увидела его обнажённым. И я застыла на месте, объята восхищением и желанием. Меня и раньше приводило в восторг его тело, но в ту минуту я не могла прекратить разглядывать его.

Джейсон оказался рядом слишком быстро, потянул за собой на постель и откинул одеяло к изножью кровати. Он опирался на руки надо мной, а я лежала неподвижно; мы смотрели друг другу в глаза, и я понимала, что он готов был мне ответить. Пока наши тела горели от физической жажды и желания, моя душа тянулась к нему, а сердце билось так часто только для него.

И прежде чем сделать первое движение, он полушёпотом произнёс то, что я хотела услышать, и даже больше:

— Спасибо тебе... За всё, Кейтлин, за всё. Я люблю тебя, и теперь ты знаешь... только это короткое время с тобой искупает всё долгое время моего горького одиночества.

С моих губ сорвался вздох, и я не успела ничего ответить, хотя порывалась сказать так много, достаточно для того, чтобы эти слова заверили его в моей любви, но для слов больше не было времени. Джейсон выпрямился надо мной, затем встал на колени у самого края кровати и резким движением подтянул меня к себе. Он сам развёл мои ноги в стороны, сжал руками колени и оставил короткий, влажный поцелуй на животе. И я успела подумать лишь одно: «если он сделает это, я, наверное, умру...»

Сначала я ощутила только его горячее дыхание на внутренней стороне бедра, как раз там, где кожу не прикрывал краешек чулка. И уже потом его язык, бесстыдно ласкающий меня, и губы, будто он пил меня и пробовал на вкус, а мне не оставалось ничего, кроме как стонать и дёргаться в его руках. Его губы прижались к моей плоти, и язык вошёл так глубоко, как только было возможно; в тот момент мне показалось, что я взорвусь из-за охватившего меня жара. Я была близко, совсем близко к тому, чтобы потерять контроль, когда он вдруг остановился, снова выпрямился и поцеловал меня в живот. Левую руку он переместил выше, он мог дотянуться до моей груди, и, когда его пальцы сжали её достаточно сильно, я вскрикнула, настолько острыми были ощущения.

Я знала, что могла реагировать так из-за беременности, возможно, и Джейсон знал это. Любое его ласкающее прикосновение сводило меня с ума, и я кусала кулак, лишь бы не закричать слишком громко. Болезненно-сладкий жар уже немного ослаб, когда Джейсон снова потянулся ко мне, и его язык принялся ласкать меня гораздо настойчивей. Было только одно — ощущение его мягких губ и влажного языка, и странный ритм движений, почти резкий, но достаточно медленный, чтобы удерживать контроль надо мной. Я знала,

как выглядела со стороны: бесстыдно открытая, с диким взглядом и распухшими губами.

В последний раз я почувствовала, как Джейсон накрыл ртом мою плоть и чуть надавил языком, и тогда я выгнулась, едва подавив отчаянный стон, в котором вылилось моё долгожданное освобождение. И пусть он уже делал со мной подобное, но теперь это было намного лучше, острее и сильнее. Я открыла глаза, придя в себя, и уставилась в потолок; правой рукой я сжимала свою грудь, хотя ранее даже не заметила этого. Я была совершенно опустошена, не могла даже свести колени вместе. Джейсон поднялся и посмотрел на меня, и я увидела на его губах собственную влагу.

— Жаль, что ты не видишь себя со стороны, — произнёс он хриплым голосом, всё равно кажущимся мне слишком красивым и успокаивающим. — Ты прекрасна. И мне больше ничего не нужно.

Я была переполнена нежностью и любовью к нему. Моя слабость казалась ничем по сравнению с тем, как билось сердце, стоило мне взглянуть в пристальные серые глаза, неотрывно следящие за мной. Я улыбнулась и выгнула спину, показав так, что ждала его.

— Твоя очередь, — сказала я, мысленно надеясь, что он услышал, ведь я была неспособна говорить громче.

Он оказался достаточно близко, совсем рядом, наконец. И мне больше ничего не было нужно. И снова всё случилось, как в самом жарком сне. Его горячее, твёрдое тело закрыло меня, я крепко обхватила ногами его бёдра, пока его руки скользили по моему телу. Наши губы встретились, и я пыталась контролировать нашу страсть в этот раз. Но его язык раскрыл мои губы, и поцелуй был резким, прерывистым из-за нашего общего дыхания. Я хотела владеть им, сделать так, чтобы он понял, что принадлежал мне. С диким рвением я отвечала ему, прижимая к себе. Когда его левая рука оказалась между нашими телами, я поняла, что он больше не мог медлить, и я не собиралась заставлять его ждать.

Он оторвался от меня лишь один раз, всего на пару секунд; я ощутила, как медленно Джейсон стал входить в меня, затем резко толкнул бёдрами, и тут же оказался во мне, полностью и так быстро. Слабость сняло, как рукой, и было только тягучее чувство слияния; его твёрдая плоть скользила во мне в идеальном ритме, и поцелуями он забирал мои частые стоны, которые я не могла сдерживать. Я не могла поверить в то, как быстро он заставил меня ощутить желание, и я была напряжена до предела не меньше, чем он.

Ему не нужно было делать ничего, чтобы снова подвести меня к блаженству. И в наивысший момент страсти он отпустил мои губы, приподнялся на локтях и застонал. Одного лишь этого звука мне хватило, чтобы самой потеряться в наслаждении, которое мы с ним разделили. Джейсон ещё двигался, когда моё тело совершенно обмякло, и на мгновение я перестала что-либо чувствовать. Он замер, оставаясь во мне, затем прижался так тесно, что мне показалось, будто так он искал защиты. Пытался скрыться со мной, во мне.

Его губы вновь отыскивали мои, и мы никак не могли насытиться друг другом. И разве я не была самой счастливой женщиной на свете? Он любил меня. Эта мысль разжигала во мне огонь сильнее всего. И я любила его, я сходила с ума из-за него. Только он один существовал для меня, и его нежный шёпот, слышимый в полутьме... мягкий, тягучий голос, напоминающий мне сладкий мёд, и он повторял, оставляя влажные поцелуи на моих губах:

— Кейтлин, Кейтлин...

Я была той, кто сделала его счастливым, этот факт полностью оправдывал нашу первую встречу и те обстоятельства, при которых мы поженились. Больше меня не волновало ничего в этом мире.

Его руки не прекращали ласкать моё тело, когда я полностью расслабленная лежала рядом с ним. Джейсон целовал меня снова и снова, пока его пальцы скользили по моему животу, дразняще касаясь чувствительных мест. И я всматривалась в его спокойное лицо, видела полуулыбку на губах и боролась с желанием прикоснуться к маленькой родинке на его шее. И, наконец, я могла говорить с ним о том, как любила его, на истинном языке любви. А он повторял за мной итальянские слова с удивительной правильностью. Никто ещё не делал меня такой счастливой. Я даже не думала, что такое случится. Я и не думала, что это будет он.

Один и тот же сон преследовал меня уже третью ночь. Несмотря на то, что ноябрь оказался самым продуктивным месяцем для всех нас, и мы с мужем, наконец, пришли к некоей идиллии, меня не покидало тревожное чувство, возникающее время от времени, стоило мне остаться наедине с самой собой. Я знала чужие тайны и пообещала Джейсону хранить их от Эдварда и его семьи, в общем, от всех. Я прекрасно понимала, что могло бы произойти, узнай Роберт Уолш о моей осведомлённости, и не собиралась испытывать судьбу.

Всё, чего я хотела, я уже получила. Я должна была совершенно успокоиться. Но некоторые неприятные мелочи имели место быть и порой приводили меня в замешательство.

Коллет не отвечала на мои письма, а ведь они даже не возвращались обратно. Значит, доходили по назначению и попадали в руки ей или её мужу.

И тот сон, заставлявший меня просыпаться в холодном поту, дрожащую и беспомощную. Я смотрела на себя со стороны, бредущую по пустому пожелтевшему полю с небольшим свёртком на руках. Я чувствовала себя потерянной, обделённой. Будто героиня Бронте, я бродила в одиночестве в поисках убежища и ждала, что мистер Рочестер позовёт меня домой. И гремел гром, лил самый мощный дождь, какой только можно было представить, а мои ноги увязали в грязи. Я защищала неподвижный свёрток в своих руках и плакала, не прекращая, снова и снова.

Ни Дженни, ни миссис Фрай, которая была гораздо осведомлённей в толковании сновидений, не сказали мне ничего внятного. Я отказывалась верить в то, что сон касался моего будущего ребёнка, это пугало меня больше всего.

В то утро, особенно холодное и серое, я проснулась слишком рано. В доме было тихо, за окном густой серый туман застилал вид на задний двор и сад. Джейсона не было в постели, и я мгновенно ощутила, как мне его не хватало. Обычно мы просыпались вместе, он будил меня неторопливыми ласками и нежными поцелуями. Я начала привыкать к его постоянному присутствию рядом. Хотя мой живот был едва заметен, узнав новость Дженни едва не плакала от счастья, а Джейсону внушила, что мне необходимо было уделять больше внимания.

Но странный сон, где я страдала по непонятным мне причинам, снова повторился, и вот я сидела на постели, подтянув одеяло к груди, и смотрела на запертую дверь спальни. Через минуту Джейсон вышел из ванной комнаты, и я подняла на него глаза. Его тёмные волосы ещё были мокрыми, и я заворожённо проследила за несколькими каплями, стекающими по его лицу. Джейсон провёл рукой по влажной шее и, нежно улыбнувшись, посмотрел на меня.

— Доброе утро, милая. Почему ты проснулась? Я слишком шумел?

Я взглянула на слабо завязанный пояс его парчового халата и напрочь забыла о влажных волосах.

— Куда ты уходишь так рано? — поинтересовалась я, кусая губы.

— Я должен навестить Анри на стройке, чтобы вместе мы могли закрыть её до февраля. — Джейсон подошёл ближе и сел рядом, накрыв тёплой ладонью мою коленку. — Ты побледнела и взмокла. Что с тобой? Ты не заболела?

— Просто дурной сон, и всё.

— Снова тот же сон, что и на прошлой неделе? — он странно улыбнулся, будто вспомнил что-то неприятное. — Я попрошу миссис Фрай прекратить свои эксперименты с травяным чаем, которым она так любит тебя поить.

Я не разделяла его настроения и просто отвернулась, тогда он осторожно взял мои руки в свои и поцеловал сжатые пальцы.

— Почему у тебя такая холодная кожа? — спросил он, посерьёзнев, и снова прижался губами к моим рукам. — Я попрошу горничную принести тебе ещё одеял...

Прежде чем он поднялся, я остановила его, потянув за рукав халата. После дурного сна, в такое утро, кажущееся слишком серым и давящим, для меня не было лучшего лекарства, чем он сам. И я сказала, кусая губы:

— Не нужно никого звать. Останься со мной ещё чуть-чуть. И согрей меня.

Джейсон взглянул на меня с явным удивлением, он не был готов к такому. Раньше я сама никогда не просила его заняться со мной любовью, потому что у меня просто не хватало смелости быть первой. Но каждый раз, когда он желал меня, не возникало даже мысли возражать.

Его замешательство не продлилось и несколько секунд, Джейсон быстро сбросил халат и забрался под одеяло, прижавшись ко мне всем телом. Его волосы были мокрыми, а горячая кожа приняла аромат ягодного мыла, и у меня закружилась голова от внезапных ощущений, когда я притянула его к себе, обняв за плечи. Наши губы встретились в самом неистовом и жарком поцелуе; он не отпускал меня, даже когда пытался принять удобное положение. Нам пришлось прервать поцелуй, когда Джейсон встал на колени между моих ног, задрав ночную сорочку к самому животу, и я подумала, что он хочет снять её с меня.

— Нет, на это нет времени! — рыкнул он глухо. — Боже, Кейтлин! Как хорошо, что ты такая маленькая, и я могу пробовать тебя всю.

Меня бросало в жар от того, что он говорил. Иногда это были французские слова, смысл которых я не понимала, но звучали они слишком соблазнительно, и я хотела попросить Джейсона позже рассказать мне, что они означали, если бы могла трезво мыслить и не забыла об этом.

Он почти рванул ворот моего одеяния, чтобы оголить грудь, но мне было всё равно. Стоя на коленях, он склонился надо мной, опираясь обеими руками на постель, и стал жадно целовать мою шею. Пока я изгибалась под ним, пытаюсь выгнуться и приподнять бёдра, он оставлял обжигающие поцелуи на моей коже, опускаясь всё ниже. Я старалась касаться его везде, где только могла дотянуться. Резкое ощущение давления в моей груди всё нарастало, превращаясь в тугий ком, и мне было почти больно, если Джейсон ласкал губами и языком мои груди.

— Тебе нравится, Кейт? Так хорошо? — звучал его голос, и, приоткрывая глаза, я видела его слегка покрасневшее лицо напротив своей груди. — Я так сильно тебя люблю.

— И я люблю тебя... Джейсон...

Боже, кто бы знал! И я сама не представляла, что человек, которого я совсем не знала три месяца назад, станет для меня настолько дорогим, настолько родным, практически центром моего мира. Как же хорошо было забыться вместе с ним, отбросить все разделявшие нас когда-то разногласия и просто оказаться близко друг к другу! Осознание внезапного счастья не покидало меня ни на минуту, стоило мне лишь взглянуть в любимые серые глаза, в которых (я верила) так ярко светилась взаимность и любовь.

Он слегка подтянул меня выше, и я откинулась на большую мягкую подушку, прогнувшись в спине. Стало почти жарко, так что мы смяли одеяло, отпихнув его куда-то в сторону. Я чувствовала мягкие губы на своей шее, и как Джейсон неторопливо водил свободной рукой по моему уже совсем не плоскому животу. Затем он прошептал, подавшись ко мне и крепко прижавшись к моей груди:

— Видимо, для нашего... общего спокойствия мы должны делать это несколько раз... за день!

— Тогда придётся торопиться... потому что скоро я стану слишком большой и раздражительной для такой роскоши, — сказала я, и Джейсон тихо засмеялся.

— Это для меня является роскошью — любить тебя, Кейт...

Он снова принялся целовать меня, я же нетерпеливо захныкала и попыталась прижаться к нему бёдрами. Это было странно знать, что он полностью обнажён, а я — всё ещё одета, но больше меня это не волновало, потому что я уже ощущала его пальцы в себе, как он обычно подготавливал меня к близости. Я бесстыдно застонала и резко выгнулась ему навстречу... когда кто-то вдруг громко и настойчиво стал стучать кулаком по массивной двери спальни.

Я вздрогнула от неожиданности и уже не смогла сосредоточиться, потому что стук всё не прекращался. Джейсон выругался, уткнувшись лицом в подушку, и я не сдержала улыбки, услышав его недовольное бурчание напротив своего уха.

— Кто бы это ни был, тебе надо открыть, — прошептала я, и Джейсон посмотрел мне в лицо.

— Я бы лучше проигнорировал их, — ответил он и потянулся, чтобы поцеловать меня, но некто за дверью уже терял терпение.

А затем мы услышали недовольный голос Эдварда. Он в весьма взволнованной манере просил брата открыть ему. Я погладила Джейсона по растрепавшимся волосам и велела ему встать. Пока он с нескрываемым недовольством поднимался и надевал халат, то и дело рассыпая проклятиями в адрес старшего брата, я куталась в одеяло и едва сдерживала смех. Мой муж ещё никогда не выглядел более забавно. И хотя было немного обидно, он уже достаточно утешил меня; к тому же это было всего лишь одно прерванное утро.

Джейсон приоткрыл дверь спальни и что-то очень тихо сказал брату. Он не пустил его в комнату, так что я не слышала и части их короткого разговора. Через минуту, не дольше, муж вернулся ко мне, сел рядом, и я увидела, что он был расстроен и чем-то подавлен. Джейсон взял меня за руку и посмотрел прямо в глаза:

— Эдвард получил телеграмму. На стройке произошёл несчастный случай. Анри и один из его помощников оказались... на неустойчивых лесах... вдвоём. Они упали.

Я не нашлась, что сказать. Во рту пересохло и стало неприятно горько. Джейсон молчал, бездумно глядя на смятое одеяло, укрывавшее меня.

— Мне так жаль! Они сильно пострадали? — я слабо сжала его руку в своей, и он вздохнул.

— Рабочий отделался ушибами и синяками. Но Анри повезло меньше. Там была твёрдая земля... Он сломал ногу. Сейчас его уже увезли в госпиталь.

Я пододвинулась ближе и обняла мужа под грудью. Что ещё я могла сделать, кроме как утешить его? Мягкий халат мужа щекотал мне кожу, я потёрлась щекой о ткань и вздохнула. Я слушала, как бьётся сердце Джейсона, и чувствовала тёплое дыхание на своей макушке, когда он говорил:

— Это ужасно. И меня снова не было там.

— Вот ещё! — возмутилась я, не поднимая головы. — А вдруг ты бы пострадал? Ты хоть представляешь, каково было бы мне и твоему брату?

— Кое-что случилось, когда я обучался во Флоренции, и учитель оставил на меня нескольких рабочих. Один из них погиб. Совсем ещё молодой парень оказался погребённым под каменной стеной, обвалившейся из-за ошибки в моих чертежах...

Его голос звучал так тихо, так печально и виновато, что я с трудом подавила слезливый вздох. Он проносил через себя это горе, и я представить не могла, как тяжело было нести этот груз на душе столько лет. И вспоминать об этом теперь.

— Ты не виноват, — сказала я, подняв глаза; наши лица отделяли всего пара дюймов. — Не нужно брать это на себя. Только не сейчас.

— Спасибо, Кейтлин.

Когда он поцеловал меня, положив ладонь мне под голову и томно застонав в мои губы, я безвольно обмякла в его руках. Иногда я боялась той власти, которую он имел надо мной: стоило Джейсону коснуться меня, и я оказывалась не способной мыслить здраво. Это странное противоречие сложно было объяснить. Я знала, что любовь могла творить с людьми странные вещи, но, кажется, мне просто не удавалось избавиться от тревожного ощущения, словно моя привязанность должна была привести к чему-то ужасному, непоправимому.

Порой случается так, что встреча с человеком, которого вы уже не ожидали увидеть, происходит, будто вам назло. В один из последних дней ноября мне не повезло остаться одной в гостях у очередной подруги, хорошей знакомой Лоры Смитт, вместе с несколькими леди, которых я никогда до того дня не имела счастья знать. Для меня не было ничего хуже, чем проводить время в обществе умудрённых жизнью матрон, много лет знающих друг друга, отчего я чувствовала себя белой вороной рядом с ними.

Если бы не моё воспитание, вряд ли я задержалась бы в том доме. Но мой муж был слишком занят, чтобы, как полагается, проводить меня домой. Зато у него хватило наглости привезти меня туда, не пробыть со мной и десяти минут, а затем просто отлучиться, якобы по важным делам.

Я старалась не обижаться: Анри всё ещё чувствовал себя очень плохо, и Джейсон был расстроен настолько, что несколько дней с того момента, как узнал о несчастном случае, пребывал в угрюмом настроении, мало разговаривал с нами и дольше положенного задерживался у себя в кабинете.

И я действительно старалась не обижаться. Почему-то тогда это у меня не получалось. Стоило бы винить во всём моё положение, но я жаждала едва ли не ежеминутного внимания, а Джейсон мог просто отдалиться, как он всегда это умел.

Неужели всё дело было в тяжёлой вине из-за смерти молодого рабочего, которую он ощущал после стольких лет? Терзало ли его что-то ещё? Он не говорил со мной об этом, и я не могла ему помочь.

Я обдумывала это, снова и снова прокручивая в голове незначительные моменты последних дней, пока Лора и её болтливые знакомые хихикали над рассказами одной пожилой модистки — самой яркой сплетницы Бантингфорда. Чтобы не взвыть от скуки или не броситься прочь из комнаты, наполненной неприятным смехом и приторным запахом сладких пирожных, я решила сыграть на пианино несколько любимых итальянских баллад. Голос уже стал подводить меня, возможно, я волновалась, к тому же, мои руки предательски

задрожали, и я, извинившись перед всеми леди, вышла на небольшую террасу, подышать свежим воздухом.

В тот холодный день на мне было самое дорогое платье из плотной ткани бежевого цвета, которое Джейсон подарил мне несколько недель тому назад. Я ненавидела этот модный наряд за его цену, к которой мой муж отнёсся, как к пустяку. Ещё пару лет назад на такие деньги мы с матерью и Коллет смогли бы спокойно прожить не меньше месяца. Но вот, теперь это дорогое, но красивое платье и прилегающая к нему меховая накидка, были на мне; разглядывая белые манжеты на рукавах, я вспоминала о Джейсоне и его подарках, которые он делал Коллет за несколько дней до свадьбы... ставшей моей. Это было чужое венчание. Но сколько же времени прошло с тех пор, и как много изменилось! Во мне, в моём муже.

Когда позади меня скрипнула дверь, я обернулась, стоя у широких перил, и увидела брата Мэгги Уолш — Роберта. Он почти не изменился с нашей последней встречи, был элегантно одет и, как и прежде, излучал мужественность и высокомерие, сквозившее в каждом его движении.

— Неужели сегодня мне так неожиданно повезло, и я, наконец, встретил вас снова!

Я смотрела ему в глаза, (порочные, тёмные глаза, как у его сестры), пока он не подошёл ближе и не остановился всего в паре шагов от меня. Мне не было страшно, только не теперь, когда я знала тайну его и Мэгги. К тому же, в доме было достаточно людей, чтобы его недопустимые действия не остались незамеченными.

— Что же вы молчите, дорогая? — спросил он с усмешкой. — Не надо меня бояться.

— Я и не боюсь.

— Ваш муж сегодня не сопровождает вас?

— Это вас не касается, — отрезала я и сделала решительный шаг вперёд.

Я ожидала, что он пропустит меня, но этого не случилось. Он разглядывал меня с высоты своего внушительного роста без всякого стеснения, и я начинала жалеть о том, что сделала такую ошибку — осталась одна.

— Что вы здесь делаете? — сдержанно спросила я.

— Один из гостей является моим давним приятелем...

— Разве провинция вас привлекает?

— Не совсем. Я люблю столицу, но с некоторых пор этот город меня не отпускает. — Он странно сверкнул глазами и чуть наклонил голову в бок. — Я полагаю, вы не получали моих писем, где я старательно пытался излить вам душу.

— Какие ещё письма?

— Значит, не получали. Я знал, что прислугу в доме Готье сложно подкупить, так что он, видимо, с радостью проверил каждое письмо, которое было адресовано вам.

Я ничего не могла понять, его слова будто оглушили меня. Этот человек пытался связаться со мной? Джейсон перехватывал мою почту? Тогда, может быть, и письма из Глиннета тоже?

Растерянная, я стояла перед ним, не зная, что сказать. Я снова посмотрела в его глаза и ощутила присущую ему властность, а таинственность его слов вызвала во мне едва ли не ужас.

— Хотите узнать, ангелочек, что было в тех письмах? — спросил он бесхитростно.

— Нет, меня это не интересует. Я не желаю слышать ни о вас, ни о вашей семье...

— Почему вы так упираетесь, Кейтлин? — его голос по-прежнему звучал ласково, но я

не могла не уловить в нём приказные нотки, от которых меня бросило в холод. — Поверьте мне, в этом нет ничего постыдного. Многие имеют своих фаворитов, даже будучи женатыми.

— Единственное, чего я хочу, это чтобы вы оставили меня и моего мужа в покое. Можете даже передать мои слова своей... любимой сестре.

Даже на расстоянии я поняла, что он напрягся. Но до этого упоминания мной его сестры не вызывали такой реакции. Что-то в моём тоне показалось ему подозрительным, и я испугалась. Я могла выдать себя, а заодно и своего мужа, просто потому что хотела задеть этого неприятного человека.

Я не могла пройти мимо него, к тому же он всем своим видом давал понять, что не собирався вот так заканчивать разговор.

— О моей сестре не беспокойтесь, — произнёс Роберт холодно. — Так что же? Вы и дальше будете терзать меня? Или всё-таки согласитесь хотя бы на одно короткое свидание...

Продолжи он говорить и дальше подобные гадости, я не смогла бы больше сдерживать предательски подступающие слёзы. Мысленно я умоляла, чтобы кто-нибудь пришёл мне на помощь. Кто угодно.

— И если уж вы так боитесь своего недотёпу-муженька, то уверяю вас, он ничего не узнает.

— Это не страх, это любовь! — выпалила я, сжав кулаки; наконец-то моя неловкость была вытеснена возмущением. — Мой муж — самый благородный и самый невероятный мужчина из всех! А вы вместе со своей сестрой не стоите и одного его мизинца! Узнай он о том, что вы предлагали мне сегодня, он бы просто стёр вас в порошок. Но я промолчу, не ради вас, а ради его же спокойствия, потому что я люблю его.

— Любите?

Несмотря на всю его самоуверенность, Роберт пасовал перед возможностью провала. Но по его довольной ухмылке я поняла: он готов был откровенно высмеять мои чувства. Что сразу же и сделал:

— Джейсона Готье нельзя любить. Возможно, вы ещё слишком наивны, ангелочек. Впрочем, это мне в вас и нравится... Нас с вашим мужем в женщинах привлекает много чего общего, кстати! А возможно, вы страдаете из-за недостатка внимания, отчего и выдумываете всю это романтическую чушь.

Я была зла, так чертовски зла! Но я знала, как должна была ответить. Слова сами сорвались с моих губ, а, когда стало поздно что-либо исправлять, я даже не поняла, что натворила.

— Вам ли не знать, какой жестокой бывает любовь. Никто не выбирает, кого любить, верно?

Красивое лицо Роберта побагровело, глаза налились кровью. Поразительно, с какой быстротой может меняться настроение у мужчин. Не будь я достаточно зла и возмущена поведением своего ненавистного собеседника, меня бы попросту напугал его злой оскал. И то, с каким напряжением он процедил сквозь зубы:

— Да, я знал, что Готье — глупец. Но не настолько же! Разве он не понимает, чем может обернуться его болтливость?

Странно было слышать эти слова и понимать, что его спокойствие медленно угасало. Смысл слов, которые Уолш с таким трудом произносил, доходил до меня постепенно. Я испугалась за Джейсона, за себя и за своего ребёнка, в конце концов.

— Никто мне не говорил, — солгала я неуверенно. — Я сама догадалась.

— Вы не умеете врать. Значит, теперь и вас посвятили в нашу маленькую семейную тайну? — Он самодовольно хмыкнул и расправил плечи. — Это меня огорчает. У вас сильные крылышки, ангелочек. И сегодня вы больно ударили меня своими крылышками. Так больно, что мне вряд ли удастся об этом забыть.

— Я не боюсь. Ни вас, ни вашу сестру.

И прежде, чем он снова открыл рот, я вскинула руку и произнесла:

— Я не то, что касаться вас... я даже смотреть на вас не могу. Вы омерзительны, порочны, и мне отвратительны. Мы больше никогда не увидимся. И, клянусь Богом, я надеюсь, что вы никогда больше не попадёте Джейсону на пути.

Я прошла мимо него, задев его мускулистую руку плечом. Кровь прилила к моим щекам, мне казалось, словно я горела в лихорадочном жару. И мне не хотелось разговаривать ни с Лорой, ни с её вездесущими соседками. Когда я избавилась от общества Роберта Уолша, сердце моё принялось часто-часто биться. Проходя через гостиную, я держала голову прямо, гордо, и всё из-за страха, будто если я опущу глаза и посмотрю в пол, то провалюсь сквозь него и никогда больше не увижу свет. Не выберусь, не вздохну.

Я не победила, я знала это. На меня давили злоба и жалость к себе самой, будто каменными плитами они придавливали меня к земле, а неведение и обида в очередной раз растаптывали моё спокойствие.

Роберт Уолш знал о том, что Джейсон рассказал мне тайну их с Мэгги порочной любви. И он грозился пресечь любые попытки разглашения этой тайны. Эти мысли терзали меня весь остаток дня... И то упоминание о письмах. Какие-то неприятные вещи он мог бы писать мне, а мой муж перехватывал их — правда ли это? Если правда, возможно, он мог перехватить весточки и от Коллет? А может быть, он сам писал ей? Почему он снова скрывал что-то от меня? Проклятый Роберт Уолш умудрился испортить всё, что только возможно было испортить, и посеять семена сомнения между мной и Джейсоном.

Мне отчаянно хотелось разрыдаться прямо по дороге домой, сидя позади кучера.

В ту ночь я не стала мучить Анаис со своим вечерним туалетом, под конец дня девочка едва стояла на ногах. А всё из-за надоедливой экономки, которая, не переставая, нагружала её домашними делами. По возвращению домой я с лёгкой небрежностью указала миссис Фрай на её место и сказала, чтобы она не трогала Анаис какое-то время. Из-за последнего разговора с Робертом я не могла как следует проконтролировать прислугу и приступить к своим обязанностям хозяйки Лейстон-Холл. Что ответила мне тогда экономка, я даже не запомнила.

Горничная ушла спать, рассыпаясь в благодарностях, а я, после того, как Анаис закрыла за собой дверь, ещё какое-то время неподвижно сидела перед овальным зеркалом, бездумно разглядывая себя. Мне нужен был Джейсон, мне нужен был мой муж, без которого я не представляла своей жизни. Но я не могла перебороть себя и забыть всё: его прошлое, преследующее нас, и то настоящее, которое он так мастерским сумел окутать тайнами.

Волосы я заплела в косу на правый бок, как обычно делала это перед сном, без Анаис. Я вышла в коридор, надев халат поверх пеньюара. Странно, что именно в тот момент я вспомнила слова отчима: как-то раз, увидев маму в её новом пеньюаре синего цвета, он хмыкнул и сказал:

— До чего же сильное оружие соблазна. Легче было бы спрятать под одеждой всё, а не оставлять мне волю для фантазий.

Тогда я не придавала значения его словам. Теперь я понимала, как же он был прав.

Дойдя до кабинета мужа, я остановилась, собираясь с духом, чтобы открыть дверь, но вдруг заметила, что она вовсе не была заперта. Из комнаты до меня донеслись голоса, разговаривали Джейсон и его брат. По старой (к сожалению, уже выработанной) привычке, я замерла и хорошенько прислушалась. В проёме между дверью и стеной я могла видеть только стол и книжные полки; братья находились в другой части кабинета, но я отлично их слышала.

— ... и то, как ты об этом рассказываешь... Господи, Джейсон! Когда ты превратился в это? — голос Эдварда звучал глухо, такого отчаяния с его стороны я прежде не замечала.

— Во что? Ты так и будешь обвинять меня, снова и снова, пока я стою перед тобой с обнажённой душой? Я тебе открылся для того, чтобы ты поддержал меня. Чтобы ты знал, как всё это началось, и понял меня. А в особенности Кейтлин.

Они говорили обо мне. Эта мысль будоражила моё воображение, и я пожалела, что не застала самое начало разговора.

— Я уже давно понял, братец, кем является твоя жена. Неискушённый, невинный ребёнок. И я больше ни в чём её не обвиняю. Когда я узнал её лучше, то просто не мог перестать думать о том, какие же вы разные!

Послышался недовольный стон, видимо, со стороны моего мужа, но Эдвард всё продолжал говорить, повысив тон:

— К чёрту всё! Я догадывался, что ваш брак был основан на обстоятельствах, которые вы оба скрываете, но это... это... У меня нет слов.

— Значит, ты считаешь меня монстром за то, что я сделал? — произнёс Джейсон отрывисто.

— Если хочешь так думать...

— Я знал, ты меня не поймёшь.

— Зачем тогда рассказал?

Повисло напряжённое молчание, я ждала и от нетерпения кусала губы.

— Видимо, я понадеялся. Или ошибся в тебе, — устало сказал Джейсон. — Как и ты ошибся во мне много лет назад, когда оставил меня здесь и сбежал в Америку.

— Не о том речь.

— Теперь ты всё расскажешь Кейтлин, да? — с сильным чувством спросил Джейсон.

— Нет, не расскажу. Хотя должен бы. Чтобы она узнала, какой ты на самом деле. Чтобы не оставлять её в неведении и уничтожить иллюзию той жизни, на которую ты её обрёк, — Эдвард тяжело вздохнул. — Нет, я ничего ей не скажу. Но я хочу, чтобы ты знал кое-что. Ты её потеряешь. Обязательно потеряешь, братец. Ты не сможешь скрывать от неё правду всю оставшуюся жизнь.

— Когда-нибудь я ей сам всё расскажу. Когда она будет готова, она поймёт. Потому что она уже любит меня.

Я не могла больше вынести этого. Моё тело охватила дрожь — то ли от разочарования, то ли от гнева. Обман, обман, кругом был один только обман! Возможно, мне стоило ворваться в кабинет уже тогда и заставить их обоих признаться, но я просто застыла в оцепенении у двери и была без сил думать связно.

— Одной только любовью ты себя не спасёшь, — прозвучал голос Эдварда. — Будь готов к худшему.

— Ты же сам сказал, что...

— Конечно, я буду молчать! Ты всё-таки брат мне.

— Спасибо...

— Я буду хранить твою тайну, но и в этом доме оставаться я больше не могу. Так что с последствиями своих поступков ты будешь справляться сам.

Это была последняя фраза, которую я услышала, потому что сразу же поспешила вернуться в спальню. Там я разделась и легла в холодную постель, укрывшись одеялом. Не было слёз, не было страха. Только непонимание и сдерживаемая ненависть. Моя сестра не отвечала на письма, супруг лгал о чём-то, и ложь та была настолько ужасна, что даже испугала его брата. Я чувствовала себя разбитой, и тонкая нить уверенности, за которую я ещё держалась, наконец разорвалась.

Через два дня после того, как слова Эдварда о том, что «в этом доме оставаться он больше не может», прозвучали в стенах Лейстон-Холл, я сидела у окна в спальне и смотрела на то, как в наступивших сумерках слуги укладывали большие чемоданы в специально подготовленный экипаж. Мы даже толком не попрощались с детьми, с Дженни, которая была сама не своя эти два дня. Впрочем, как и я. Но у её мужа хотя бы имелось оправдание: он бежал от обмана и лжи, от того, что скрывал Джейсон, потому что не мог с этим мириться. Они-то могли сбежать, а что оставалось мне?

Мой чай, заваренный в дорогом фарфоре, уже давно остыл, а я просто глядела в окно, согнув ноги в коленях под длинной юбкой платья. Анаис звала меня несколько раз подряд, но мне не хотелось заниматься иными делами.

Почему я живу иллюзией? Почему он ничего не рассказывает мне?

Я знала, если стану допытываться у супруга о том разговоре, он скажет, что просто хотел защитить меня. Как и всегда. Эдвард был прав: я всё ещё витала в облаках, упускала множество деталей, словно неискушённое дитя, и Джейсон сам приложил к этому руку. Я была влюблена, и мне нравилось это, пока не наступал очередной момент сомнения.

Назад пути не было, и я стала осознавать: если я не разберусь со всем сейчас, потом, возможно, будет слишком поздно.

Что ожидало меня впереди — было тщательно скрыто от меня. Но я сама была в силах поднять этот занавес.

Я вскочила на ноги, обулась в лёгкие тапочки и сбежала вниз, пока оба экипажа — пассажирский и с багажом — стояли у наших дверей. Забыв о погоде, о слугах, стоявших у главных дверей, о выпавшем прошлым днём снеге, белоснежными дорожками разделявшем мёртвые, жёлтые листья, я выскочила на улицу и подбежала к Эдварду, который уже стоял на ступеньке экипажа.

— Стойте! Пожалуйста, стойте! — крикнула я, но он даже не обернулся.

Моя рука легла на открытое окошко, когда мужчина уже скрылся в полутьме, и я просто не позволила ему закрыть дверцу.

— Прошу вас, пожалуйста! — взмолилась я. — Не оставляйте меня вот так! Вы что-то узнали, и теперь бежите! Пожалуйста, скажите мне...

— Тише, чёрт вас подери! — шикнул на меня Эдвард и высунул голову наружу. Вид у него был озлобленный. — Вы разбудите детей! Я едва успокоил Дженни...

— Так помогите же мне! Скажите, в чём дело. Нет, нет, не качайте головой! Я слышала, как вы говорили с Джейсоном о том, что он натворил нечто...

— Я обещал брату, Кейтлин, — вздохнул Эдвард. — Возможно, вы гораздо сильнее него, и я ошибался. Возможно, вы справитесь с тем, что он вам расскажет. Но когда это случится, вы останетесь наедине.

Эдвард порывался закрыть дверь, но я снова удержала её, крепко вцепившись покрасневшими пальцами в деревянную поверхность.

— Кейтлин, возвращайтесь домой, — строго произнёс он. — Если Джейсон увидит вас здесь, он будет в ярости... Я знаю, он вас слишком сильно любит. Прощайте!

Прежде, чем я успела что-то возразить, дверца хлопнулась, а через несколько мгновений я обнаружила, что экипажи уже отъехали. Меня колотило от холода, мозг

отказывался работать. Фонарь, прикрепленный к первому экипажу, освещал пространство вокруг него, и жёлтое пятно тряслось и металось из стороны в сторону, скользя по грязной дороге. В последний момент я увидела, как из окошка наружу потянулась маленькая ручка. Кто-то из детей проснулся и помахал мне.

Горестный стон вырвался из моего горла, и я обняла себя руками, стоя на холодном ветру. Затем я услышала полный тревоги голос миссис Фрай; экономка оказалась рядом со мной, накинула мне на плечи тяжёлое пальто и повела в дом.

— Милая, вы с ума сошли? Как можно так не беречь себя? — запричитала женщина, растирая мои руки. — Там такой холод, а вы полуодета! И что это у вас на ногах?..

— Они уехали, уехали так скоро...

Я не могла унять дрожь, и всё повторяла и повторяла, будто заведённая. Экономка позвала Анаис и кого-то из слуг. Через несколько минут я сидела, закутанная в плотный плед, с чашкой чая в руках. Мои пальцы и ноги отогрелись, но в мыслях ясности никакой не было.

— Видимо, они просто хотят встретить Рождество дома. В Америке. — Миссис Фрай присела в кресло напротив меня. — Сами знаете, дорогая, как долго и тяжело туда добираться.

— Они могли бы встретить Рождество и здесь, с нами, — пробормотала я.

— Американцы, одним словом!

Через несколько секунд откуда-то со стороны послышались скрипучие шаги, и в гостиную вошёл Джейсон. Мои глаза мгновенно поймали его взгляд — очень недовольный взгляд. На его чёрных волосах и сером пальто с высоким воротом ещё не растаял снег.

— Какого чёрта она ещё не спит? — рявкнул он так грубо, что даже несчастная миссис Фрай приподнялась с кресла. — Вы вообще смотрели на часы?

— Простите, мастер, мы...

— Что за посиделки вы здесь устроили?

Я была возмущена его тоном. Он не имел права так разговаривать с нами, нет, он уж точно такого права не имел! Наши взгляды встретились снова, и, пока Джейсон снимал верхнюю одежду, я спокойно отставила чашку на столик, улыбнулась экономке и сказала:

— Миссис Фрай, пожалуйста, скажите всем, чтобы отправлялись спать. Вам тоже нужно отдохнуть. Я сама о себе позабочусь.

Я поняла, что она была расстроена и недовольна поведением хозяина; кажется, раньше Джейсон вёл себя куда сдержанней. Мысль о том, что из-за меня он мог так перемениться, мне не очень понравилась. Послав экономке одобряющую улыбку, я оставила плед на спинке дивана и направилась прочь из гостиной.

— Куда ты? — муж сжал ледяными пальцами моё запястье, когда я проходила мимо него.

— Спать иду, поскольку ты не приемлешь столь позднее бодрствование, — отчеканила я, но он так меня и не отпустил. — Оставь меня!

— Кейт, в чём дело? Если ты злишься, что я прикрикнул на прислугу, то тебе давно уже пора привыкнуть к тому, что у каждого из них есть свои обязанности. Я соержу их и плачу им, чтобы они их выполняли. Обязанность миссис Фрай — приглядывать за тобой, если меня нет рядом...

Я не могла поверить в то, что он посмел говорить о таком, просто вырвала руку из его сильной хватки, хмыкнула и сказала:

— Не думала, что ты можешь быть таким грубияном.

— Послушай, это был тяжёлый день...

— Как я понимаю, отъезд твоего брата на тебя так же повлиял?

Он удивился, хоть и не желал этого показывать, однако, я заметила даже, как задрожали его руки.

— Эдварду захотелось справить Рождество дома, в Америке...

— Не держи меня за дурочку! Его дом здесь!

— Нет, Кейт. Это наш дом, твой и мой. А он со своими благородными замашками пусть катится к чёрту, — Джейсон сделал нетерпеливый жест рукой. — Больше его вечно кислая мина не будет здесь мелькать.

— Из-за чего вы поссорились? — спросила я, заранее ожидая, что муж соврёт.

— Никой ссоры не было, просто у нас кончилось терпение... по отношению друг к другу.

Мне так хотелось ударить его! Да так сильно, чтобы он это надолго запомнил! Пальцы покалывало от желания оставить на его красивом, раскрасневшемся лице след от пощёчины, а взгляд был прикован к серым глазам, кажущимся отчего-то слишком большими.

Мы смотрели друг на друга, а казалось, словно между нами была возведена стена, прочная и тяжёлая. Я не могла сломать её, не могла достучаться до этого человека, донести то, что хотела. Его устраивала скрытность, тенью залёгшая над его головой. Он прятался под ней и ощущал себя в безопасности. Он, но не я. Мне не было там места.

Оставалось смириться или... А что ещё мне оставалось?

— Спокойной ночи, — произнесла я с трудом и поскорее покинула гостиную.

Джейсон пришёл ночью, когда я лежала без сна почти у самого края постели. Стало непривычно не слышать голоса детей или Дженни, без них этот дом просто опустел. Глядя в темноту комнаты, я слышала лишь шорохи одежды, затем матрас позади меня прогнулся, и наступила тишина. Длинные пальцы коснулись моих волос, осторожно убрали прядь, упавшую на щеку. А после — поцелуй... Мягкий, нежный поцелуй я ощутила на виске, и как тёплая ладонь легла на моё плечо.

Я не была железной, и мои чувства к Джейсону всегда побеждали. Поэтому я никогда не устраивала скандалов, хотя знала о том, что он лгал. И его брат дал мне это ясно понять. И даже той ночью Джейсон был мне нужен, я хотела повернуться и обнять его, рассказать о любви. Но не сделала этого. Он должен был понять и усвоить, как урок, что я не была куклой, которой он мог руководить, или одной из его подчинённых, кому он отдавал приказы. Я не всегда могла быть рядом и уж тем более прощать его.

Натянув повыше одеяло, я повела плечом, и муж убрал свою руку.

— Я не хочу, — вот и всё, что я сказала.

В ту ночь он больше не касался меня. Как впрочем, и в последующие.

В середине декабря, пока, по словам экономки, Лейстон-Холл не подвергся зимним бурям, мой муж объявил о ежегодном приёме для своих богатых знакомых, а также не менее богатых иностранных коллег. Как-то вечером он так увлёкся, рассказывая о важности подобных мероприятий, о том, как повлияют они на его дело и, соответственно, нашу семью, что даже позабыл об остывшем ужине.

Миссис Фрай качала головой и ворчала, предугадывая хлопоты, с которыми приходилось сталкиваться и год назад, и два. И вот уже буквально на следующий день в доме

появились незнакомые мне люди: все они были заняты тщательным приготовлением к приёму.

— Приходится вызывать прислугу из гостиницы в городе, когда своих людей не хватает, — говорила экономка, пока мы расставляли цветы в столовой. — Иностранцы очень придирчивые, никогда не знаешь, какое впечатление оставишь после их очередного появления здесь.

— А я верю, что всё зависит только от человека, — сказала я тогда.

Миссис Фрай многозначительно пожала плечами и тактично промолчала. Чуть больше тридцати часов в доме царил непривычный хаос приготовлений, и впервые после отъезда Эдварда и детей я почувствовала, как ожил дом. Но моё настроение разнилось со всеобщим возбуждением перед встречей с гостями. К тому же, я всё чаще задумывалась о том, как быстро испаряется радость материнства. С каждой новой неделей я убеждалась в том, что даже в ранней беременности было мало приятного.

За день до прибытия первых гостей я читала в угловой комнате, переделанной в гостевую; беспокойная канарейка прерывисто щебетала и прыгала то вверх, то вниз по своей большой клетке, стоявшей на широком подоконнике надо мной. Я готовилась узнать, что станет с Мэри после того, как Джон Уиллоуби окончательно и жестоко отверг её [1], когда меня отвлек звонкий голос Анаис:

— Мадам, мадам! Скорее посмотрите! — пролепетала она, появившись на пороге. — Посмотрите, какую красивую форму мистер Готье для нас приобрёл!

Я привстала с низенького кресла и в свете двух ламп увидела новый наряд своей горничной: платье из плотной тёмно-серой ткани было идеально выглажено, как и белоснежный передник с кружевными оборками.

Анаис демонстративно покружилась, и я улыбнулась, разглядывая её, такую счастливую и радостную.

— Тебе нравится?

— Очень, очень нравится, мадам! Нас не так часто балуют, но зимний приём никогда не проходит бесследно, — девочка снова крутанулась на каблучках новых, блестящих башмаков и вдруг взяла меня за руку. — Ох, глупая я! Пойдёмте же скорее! Для вас тоже есть подарки! Ну же, мадам!

У меня не было ни настроения, ни сил для того, чтобы притворяться и излучать радость и праздничное возбуждение. Я чувствовала себя дурно весь день, к тому же, во время обеда мой организм отторгнул большую часть съеденных блюд, и мне пришлось использовать одну из ужасно дорогих и красивых ваз в столовой, чтобы не запачкать пол.

Горничная была так взбудоражена и спешила в спальню, что мне пришлось тут же последовать за ней, несмотря на всё моё нежелание. Экономка тоже была там: она стояла перед заправленной кроватью, одетая уже в новую форму. Миссис Фрай взглянула на меня, и, подойдя ближе, я увидела большую коробку.

— Простите мне моё нетерпение, — сказала женщина смущённо. — Стоило подождать вас, но я просто не удержалась. Взгляните!

Это было самое прекрасное и, я была уверена, самое дорогое платье, что мне когда-либо доводилось видеть в своей жизни. Многие леди в Глиннете не жалели денег своих родителей, чтобы хоть ненадолго стать центром внимания богатых холостяков, и поэтому посещали самых лучших модисток и приобретали наряды, от которых захватывало дух. Будучи маленькой девочкой, я считала, что мне никогда не повезёт даже примерить нечто

подобное.

Платье, аккуратно сложенное в большой коробке под прозрачным листом бумаги, было сказочным, и следующие несколько минут я бездумно рассматривала его, слегка касаясь кончиками пальцев вышитых на ткани узоров.

— Это прекрасный шёлк, и я слышала от слуг, что портниха запросила за него самую высокую цену, так что даже в лондонских салонах не было продано ни одного столь дорогого платья, — с благоговением произнесла за моей спиной экономка. — Вы будете в нём великолепны!

Мне понравились вышитые золотой нитью узоры на шёлковой ткани кремового цвета, скорее, больше белого, чем желтоватого. Я испытывала смешанные чувства, рассматривая свой подарок. Как я могла восхищаться им, когда перед моими глазами то и дело всплывал образ чёрного экипажа, увозящего Эдварда, Дженни и детей в темноту ночи? И как я могла всё забыть, когда ощущение жизни во лжи, которой меня окружили, не покидало ни на минуту?

— Вам не нравится, мадам? — спросила Анаис, видимо, заметив на моём лице печаль.

— Нравится, но я не смогу надеть его. Не хочу.

— Нельзя, мадам! — воскликнула миссис Фрай, и от возмущения её голос стал неприятно скрипучим. — Этот наряд предназначен для зимнего приёма. Поверьте мне, придут очень важные гости, и мастер захочет, чтобы вы...

— А мне всё равно, чего там хочет ваш мастер!

В несвойственной мне манере я топнула ногой и в ту же секунду ощутила головную боль. Пришлось присесть на кровать и предварительно отодвинуть подальше ненавистную коробку с платьем.

— Вам нехорошо? Я принесу вам воды, мадам! — заговорила с волнением Анаис, но я покачала головой.

— Не стоит беспокоиться, в последнее время так бывает.

— А что же платье? Вы отказываетесь присутствовать на приёме?

Я не успела и подумать над ответом, как вдруг услышала недовольный голос мужа; Джейсон вошёл в комнату и произнёс, сверля меня пристальным взглядом:

— Посиделки окончены. Все вон! Оставьте меня с супругой наедине.

Горничная выскользнула из спальни первой. За ней, не теряя гордой осанки и размеренного шага, ушла миссис Фрай. Когда за экономкой захлопнулась дверь, я посмотрела мужу в лицо. Он казался уставшим, немного бледным и совершенно точно сердитым. Поспешно сняв чёрную жилетку и бросив её в кресло, он сел рядом со мной, едва не коснувшись плечом моей руки. А я больше не поднимала глаз, потому что не хотела видеть недовольство и раздражение в его взгляде.

— Кейтлин, почему ты не хочешь идти на завтрашний приём? — спросил он. — Тебе не нравится наряд? Ты недовольна приготовлениями? Или ты истощена физически?

Ничего не говоря, я смотрела на свои тонкие пальцы, нервно мнущие ткань юбки. Я не хотела говорить с ним, иначе всё бы повторилось заново. В конце концов, он победит, думала я тревожно. Я стала настолько зависимой, что даже в собственных мыслях мне не было покоя от него... и от его тайн и скрытности.

— Ты молчишь... Ты меня игнорируешь. — Голос его звучал тоскливо и тихо, словно это я терзала его душу, а не наоборот. — Чем я обидел тебя на этот раз? Хоть это ты можешь мне сказать!

— Почему на самом деле уехал Эдвард?

Наконец, я снова взглянула на него, но лицо его оставалось всё той же непроницаемой маской, наивной защитой от моего любопытства.

— Я тебе уже всё объяснял. Ну сколько можно...

Вдруг Джейсон резко встал, так резко, что я сама дёрнулась от неожиданности и посмотрела на него снизу вверх.

— До недавнего времени я считал, что всё утряслось! Что всё встало на свои места, и мне больше не придётся унижительно клясться тебе, что всё хорошо! До недавнего времени мне казалось, что ты, наконец, выросла из той холодной упрямцы, которой не было дела до чувств и истинных радостей жизни! Что же я вижу теперь? Она снова передо мной! Она не может успокоиться, она довольствуется тем, что тревожит и себя, и меня, и мучает супруга своей отстранённостью! А я должен смиренно ожидать, когда она снова обратит на меня свой взор, в котором не будет такого явного осуждения. Что мне ещё нужно сделать ради этого?!

Затем он ударил кулаком по туалетному столику, так, что все мои немногочисленные парфюмерные баночки и склянки тревожно звякнули друг о друга и покатались на пол. Мои руки дрожали, когда я смотрела в покрасневшее от злости и напряжения лицо Джейсона. Я не знала, что ответить на его тираду, но ощущала лишь одно: несправедливость.

«Как он может? Как он может так со мной говорить?» — крутилось у меня в голове. Я не желала плакать, но мои глаза уже застили слёзы, и, если бы не внезапный шум, раздавшийся снаружи, я бы разрыдалась перед ним. Джейсон отвлёкся, подошёл к окну и одёрнул шторы. Совсем недолго он высматривал что-то на улице, а когда повернулся ко мне снова, на его губах играла насмешливая улыбка.

— Чуть раньше, чем я ожидал, но всё же они здесь.

— Кто это, они? — спросила я, поднявшись. — Твои гости?

— Нет, дорогая моя. На этот раз эти гости — твои, — сказал он всё с той же усмешкой и направился прочь из спальни.

Растерянная, уязвлённая его несправедливой вспышкой гнева по отношению ко мне, я всё же последовала за мужем. Внизу царило какое-то оживление, и я удивилась, когда увидела в гостиной посторонних людей в дорожных плащах, усыпанных снегом. Спускаясь со мной по главной лестнице, Джейсон вдруг положил руку мне на плечо и полушёпотом произнёс:

— Возможно, она станет для тебя утешением. И ты ещё скажешь мне спасибо.

На последней ступеньке я остановилась, глядя, как горничная помогает гостям снять мокрые от снега головные уборы и плащи. Я узнала своего отчима первым: он обернулся ко мне, угрюмый и уставший, и почтительно кивнул. А его спутница... ну, как же я сразу могла не догадаться, не узнать?

Моя мать, здоровая и твёрдо стоявшая на ногах, повернулась ко мне лицом, и я всхлипнула от нахлынувших чувств. На её тёмно-русых волосах без всякой явной седины ещё блестели капельки растаявшего снега; щёки были покрыты лёгким румянцем, что делало её намного моложе; её небесно-голубые глаза, совсем как у Коллет, блестели, словно она вот-вот заплакала бы.

— Мама? — прошептала я с трепетом, как будто это единственное слово сняло некий груз с моего беспокойного сердца.

Как и всегда, тонкая и изящная, она лёгкими шагами оказалась рядом со мной, крепко

обняла, и я с отчаянным вздохом вдохнула её запах. Снежная зима, влажный мех на воротнике её одежды и недорогие духи с ароматом горького апельсина и ванили...

Я помнила о ней всё, и до того момента даже не подозревала, что могу так сильно скучать по ней.

— Я здесь, моя крошка, я здесь, — услышала я её тонкий голос после поцелуя в щёку. — Я приехала к тебе!

Примечание

[1] Герои романа Джейн Остин «Разум и чувства».

Моя мать сама помогала мне с причёской, и я была готова к приёму, когда большие напольные часы в гостиной пробили восемь вечера. Я отпустила Анаис и встала перед зеркалом, чтобы ещё раз взглянуть на себя. Не могу не признать, как до примерки я опасалась, что платье будет смотреться на мне ужасно. Но едва ли незнающие могли догадаться о моей беременности. К тому же, учитывая, что я сама не встречалась с портнихой, стоило отдать должное мужу: он словно знал каждый дюйм моего тела, так идеально подошёл мне наряд.

— Ох, дорогая! Я до сих пор не могу поверить в то, что ты вышла замуж! — мама закрыла за горничной дверь и подошла ко мне, чтобы поправить выбившийся из высокой причёски локон. — Вы с Коллет меня страшно взволновали. Жаль, что я была неспособна побывать на ваших счастливых церемониях. Но Джорджи мне всё рассказал.

На протяжении нескольких часов, что мы провели с матерью вместе, после её приезда, она без устали расхваливала плюсы моего замужества. Без поддержки Джейсона её дальнейшее лечение было бы невозможным, мы бы потеряли дом в Глиннете и опозорились перед соседями и друзьями.

Всё же наша мать всегда была чересчур открытой и слишком простодушной. Но её неугасающий оптимизм заставлял закрыть глаза на эти мелочи даже такого скептика, как я.

— Я беспокоюсь за Коллет. Она не отвечает на мои письма, — сказала я, поправляя пояс платья. — Ты связывалась с ней?

Пожав плечами, мама бесхитростно ответила:

— Я не получала от неё вестей последние пару недель, но до этого она исправно писала нам о том, что прекрасно себя чувствует. Возможно, что-то задержало её или письма.

Эти слова меня не утешали, я чувствовала только тяжесть на душе от незнания и неизвестности. Мама встала рядом со мной, напротив зеркала, и наши взгляды пересеклись в отражении.

— Я спрашивала твою сестру, счастлива ли она.

— И что же она ответила?

— То, чего я и ожидала, — нежно улыбнулась матушка. — Счастлива, как никогда. И у неё тоже скоро будет ребёнок!

— Да, я знаю...

— Никогда не думала, что мистер Рэтмор добьётся такого успеха на службе, и Джорджи даст согласие на их брак. Видимо, меня достаточно долго не было дома!

Как же велико было её неведение, и каким сладким казалось оно мне. В отражении перед собой я видела себя, такую, какой никогда не должно было быть. Праздность и красота, какой я её никогда не воспринимала, ещё недавно были мне чужды. Горечь от осознания этих мыслей отразилась на моём лице. И от матери это, конечно, сложно было

утаить.

— Что такое, милая? Ну почему же ты не улыбаешься?

Она взяла меня за руку и мягко подвела к кровати.

— Расскажи мне обо всём, что тебя печалит.

Но я скорее отдала бы руку на отсечение, чем рассказала матери про Мэгги Уолш и её брата, и какой была жизнь моего мужа в то время, и как его родной брат отнёсся ко мне поначалу, а затем просто уехал, забрав с собой некую тайну, которая до сих пор съедала меня изнутри!

Я молчала, держа тонкую руку матери в своей, а затем она поцеловала меня в лоб и сказала:

— Джейсон был очень любезен, пригласив нас сюда, к вам. Правда поначалу он показался мне немного... суровым и холодным, даже встревоженным. С другой стороны, я знала его ещё юнцом, и теперь понимаю, что он изменился.

— Ты не знаешь его, как я...

— Верно, но я видела, как он смотрел на тебя, дорогая. Поверь мне, такой взгляд может многое сказать. Ну, теперь скажи мне. Разве он обижает тебя? Поднимает на тебя руку?

Вспомнив о давнем ночном инциденте в кабинете Джейсона и то, как я затем споткнулась на лестнице, я сглотнула, но отрицательно покачала головой.

— Что ж, тогда, возможно, он не уделяет тебе внимание? Или он грубиян?

С мыслями о его гневной тираде прошлым вечером, я снова покачала головой. А мама улыбнулась и ободряюще похлопала меня по обнажённому плечу.

— Вот видишь? Не волнуйся ни о чём. А если сомневаешься, у тебя в руках самые лучшие карты, моя крошка!

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, едва сдерживая улыбку.

— Ты уже взрослая, дорогая. И всё поймёшь сразу же, как только наступит подходящий момент.

Я увидела хитрую усмешку на её губах и покачала головой, когда мама заставила меня подняться. Ещё спускаясь по лестнице в гостиную, мы могли слышать множество голосов, слившихся в один гул из нескольких иностранных языков. Кроме французского и немецкого, я узнала итальянскую речь и тут же воспряла духом. Мне вдруг страстно захотелось познакомиться и поговорить с этими гостями. Возможно, идея с зимним приёмом была не такой уж плохой.

Гостиная, главный коридор и большая столовая были украшены белым и зелёным крепом, повсюду расставлены букеты цветов, на столах застелены новые скатерти, а за многочисленными и самыми разнообразными блюдами я могла бы долго благодарить наших поваров. Окунувшись в это небольшое общество и оказавшись среди прибывших иностранных гостей, я ощутила небольшое волнение и возбуждение перед чем-то новым, неизвестным.

Поискав глазами отца, я увидела, что он разговаривал с Джейсоном. Между тем, они также приветствовали гостей, проходящих в столовую мимо нас.

Я не знала, стоит ли мне подойти сразу, помешаю ли я им, но когда Джейсон обернулся и увидел меня, я поразила тому искреннему восхищению в его глазах, которое успела заметить, пока он не поклонился мистеру Брамму и не направился ко мне. Он встал совсем близко, как если бы намеревался обнять меня, и я даже уловила лёгкий аромат его парфюма.

Супруг быстро, а скорее нетерпеливо, оглядел меня с ног до головы и сказал:

— Ты выглядишь прекрасно... даже чересчур. Я ожидал иного впечатления.

Если по его словам я выглядела прекрасно в новом платье и с высокой причёской, то он сам был просто неотразим в тот вечер. До той минуты я не видела его в новом чёрном фраке, но он был восхитителен в нём.

— Что значит, чересчур? — спросила я, не в силах отвести от него взгляда. — И чего ты ожидал?

Джейсон поприветствовал мою мать, затем протянул мне руку и с дразнящей улыбкой тихо сказал:

— Два года подряд я был центром зимнего приёма и его главной звездой. А теперь я этот статус потеряю.

— Думаю, ты преувеличиваешь.

В полном смущении я опустила глаза, а Джейсон засмеялся и, когда я взяла его под руку, повёл меня в большую столовую. Когда он наклонялся ко мне, чтобы заговорить, его тёплое дыхание щекотало мою кожу, и я трепетала от каждого сказанного им слова.

— Я пригласил четырнадцать своих коллег из Франции, Италии и Австрии. Планировал сегодня же представить тебя всем им... А многим из них нет ещё и сорока. Стоит мне подумать о том, как они будут смотреть на тебя...

— И что же ты почувствуешь тогда?

К сожалению, я так и не добилась от него ответа, потому что мы подошли к одному из гостей — пожилому, но довольно статному мужчине — и он тут же принялся рассыпаться перед нами в комплиментах по поводу приглашения, очаровательного убранства дома и приятной атмосферы. За следующие полчаса супруг представил меня всем своим коллегам и партнёрам; они были любезны и очень вежливы, хотя я и не нашла разговоры с ними занимательными или интересными.

За столом вели непривычные мне разговоры о новых планах на следующий год и строительстве, об инвестициях в новые проекты здесь, в Англии, иностранными партнёрами. Моя мать сидела рядом с отчимом напротив меня; место Джейсона было во главе стола, а моё — по левую руку от него. Ужин наскучил бы мне гораздо быстрее, если бы не двое пожилых итальянцев, сидевших слева. Мы разговорились об их родине — Флоренции — и я была очарована их речью.

После десерта Джейсон вдруг поднялся, попросил внимания, и голоса за столом стихли.

— Господа... и дамы! Благодарю вас всех за то, что проделали такой долгий путь и посетили сегодня наш дом, — произнёс Джейсон с почтением и так громко, чтобы каждый из гостей его услышал. — Для меня это огромная удача — знать каждого из вас столь продолжительное время. Со многими я работал не один год, но большинство из вас я бы назвал своими лучшими учителями... Кроме, пожалуй, вас, — он указал рукой, в которой держал бокал с шампанским, в сторону одного улыбчивого немца, — герр Крайнберг. Мне никогда не забыть, как в первый же мой день в Вюртемберге, Штутгарте, вы выставили меня вон из своей мастерской на Зикштрассе и едва не попали тяжёлой книгой по голове, таким вы были свирепым!

Немец засмеялся и с сильнейшим акцентом ответил:

— Я сейчас не промах! Время шадить меня, ты знаешь.

Послышались искренние смешки, и я сама не сдержала улыбки. Взглянув на матушку, я порадовалась её настроению: она выглядела довольной и здоровой, такой, какой я давно её не видела. Во мне снова возросло чувство благодарности к Джейсону; если бы не его

действия, мистер Брам никогда бы не оплатил должное лечение.

— И я, и моя супруга, которую мне так не терпелось представить сегодня, — продолжил Джейсон, и я, подняв глаза к нему, встретила с его нежным взглядом, — будем счастливы сохранить с вами ту же связь, что уже успела укрепиться за эти годы. Я также не могу не поприветствовать миссис Брам и её мужа... И надеюсь, что вскоре мне удастся наверстать упущённое и познакомиться с ними ближе.

Скорее взглянув на свою мать, я не поверила своим глазам: она никогда не выглядела более окрылённой и смущённой, никогда не краснела от речей мужчины. Улыбаясь, она смотрела на Джейсона, и в её голубых глазах читалось восхищение. Что же до отчима... Весь вечер он был весьма молчалив и угрюм, впрочем, как всегда. Во время речи Джейсона он смотрел перед собой, либо на полупустой бокал с шампанским в своих пальцах.

— Поэтому предлагаю, дорогие друзья, выпить за этот прекрасный зимний вечер, который, как я надеюсь, повторится ещё не раз!

Джентльмены подняли свои бокалы, со словами одобрения принимая тост. Я сделала лишь пару глотков гранатового сока и съела несколько виноградин. Примерно час, а то и больше, длились их неразборчивые для непосвящённых разговоры, и я урывками слушала о новых строительных планах на будущий год, о политике, о Виктории и её скором юбилее. Подсев ко мне в гостиной после ужина, мама не прекращала расхваливать Джейсона и всё, что он сделал для нашей семьи.

Чуть позже Джейсон сам подошёл ко мне и, попросив всеобщего внимания, торжественно объявил о том, что в следующем году станет отцом. Несмотря на явную доброжелательность со стороны гостей, я была ужасно смущена. Поэтому, чтобы поскорее отвлечься, решила сыграть на спинете и спеть что-нибудь, что порадовало бы гостей, а заодно и моего мужа.

После первого же спетого мной сонета раздались аплодисменты, и я поняла, что всё сделала правильно. Приём заканчивался в час ночи, и единственные, кто, как мне казалось, до сих пор не устал, были слуги. Они исправно выполняли любые просьбы Джейсона или гостей. Ближе к завершению вечера я заметила, что моя матушка уже спокойно засыпала в глубоком кресле в дальнем углу гостиной.

Прощаясь с гостями, я обнаружила, что один из итальянцев, представившийся мне как Джованни, неуверенно топчется на месте с резной антикварной коробочкой в руках. Когда я обратилась к нему, он с улыбкой протянул её мне и сказал, что если я не приму его подарок, он обидится. Это была музыкальная шкатулка, вырезанная в форме маленького пианино, украшенная позолотой и рисунками в стиле картин Боттичелли.

— Ваш муж — уникальный человек, — произнёс итальянец с благоговением, пока я рассматривала свой подарок. — Я знал его ещё юнцом, талантливым юнцом, но боялся, что кроме любви к зодчеству он никогда не познает других страстей.

Мы стояли в полутьме, под аркой, ведущей из гостиной в комнату, оборудованную как карточный зал. Джованни говорил медленно и тихо, а я, оглядевшись и убедившись, что нас никто не подслушивает, спросила:

— Что вы хотите сказать?

— Супруг ваш был другим человеком. Сегодня я точно убедился в его переменах. Я слышал историю про неудачную кампанию в Южной Африке, если не ошибаюсь, года четыре назад, когда Готье самолично перебил десяток зулусов, чем спас своих раненых товарищей, застрывших в окружении.

Словно онемевшая от этих слов, я хлопала ресницами, глядя на него, гордого, будто он был отцом моего мужа, и не знала, что ответить.

— А вы понимаете, синьора, что проклятые зулусы — это самая мощная африканская сила.

— Клянусь вам, я никогда прежде не интересовалась подробностями его военной жизни, — сказала я, задумавшись. — Мне всегда казалось, что эта тема слишком тяжёлая для воспоминаний. Я лишь знаю, что свои звания и награды он сумел заполучить за короткие сроки.

— Не удивительно! — засмеялся Джованни, затем пожал мне руку. — Но вы были правы, что не пытались разговаривать с ним. Женщина и война похожи лишь в одном: если обе достаточно сильны, то их бывает трудно позабыть! Но теперь ваш супруг стал другим, ему не нужны смерти и награды, и боевые раны, как свидетельство его храбрости. Я благодарю вас за теплоту и добродушный приём.

Итальянец поклонился мне, улыбнувшись, и ушёл. Через несколько минут дом, а затем и двор, заполненный автомобилями, опустели, и вокруг снова стало тихо. Посмотрев в окно, я разглядела только замёрзшую грязь. В ту ночь было холодно, а воздух искрился, и это было заметно, благодаря фонарям, которые слуги ещё не успели затушить.

Мне не без труда удалось разбудить маму и вместе с экономкой, чей новый наряд не выглядел уже таким новым, проводить её до спальни. Закрывая за нами дверь, отчим странно взглянул на меня, словно хотел что-то сказать, но так и не решился. Только сдержанно пожелал мне доброй ночи.

Я не видела мужа всё то время, что возилась с сонной матерью и помогала миссис Фрай в столовой. Уже поднимаясь в спальню, я поняла, как сильно устала, хотя сна не было ни в одном глазу. Голова немного кружилась, но это, скорее, от новых впечатлений.

В комнате царил непроглядная тьма, окна были задёрнуты шторами, мне пришлось на ощупь пробираться к письменному столу, чтобы включить лампу. Неяркий свет озарил спальню, и я обернулась. Джейсон был там: он спал на моей стороне постели, укрывшись одеялом до пояса. Трудно было отвести от него глаза, ведь во сне он казался таким трогательным, таким молодым, хоть и уставшим, что при виде него я ощутила, как моё сердце забилося в невольном порыве, и я едва сдержалась, чтобы не поцеловать его. Я знала, что не смогу заснуть, к тому же впечатления от рассказа итальянца напрочь отогнали сон; так что я решила отвлечься и немного почитать.

Она не заметила, как он проснулся. Собственно говоря, он всегда спал чутко. Видимо, неугасаемая привычка со времён поездки в Африку. Неприятные воспоминания тот час же врезались в память, вызвав ощущение потери комфорта. Джейсон помнил, как боялся ехать в далёкий край, где другой климат, нет друзей и его всемогущего деда, мистера Брауна, рядом с которым он чувствовал себя в безопасности. Старик никогда не позволял внукам называть его «дедушкой». У богача были свои причуды, и это едва ли не единственное, что раздражало Джейсона.

«К чёрту Африку! — осознанно, почти озлобленно подумал он. — К чёрту Брауна и всех...»

И правда, ему незачем было думать о прошлом сейчас. Сейчас, когда его «настоящее», такое радостное и светлое, облачённое в полупрозрачное белое одеяние, сидело в глубоком кресле, окружённое тусклым светом лампы. Как он обожал смотреть на неё, на свою

молодую жену! Словно он знал её уже много лет, и всё равно её юный образ волновал его. И каждый раз даже физически он реагировал на неё всё сильнее, чем прежде. Он вдруг вспомнил, как увидел её в Глиннете, в парке, когда она гуляла там с миссис Пиншем. По мнению общества Кейтлин была невзрачной и замкнутой, он даже слышал, как некоторые называли её странной. Её наряды всегда были скромны, платья не отличались особой чистотой или яркими цветами. И только позже, намного позже он понял, что она не заботилась об этом, потому что её интересовала иная красота. Эстетика литературы, природы, музыки и её собственного голоса... От того, как она пела (в его понимании она могла даже не стараться), он чувствовал себя счастливее, лучше и легче.

Забывшись в раздумьях о том, когда же эта девушка, его жена, стала для него защитой от тусклой реальности, Джейсон не заметил, как она взглянула на него поверх обложки книги и улыбнулась.

— Я тебя разбудила? Извини, я не хотела.

С хитрой улыбкой на губах он потянулся, долго и сладко, потому что уже неудобно было лежать на животе, перекатился на другой край кровати и медленно сел. Босые ноги, которыми он касался мягкого ковра, охладили сквозняк, но ему самому было жарко.

— Подойди ко мне, — сказал он и протянул супруге руку.

Она поднялась, одёрнув подол ночной сорочки, и в нерешительности встала перед ним. Джейсон посмотрел на неё, надеясь, что на его лице, всего взгляде, похоть не отразилась столь явно, потому что он не хотел выглядеть в глазах своей жены ненасытным мужланом. Кто знает, если бы он посвятил военному делу больше времени... и армия сделала бы из него такого же холодного и расчётливого гордеца, каким был его дед... И снова эти ненавистные мысли о прошлом! Пора бы вырезать их из памяти...

Вымученно вздохнув и натянув получше одеяло на бёдра, Джейсон похлопал по коленке, и его молодая жена осторожно опустилась на него, правой рукой обняв мужа за шею, а в левой — держа свою книгу. Он поцеловал Кейт в щёку и тихо спросил, разглядывая её слегка растрёпанные волосы, собранные в небрежную косу:

— Что ты читала?

Раскрыв книгу, она позволила ему рассмотреть иллюстрацию. Шекспировские влюблённые, окружённые цветами и листвой, целовались на открытом балконе.

— В который раз ты это читаешь? Впрочем, отчего-то я не удивлён.

— Мне не хотелось спать, — сказала Кейтлин, опустив глаза в книгу. — Нужно же было чем-то занять себя, пока ты храпел!

— Никогда в это не поверю! — Джейсон засмеялся, крепче прижимая её к своей груди. — Раньше ты не жаловалась.

— Раньше мне некогда было обращать внимание на твои дурные манеры, — и она искренне улыбнулась.

Потом она на удивление поспешно предложила ему немного почитать вместе, и несколько минут Джейсон, хоть и сбивчиво, но с чувством, отвечал за каждую реплику несчастного влюблённого из Вероны. Совместное чтение обещало закончиться быстрее, чем, видимо, хотелось его жене: он то и дело отвлекался, чтобы коснуться носом её волос и вдохнуть нежно-сладкий аромат красного винограда, и мягкий запах её кожи напоминал ему о лете, о зелёном, цветущем саде здесь, в Лейстоне.

Он никогда не думал о том, какой пыткой может быть такая привязанность. Но эта сладкая пытка казалась ему самым ценным из сокровищ, и вот его сокровище, тёплое и

умиротворённое, находилось в его руках...

«Господь милосердный! — думал он с отчаянием. — Если бы она только знала, если бы...»

Его жена обиженно пихнула его в бок, потому что он снова отвлёкся, так что ему пришлось продолжать, но, вновь запнувшись и взглянув на виновницу своих волнений, он чуть хрипло произнёс:

— Как чудесно ты пела сегодня! Словно я впервые услышал твой голос. Я не разобрал слов, кроме некоторых, и в особенности одно, что ты повторяла. «Amore. Amore!»

— Я пела о своём любимом, которого всегда жду и которого узнаю в любом его проявлении, — ответила она со скромной улыбкой, сосредоточив взгляд на его губах. — Знаешь, твой итальянский друг сделал мне сегодня замечательный подарок.

— Да, я видел. Он прекрасный мастер.

— А ещё он рассказал мне про Африку. И как ты спас своих товарищей из окружения. Почему ты никогда не говорил мне об этом?

Мысль о том, что он только не рассказал ей, кольнула его в самое сердце. Как же было больно терпеть такую несправедливость! Но он понимал одну вещь: ещё рано, ещё слишком рано для откровений. И, возможно, всё случится гораздо быстрее, чем он предполагал.

Он не рассказывал ей о своей недолгой службе лишь потому, что не находил в том периоде своей жизни ничего путного и значительного. В Африке он увидел лишь смерти, голод и цену долга перед отечеством. Так он и сказал ей. Кейтлин внимательно посмотрела на него и просто кивнула. Она приняла его ответ и больше ни о чём не стала спрашивать.

Он знал, что час был поздний. Из дальнего окна через прорезь штор в комнату лилась узкая полоска света; то ли луна так ярко сияла, то ли уже начался снегопад.

Он посмотрел в глаза своей молодой жены и почувствовал, как начинает дрожать. И пальцы, которыми он сжимал её талию, вдруг начало покалывать. До появления в его жизни Мэгги он вообще не знал, что такое страсть к женщине. С ней он познал, что она может быть разрушительной, болезненной и пошлой. С ней он не знал, что страсть может сочетаться с любовью, а любовь Мэгги к своему брату он считал греховной и мерзкой. Мысли о том, что такая женщина предпочла ему собственного брата, долгое время терзали его, и Джейсон сам себя убедил, что как мужчина он — ничтожество и слабак. Он никогда не узнает нежности и настоящей, сводящей с ума страсти.

Но именно сейчас он видел в этих глазах, цвет которых так напоминал ему листья каштана из сада, любовь, ту самую, которую желал испытать многие годы. Он сгибался под давлением общества и собственного воспитания, и время было к нему беспощадно, но он дождался. И теперь со всей уверенностью мог сказать, что стал, наконец, любим.

Они что-нибудь придумают. Придумают вместе. И всё окончится хорошо, потому что иначе быть не может.

Мужчина тяжело дышал, стало невыносимо душно, хотя он был обнажён и лишь едва прикрыт краем одеяла. Джейсон забрал у супруги книгу, почти с остервенением отшвырнул куда-то в сторону и так крепко прижал Кейтлин к своей груди, что она невольно ахнула. Почувствовать её мягкую кожу мешало ночное одеяние, он молча начал стаскивать его со своей жены, и, когда ему это удалось, усадил Кейт обратно к себе на колени и поцеловал. Хотелось касаться её везде, ощущать, как длинные волосы, которые в свете лампы казались золотым дождём, струятся у него между пальцами, и как же сильно ему хотелось потереться щекой о её грудь, услышать, как бьётся её сердце...

Он не расслышал, что она прошептала, пока целовал её шею, поэтому отстранился, хоть и с мучительной неохотой, и затуманенными от желания глазами взглянул в порозовевшее лицо своей жены.

— Что такое, моя радость?

— На тебя что-то нашло, — произнесла она, едва дыша. — Ты раньше никогда так... Нет, я знаю, как бывает... Но сейчас это иначе.

— И у неё ещё хватает сил говорить! — засмеялся он и принялся расплетать её косу. — Что мне остаётся, жалкому рабу своих чувств, когда ты в очередной раз меня побеждаешь? Я здесь, перед тобой, чтобы быть побеждённым. Разве ты этого не видишь?

Но она не могла найти слов, только её глаза расширились от изумления, и дыхание немного выровнялось.

— Я навсегда твой раб.

И после этих слов он уже не принадлежал себе, мужчина, который когда-то думал, что одиночество останется его вечным спутником. Кейтлин прильнула к нему, обмякшая от желания, и с ещё большим напором стала отвечать на жаркие, прерывистые поцелуи. Она всё ещё сидела у него на коленях, и в какой-то миг Джейсон оторвался от её губ, посмотрел на её тело, молодое и здоровое, несомненно, созданное только для него, коснулся рукой мягкой, отяжелевшей груди и горячо застонал, уткнувшись в её влажное плечо.

Это оказалось больнее, чем он мог себе представить. Физически он ощущал такой невероятный прилив сил, что в какой-то миг это напугало его. Но то было лишь вспышкой, короткой и неважной. В паху мучительно тянуло, почти невыносимо напряглись все мышцы, и он терпел так долго, как только мог. Он поцеловал губы своей любимой, наслаждался её горячим дыханием ещё немного, затем скользнул рукой под её ягодицы и пальцами коснулся влаги между её ног. В тот же миг Кейтлин вздохнула, вцепившись ему в плечи, и открыла глаза. Какое изумление он прочёл на её лице, и какой невероятно красивой она была в этом страстном порыве!

Её тихий стон разрушил всякое терпение. Повернувшись вместе с Кейтлин и ложась на постель, он в спешке заметил влажные завитки волос, прилипшие ко лбу, и распухшие от поцелуев губы... Он не мог поверить, что эти невероятные губы целовали его так неистово, и что так будет продолжаться снова и снова. Её глаза блестели, а руки тянулись к нему в мольбе поскорее подарить любовь, что он и намеревался сделать, взамен же просил совсем немного.

— Любовь моя, любовь моя... — шептал он горячо, возвращаясь к ней, целуя её лицо.

И чем ближе она становилась, тем явственней он чувствовал её власть над собой. Между тем он знал, что она ощущает то же самое вместе с ним, и это является для неё счастьем.

Он даже не понимал, что сделался грубее, и что его движения перестали быть плавными. В этот раз всё случилось быстрее, жёстче, почти грубо, но ему так отчаянно хотелось избавиться себя от томной боли, от мучившей его неудовлетворённости, и он с головой погрузился в своё желание. И как во сне, будто бы со стороны, он мог расслышать частые вздохи и громкие стоны, свидетельства их любви.

Всё закончилось так же быстро, как и началось. И он очнулся под резкие звуки капель, ударяющихся о карниз окна снаружи. Лишь эти звуки нарушали тишину. Джейсон лёг на спину и долго пытался унять дрожь в руках. Затем снова обернулся к своей любимой; она выглядела немного бледной, но спокойной. Открыв глаза, Кейтлин улыбнулась, и он тут же ощутил, как нежность заполняет его, течёт в нём, как кровь по венам. И всё, чего ему

хотелось — просто обнять её, держать в своих руках и целовать, пока хватило бы сил.

Он поднялся, чтобы приоткрыть окно и впустить в спальню немного свежего воздуха, затем вернулся в постель, укрыл Кейтлин и себя одеялом, и она тесно прижалась к нему, положив голову ему на грудь.

Вскоре она заснула, а счастливый мужчина продолжал глядеть в потолок, представляя своё будущее светлым, а себя — любимым до конца своих дней.

Был ветреный, снежный день, и едва ли любой нормальный человек рискнул путешествовать в такую погоду. Намечалась буря, если не хуже. И ещё по дороге в замок Энн, что к северу от Лондона, меня захватило тревожное чувство. Но это не было похоже на страх перед буряном. Что-то иное застало меня врасплох, и я дрожала и дышала прерывисто, но не решилась сказать об этом даже мужу. Он так рвался в эту поездку! Лондон манил его высшим обществом, он ожидал, наконец, показаться перед теми людьми, которые могли бы открыть ему заново дорогу к большим проектам здесь, в Англии, и помочь ему навсегда избавиться от репутации угрюмого затворника.

Меня он тоже собирался показать. Вернее сказать, показать то, как изменился он и его жизнь после моего появления в ней. И мне ничего не нужно было делать, лишь выглядеть счастливой рядом с ним.

Два дня в столице пролетели незаметно; подготовка к балу в старинном замке заняла всё наше время. Я и оглянуться не успела, как вдруг обнаружила себя входящей в огромную залу, утопающую в цветах и ярком свете ламп и свечей. Шум разодетой, праздной толпы почти перекрывал звуки музыки, и, в конце концов, Джейсон крепче сжал мою руку в своей, посмотрел на меня и произнёс:

— Ты побледнела, дорогая, дрожишь и не можешь сосредоточить на чём-либо взгляд. Ты взволнована. Поздравляю! Это твой официальный дебют.

Несмотря на то, что я чувствовала себя, будто птица в клетке, я улыбнулась. Ведь он был так воодушевлён, так горд и счастлив. По словам лондонской модистки, моё платье из белого шифона и фатина с серебряными вставками в виде цветов выглядело безукоризненно. Подбирая к нему парчовый пояс и кружева, она неустанно повторяла, что этот наряд станет для меня выигрышным.

Перед ужином, который судя по всему обещал быть роскошным, Джейсон познакомил меня с некоторыми джентльменами и их леди, и я была лишь рада тому, что их оказалось не так много. Нахождение в шумной толпе, пестрящей богатыми нарядами и вычурными тяжёлыми украшениями, сказывалось на мне не лучшим образом. В какой-то мере я даже завидовала матери, которая осталась дома под присмотром экономки. Я помнила её сочувствующий взгляд, пока собиралась на приём. Такой взгляд говорил о нежной заботе и беспокойстве о своём ребёнке...

— Это всего лишь один вечер, — говорила я матери. — Меня там не съедят. К тому же, Джейсон будет рядом.

Мой муж действительно находился поблизости, и каждый раз, знакомя меня с очередным незнакомцем, он улыбался, сжимая в тёплой ладони мои пальцы.

«Рад представить вас моей супруге!» — говорил он, или, например: «А это моя очаровательная жена, Кейтлин...»

Я едва запоминала их лица, таких довольных собой и не знавших горя и лишений людей, что порой чувствовала себя совершенно неуютно. К счастью в тот вечер я попала на глаза одной дальней родственнице миссис Пиншем из Глиннета. Её звали Роуз, она также была бездетна; это была полная дама в вычурном платье, и с многочисленными оборками из жёлтой ткани она походила на большую экзотическую птицу. С другой стороны, я была так рада её видеть, пусть и плохо помнила, но не обращала внимания на её громкую весёлость и

колкие замечания.

— Что же вы так беспокоитесь, дорогая? — вопрошала она своим высоким голосом. — Вы вся будто на иголках! Вы должны радоваться тому, что блистаете в обществе и вырвались из той прелой деревушки... совсем как я когда-то.

— Вы разве не скучаете по Глиннету? — спросила я.

Мы стояли в нескольких шагах от группы мужчин, с которыми беседовал Джейсон. Я не слышала их разговора, только видела, что мой муж был очень сосредоточен и держался прямо. Он совсем не смотрел на нас, и даже за те несколько минут мне стало тоскливо без его внимания.

Со стороны леди Роуз было весьма любезно помочь мне; заметив, что я раскраснелась от духоты, она распорядилась, чтобы мне обязательно принесли воды.

— Пейте, пейте, милая. В вашем положении я бы, знаете, отказалась сегодня от танцев.

— Но если я понадоблюсь Джейсону...

— Вот ещё! Пусть потерпит! Да и он не помрёт, если вы оставите его с теми джентльменами наедине. Дайте ему разобраться со всеми делами, а большего ему и не нужно.

Мне оставалось лишь понимающе кивать. Прохладная вода в высоком бокале, которую мне преподнёс один из лакеев, освежала, хоть и не так явственно, и мне всё ещё хотелось поскорее уйти.

— Отвечая на ваш вопрос, Кейт, хочу заметить, что я ничего не потеряла, покинув Глиннет. — Роуз беспечно пожала плечами и обвела взглядом залу, заполненную гостями. — Там я бы такого не встретила и не добилась положения и состояния, коим владею сейчас.

Я вспомнила, как ещё совсем маленькой девочкой убегала со двора, пряталась в редком лесу за огромным пустым полем и играла там, воображая себя героиней одной из любимых книжек. Как я могла оскорбить самое драгоценное для меня место на Земле, и как я могла забыть, сколько радостных дней пережила там? И позволить кому-то оскорблять память о таком тихом, но прекрасном городе моего детства я не могла.

— Леди Роуз, вы назвали Глиннет деревней, хотя не один десяток лет прошёл с тех пор, как он являлся таковой, — сказала я, глядя ей прямо в глаза. — Я считаю ваше замечание некорректным.

— Ваше дело не соглашаться со мной, милая, — вздохнула она снисходительно, разглядывая меня. — И вы можете отрицать, что скоро станете такой же как мы. Ваш супруг и я.

— Моего мужа устраивает жизнь в Бантингфорде. А он мало чем отличается от так называемой «деревушки», о которой вы упомянули.

Она сдержанно хмыкнула и отвернулась, но я успела заметить на её лице знакомое выражение безразличия. Нет, я определённно ни за что не хотела бы стать такой же через несколько лет.

— Забудьте о своих провинциальных привычках, дорогая, — произнесла моя собеседница, повеселев снова. — В конце концов, у вас есть всё, о чём любая девушка из Глиннета может лишь мечтать. Разумеется, я говорю о девушках без громких фамилий и покровителей. Лучше взгляните на своего супруга!.. Он такой внимательный, галантный, ах!

Мне хотелось незамедлительно указать на её место, а заодно напомнить о том, как это выглядит со стороны: её вздохи и взгляды, направленные в сторону Джейсона меня

откровенно раздражали. Но вскоре это чувство прошло; всё-таки она была одинока, как и её родственница, живущая со своими любимыми терьерами в далёком Глиннете.

Джейсон и вправду приковывал к себе взгляды многих женщин в тот вечер. Я была рада, что общество забыло о его громком разводе, о затворничестве. Наконец, он находился среди равных себе, равных его семье. Мне захотелось подойти к мужу и сказать, что его дедушка гордился бы им...

Когда он обернулся и стал искать меня среди гостей, я вздохнула со спокойствием. Его выразительные глаза остановились на мне, и я ободряюще улыбнулась. Каким же он был красивым в новом фракном костюме! Он совершенно не выглядел на свой возраст и казался куда моложе; вы бы ни за что не пропустили его в толпе, среди других мужчин, он притягивал своей безукоризненной манерой держаться в обществе и властностью, проявляющейся время от времени то в речи, то в его пристальном взгляде.

Роуз была права: к чему все тревоги волнения, когда именно я являлась миссис Готье? Не Коллет, не кто-либо ещё. Мой муж был мечтой, что осуществилась бы только для самой достойной, и раньше я об этом не задумывалась.

Выпив ещё воды, я, наконец, решила подойти к компании, с которой беседовал Джейсон, но едва сделала несколько шагов, как вдруг ощутила резкое головокружение. Пришлось остановиться, а затем вернуться назад, но и леди Роуз там уже не оказалось. Джейсон всё ещё разговаривал с теми джентльменами; я попыталась окликнуть его, но мой голос ослаб, и никто даже не обратил на меня внимание. Ощувив сильную нужду в свежем воздухе, я отыскала за толстой портьерой ярко-багрового цвета выход на террасу.

Было морозно, от сильного ветра спасали лишь каменные стены; каждый новый вдох давался мне всё труднее, и было почти больно. Мои руки замёрзли уже через несколько секунд, но голова так и продолжала гудеть, а мысли не прояснились. Сделав ещё один глубокий вдох и последний поток воды, я собиралась вернуться в зал, но мой взгляд невольно упал на ещё один подъехавший экипаж. Тряхнув головой, я присмотрелась и сквозь прутья решётки разглядела до боли знакомую фигуру в сером пальто и цилиндре. Мужчина, сошедший у подножия ступеней замка Энн поднял голову, и в свете фонарей я увидела его лицо. Это был Роберт Уолш.

Моё состояние ухудшилось как по волшебству, словно кто-то дёрнул за нужную ниточку, стоило мне увидеть его, стремительно поднимающегося по лестнице к главному входу. Видимо, он был так сосредоточен на своих собственных мыслях, что и не заметил меня на террасе. Оставив пустой бокал на каменных перилах, я ушла в зал, чтобы поскорее найти мужа. Однако, удалось мне это не сразу. Намечалась кадрили, а я прошла, несколько раз задев плечом собравшихся к танцу, отчего и получила в свою сторону неодобрительное шиканье потревоженных дам. Но мне было всё равно. Чертовски кружилась голова, перед глазами почти расплывалось увиденное, а живот так скрутило, что мне казалось, будто я вот-вот согнусь пополам прямо посреди огромного зала средневекового замка.

Когда зазвучала музыка, я уже добралась до противоположной стены и остановилась у неосвещённого прохода в какой-то неизвестный мне коридор. Было слишком многолюдно, чтобы отыскать Джейсона так быстро, так что я замешкалась и, когда новый приступ тупой и резкой боли скрутил мои внутренности, я отвернулась от яркого света. В ту же минуту я ощутила, как некто взял меня под руку и помог разогнуться; радость немного облегчила мою боль, ведь я была уверена, что Джейсон нашёл меня. Однако я ошибалась.

Меня потянули прочь от закоулка, где я остановилась, напрямик во тьму коридора, и не

успела я оглянуться, как меня уже втолкнули в небольшую комнату, в которой преобладал запах затхлости. Оперевшись о выступ в неровной стене, я обернулась и увидела молодого человека в костюме лакея. Он был мне не знаком, так что я, с трудом претерпевая тошноту и головокружение, прохрипела не своим голосом:

— Куда вы меня привели? Чего вы хотите?

Он молчал, его лицо мне показалось совершенно белым, неподвижным, будто высеченным из камня. В тот момент он не казался мне непобедимым или опасным, я бы справилась с ним и сама, но боль, скрутившая меня, ослабила шанс к побегу. Я сделала шаг к запертой двери, но незнакомец преградил мне путь.

И именно тогда я закашляла, я стала давиться от этого странного недуга. И страх парализовал меня, когда я посмотрела вниз: старый пыльный ковёр был запачкан моей кровью. Единственной ясной мыслью в моей голове в тот момент было:

«Отравлена?!»

— Я всего лишь выполняю чужое поручение, — услышала я над собой неуверенный голос мальчишки. — Простите меня, но она сказала, что вы сами виноваты!

Она?!

Не успела я задать вопрос, как вдруг очередной приступ рвоты согнул меня, и я опустилась на колени. Непрошенные слёзы мешали смотреть, но пальцами я явственно ощущала липкую кровь, а боль всё не утихала. Казалось, меня разорвёт на части. И тогда я подумала о своём ребёнке, о своём несчастном, невинном ребёнке. Если я не выживу... если это отразится на нём, и я потеряю его...

— Мне нужен доктор... — взмолилась я, подняв глаза к незнакомцу. — Пожалуйста!

Но отрицание и нерешительность, и, возможно, некий страх за содеянное, отразившиеся в его взгляде, ясно дали мне понять, что он намеревался бросить меня. Он повернулся к двери в тот момент, когда я зашлась новым приступом кровавого кашля. Отворилась тяжёлая дверь, но некто другой втолкнул мальчишку обратно, и я услышала чужой, но на этот раз знакомый голос:

— Всё отменяется! Слышишь, глупец? Прочь отсюда, пока я не сломал тебе шею...

— Вы не можете мне приказывать! Я подчиняюсь только мисс...

— Закрой рот! — рявкнул злой, грубый голос; плача и давясь кашлем, я всё-таки узнала Роберта Уолша. — Никаких имён в этих стенах! Вот же идиот... ты посмотри только, что ты натворил! Она может умереть...

— Но ведь...

— Всё! Не желаю ничего больше знать. Уходи, да так, чтобы никто не заметил, ясно? И молчи! Молчи обо всём и о ней, иначе я отыщу тебя и прикончу!

Послышались удаляющиеся шаги, и до меня вдруг донёсся шум из главного зала. Музыка. Танцы. Голоса многочисленных гостей.

Когда кашель прекратился, лучше я себя не почувствовала. Наоборот, одна боль могла перекрыть другую, но теперь мне действительно казалось, что я умру. Мужчина подошёл ко мне и с лёгкостью поднял на руки. Моё пылающее, заплаканное лицо оказалось так близко к его лицу, и я успела заметить его обеспокоенное, взволнованное выражение и неестественную бледность.

— Вот так, всё будет хорошо, — прошептал он, крепче прижимая меня к себе. — Я помогу вам, я всё исправлю.

— Мне нужен... доктор...

— Да, я знаю. Я позову его, и вы будете в порядке. Сюда. Пройдём через комнату прислуги.

Он собирался унести меня куда-то, и я не могла даже пошевелиться, настолько я ослабла. Я оказалась безвольной куклой в его руках, и мне было невероятно больно. Когда я попыталась упомянуть о Джейсоне, голос меня подвёл, и слова превратились в хриплый шёпот. И как скоро я погрузилась во тьму, как быстро я потеряла контроль над собственным сознанием и провалилась в спасительное небытие, я уже не могу вспомнить.

О, эта радостная мысль осознания того, что ты всё ещё жива! И хоть кажется, словно тебя разорвали на части, а потом снова собрали, всё-таки ты чувствуешь хоть что-то, пусть даже эту самую боль... но чувствуешь ведь! Я была счастлива открыть глаза и увидеть свет, который я поначалу ошибочно приняла за лучи на восходе солнца. Я лежала в кровати под тёплым одеялом, и когда стало душно, я выпуталась из него и осторожно села, чтобы получше оглядеться. Моё состояние не позволило забыть о последних мгновениях сознания, когда Роберт Уолш встретил меня в замке Энн; я помнила, как он нёс меня куда-то, а после наступил сон. Долгий или же нет? Я ещё не знала.

Свет, который я приняла за солнечный, сиял от настольной лампы, накрытой полупрозрачной жёлтой тканью, но этого света мне вполне хватало, чтобы рассмотреть незнакомую комнату. Это была небольшая спальня с мебелью в романском стиле, и мне показалось странным, что кто-то мог жить в подобной обстановке. Но здесь было довольно уютно, а главное, тепло.

Конечно же, я подумала о своём муже. Знал ли он о том, где я находилась, знал ли вообще о произошедшем? Я была встревожена его отсутствием, и что-то подсказывало мне: тот факт, что я всё ещё была жива, являлся единственным благословением, и больше ничего хорошего ожидать не стоило. Через несколько минут раздумий и покоя в тишине, я поднялась, мельком обратив внимание на то, что я была облачена в чужую ночную сорочку на пару размеров больше, и подошла к зашторенному окну.

Снаружи бушевала метель, я не разглядела ничего, кроме снежных сугробов в темноте. Мысли мои вернулись к Джейсону. Я коротко помолилась о том, чтобы он был в безопасности в такую метель... и чтобы мы поскорее встретились, потому что я люблю его и всё ещё храню его ребёнка.

Буквально пару минут спустя массивная деревянная дверь отворилась, и в спальню вошла молодая полная женщина, видимо, горничная или экономка, судя по её аккуратному наряду прислуги. Она явно была удивлена, увидев меня на ногах, потому что тут же принялась уговаривать меня лечь обратно в постель:

— Но я ничего не стану делать, пока мне не объяснят, где я нахожусь и сколько прошло времени, — упрямо заявила я.

— Хозяин мне строго-настрого запретил говорить с вами на эти темы, — отвечала женщина. — Он самолично обещал всё вам рассказать.

— Ваш хозяин? И кто же он?

— Это сэр Роберт Уолш, мадам. Вы находитесь в его доме на Харроу-Роуд.

Я с огромным облегчением подумала о том, что меня по крайней мере не увезли далеко от Лондона. Всего час езды от города. Джейсон должен был знать, где я... Отвернувшись от прислуги, я сжала пальцы левой руки в кулак, будто так могла явственней ощутить своё обручальное кольцо. Я попросила Господа хранить моего мужа, моего ребёнка и меня саму в

эту жуткую ночь. И хотя я больше не чувствовала никакой угрозы, и пусть боль немного ослабла, незнание волновало больше всего.

Незнакомка долго уговаривала меня лечь в постель и отдохнуть, я подчинилась, так как иного выбора мне просто не оставили. Я не знала, где моя одежда, и смогу ли я вообще найти выход из этого дома. Куда бы отправилась с гудящей головой, неспособная сосредоточиться из-за боли, к тому же совсем без денег, и в такую кошмарную погоду?

Я не могла спать в этой чужой комнате, изредка раздававшиеся за дверью голоса заставляли меня замереть опять и опять. Тёмная спальня напоминала мне келью в каком-нибудь средневековом замке.

Та же женщина пришла ко мне через какое-то время, и я почти умоляла её рассказать, что происходит, и где был мой муж, и когда я могла бы поговорить с хозяином дома, но она упрямо покачала головой и лишь просила меня выпить горячее молоко с мёдом.

— Я не буду ни есть, ни пить ничего в этом доме! — категорично заявила я. — Пока вы не позовёте сюда вашего чёртова хозяина, я отказываюсь здесь оставаться. Я сейчас же встану и уйду, и вы меня не удержите!

Мой голос звучал отвратительно после отравления и был похож на хрипы умирающего. Возможно это и мой решительный вид заставили прислугу пошевелиться: она оставила поднос с питьём на столе и шустро выбежала из спальни. Я покорно ждала, сидя в кровати и дав этой женщине фору в несколько минут, а после собиралась действительно встать. Но не прошло и нескольких минут, как вдруг в комнату вошёл Роберт Уолш. Наши взгляды встретились, когда подняла голову, и он улыбнулся, отчего показался мне совсем молодым.

Однако первое, что бросилось мне в глаза — его удручённый вид мученика. Никакая улыбка не скрыла бы это, какой бы прекрасной она ни была. Каждый раз, что мне доводилось встретиться с ним, он казался уверенным в себе мужчиной, идеальным джентльменом для одних и обаятельным обольстителем для других. Привлекательность, данная от природы, позволяла ему открывать многие дороги на своём жизненном пути беспрепятственно и легко, и даже их с сестрой секрет, хранимый столько лет, до сих пор оставался тайной для общества.

Но этот Роберт Уолш, что стоял передо мной, был другим; осунувшийся и бледный, он казался несчастным и потерянным, брошенным кем-то любимым на произвол судьбы.

— Зря вы отказываетесь принимать пищу, вам нужны силы, — сказал он строго. — Так доктор велел, а докторам я доверяю.

— Я им тоже доверяю. А вот вам — нет.

Он вздохнул так тяжело и отчаянно, будто я обидела его своими словами. Но, скорее всего, он был просто подавлен сложившейся ситуацией, и очень устал.

— Поверьте, моя дорогая, у меня нет причин желать вам смерти. В этом доме вам ничто и никто не грозит. Здесь только я, вы и несколько слуг. Ну, так что? Будете хорошей девочкой?

Роберт взял со стола большую кружку с молоком, затем приблизился к кровати; пока я старалась отодвинуться, как можно дальше, присел с краю и протянул мне напиток.

— Прошу вас, и не смотрите на меня так, я ведь не монстр. Нам с вами предстоит тяжкий разговор, так что...

Мне пришлось послушаться и отпить молока, так как я чувствовала, что он не перестанет вынужденно играть в приветливого хозяина, а вынужденную игру я бы не выдержала при таком состоянии. Молоко было тёплым и сладким, я не ощутила иного вкуса,

как впрочем и на балу, когда меня умудрились отравить одной лишь водой или фруктами.

— Вы, видимо, гадаете, что произошло, и как вы попали сюда, по какой причине и по чьей вине. И, несомненно, жаждите узнать о том, где находится ваш дражайший муженёк.

Он говорил спокойно, пока следил за мной, сидя всего в паре футов от меня. Я не могла ничего с собой поделывать, но его спокойствие (будь оно мнимым или же нет) побудило меня расслабиться. Весьма сухо поблагодарив его за заботу, я заметила, что он был одет в старую, посеревшую от времени и истёртую в некоторых местах рубашку, мятые, чуть мешковатые брюки и ботинки, явно выдавшие лучшие времена. Я бы никогда не подумала, что этот человек, предлагавший мне стать его любовницей, мог бы предстать в столь непримечательном виде.

Но я всматривалась в его красивое лицо и точно понимала, что теперь его это мало волновало. И его не волновало, что я была одета лишь в ночную сорочку, а он находился непозволительно близко от меня; не волновало то, как он смотрел на меня: пристально, с едва заметной ухмылкой на полных губах.

Взгляд его потемневших глаз скользнул по моему лицу и ниже, и Роберт сказал, пытаюсь казаться несерьёзным:

— В этом доме уже много лет такого не случилось. Я говорю о молодой, привлекательной особе в моей постели. Причём, едва одетой, хочу заметить.

— Что ж, тогда эта особа желает узнать, как она сюда попала, и где её одежда.

Я пыталась сохранять хладнокровие и не волноваться по мере возможного; я уверяла себя, что этот мужчина ничего не сделает со мной. Он не мог оказать мне такую услугу и потом сразу же погубить.

— Верно! Прошу прощения за замешательство... Вам говорили о том, какой чудесный цвет ваших волос? Вчера в темноте я едва мог что-то разглядеть... Впрочем, это неважно. Я привёз вас сюда до того, как началась эта кошмарная метель, и мой знакомый доктор успел вас осмотреть и помочь. — Роберт сделал многозначительную паузу и снова вздохнул. — Вы потеряли не так много крови, как могли бы, я успел вовремя.

— Так что же это было? — спросила я ещё хриплым голосом.

— Толчёное стекло с какой-то добавкой... Что это была за отравка, я не знаю. Персы лучше разбираются в своих ядах.

Мне показалось, что я просто ослышалась. Я была поражена и удивлена.

— Вы сказали, персы?

— Много лет назад Мэгги учинила очередной каприз. Захотела попутешествовать. В конце концов, нас занесло в Персию. Там у неё появилось много новых знакомых. Не удивлюсь, если она научилась у них подобной дряни.

И тогда я поняла, что он без колебания выдал намерения своей сестры. Самого близкого для него человека, как мне казалось. Теперь я знала, что она желала мне смерти. Разве могла я после такого оставаться в живых?

— Я знаю, о чём вы думаете, моя дорогая, — сказал мужчина, глядя на меня; его голос был ласков и ласкал слух. — Но больше нет смысла что-либо скрывать. Много недель прошли с того дня, как я в последний раз говорил с ней. Она знала, что вы... в положении. Она узнала, что Готье счастлив и доволен жизнью, как майский кот, и это привело её в ярость. О, я никогда не видел её такой... Фурия!

С каким-то вымученным отчаянием мужчина сжал пальцами краешек одеяла, затем отпустил, но после стал повторять эти медленные движения опять и опять.

— Она была в бешенстве! Проклинала Готье и его «неродившееся отродье». Я понимал её гнев и оставался, как и всегда, обыкновенным слушателем, к которому она привыкла. Но я не думал, что её угрозы и проклятья выльются во что-то... такое... я не знал.

Тогда я искренне не понимала Мэгги Уолш. Судя по тому, что рассказывал мне муж, она обожала лишь дразнить его, и она достаточно презирала его, чтобы отпустить. Я высказала свою мысль вслух, на что Роберт с усмешкой ответил:

— Мэгги определённо отличается от других женщин. Вы ведь не знаете, но наша мать родилась и выросла в грязи и нищете лондонских улиц. Ещё девочкой ей приходилось заниматься такими вещами, о которых вы и не представляете. — Он посмотрел на меня с любопытством и слегка прищурился. — Кейтлин, вы бродили когда-нибудь поздно вечером вдоль Темзы? Конечно же, нет, и вы не видели и доли тех ужасов, что скрывает ночь в переулках. Эти люди... уже и не люди почти... умирали там каждый день. И никому не было до этого дела. Наша мать тоже могла умереть, будучи обыкновенной бродяжкой, и даже её красивое молодое тело не спасло бы её. Но однажды появился богатый джентльмен, который сжалился над ней. Он забрал её с улиц, накормил, дал ей красивую одежду, и, когда увидел её всю, без отвратительных лохмотьев и грязи, полюбил... Так, по крайней мере, она нам рассказывала.

Роберт покачал головой, утёр тыльной стороной руки пересохшие губы и снова взглянул на меня.

— Мы с Мэгги не знали, что такое одиночество и голод. Но моя сестра никогда не забывала эти жуткие рассказы матери, которыми она её «развлекала» перед сном. Я ненавидел их, а Мэгги впитывала всё, принимая так близко к сердцу! Слишком близко! Когда она выросла, то стала жестокой, холодной и надменной. И всех тех многочисленных женихов, которые вертелись вокруг неё, она заставляла страдать. Мужчины являлись для неё игрушками... Как забавно, что со мной она повела себя иначе.

Я подняла глаза и встретилась с его испытующим взглядом, от которого мне стало не по себе. Что было за этими тёмными глазами — я не горела желанием узнавать. Он больше ни слова не сказал о своей порочной связи с сестрой, и не думаю, что мне было бы приятно слушать об этом. Ненамного приятней, чем о нищих и калеках, бродящих по городским ночлежкам и грязным переулкам.

— После её решения выйти замуж за Готье, долгое время ничего не менялось. Но однажды она сказала мне: «Он сводит меня с ума! Он просто ничтожный, зелёный юнец... но он сводит меня с ума». И тогда я понял, что она желала его. А он оказался холоден к её попыткам привлечь его, к её красоте. Он был даже сильнее меня! — Роберт вдруг замолчал, а затем минуту спустя произнёс пустым голосом: — Мэгги получила сполна. Никто не игнорировал её, никто не был настолько равнодушным к ней! Она и меня использовала, чтобы расшатать его мальчишечью фантазию, и заставить проявить хоть какие-то эмоции...

Моё сердце ныло от его слов. Голова раскалывалась от тянущей боли, и я откинулась на жёсткую спинку кровати, чтобы сохранить равновесие. Я думала о том, какими же разными бывают люди, какими жестокими их делает жизнь, и какой странной бывает любовь.

На минуту я закрыла глаза. У Мэгги Уолш были чувства к Джейсону, но она слишком поздно решила привязать его к себе... или выбрала чересчур неправильные методы.

— Вам нехорошо, моя дорогая? — услышала я голос Роберта и посмотрела на него. Он всё так же сидел рядом. — Мой рассказ вас расстроил, знаю. Но так нужно было. Так легче будет всё понять.

— Да, вы правы. Но всё-таки... почему я? — мой голос дрожал от волнения. — Я ничего дурного не сделала вашей сестре.

— Она мстительная, Кейтлин, и всегда была такой. К тому же, она боялась, что вы расскажете наш небольшой семейный секрет... Но по большей степени... У Мэгги нет детей, и вряд ли она уже выйдет замуж. Глядя на то, чем обзавёлся Готье без неё, она обезумела от ревности. Открылись старые раны. Даже я больше ничем не мог ей помочь... К тому же, вы понравились мне слишком сильно, чтобы продолжать потакать её многочисленным причудам.

В этот момент в дверь постучали, и хозяин дома пригласил прислугу войти. Та же женщина, что уговаривала меня вернуться в постель, принесла чашку с дымящимся чаем, затем так же быстро оставила нас, закрыв за собой дверь. Роберт сам протянул мне чашку.

— Выпейте, — приказал он коротко.

Я почувствовала привкус мёда и корицы, и в тот момент напиток показался мне божественным, так что пока я медленно осушала чашку, Роберт продолжал:

— Мэгги могла бы до конца своих дней отрицать очевидное, но я знаю, она была влюблена в Готье. Возможно, когда-то, не сейчас, но была... Вы заставили её ясно увидеть, что Готье имеет теперь всё, чего нет у неё. И поэтому она так злится, и она несчастна.

Я отставила чашку на полку рядом с кроватью и уже собиралась сказать о том, что Мэгги Уолш вовсе не несчастная, а сумасшедшая, и ей самое место в соответствующем заведении. Но потом я подумала о своём ребёнке и вспомнила о могилке в глубине сада Лейстон-Холл. Тот мраморный ангел никуда не пропал, он был там и навсегда останется. Так хотел бы Джейсон. Кусая губы, я подумала о том, что Роберт, возможно, и был прав. Его сестра была несчастна.

— Чего вы хотите от меня? — спросила я осторожно. — Думаете, Джейсон ничего не узнает?

— Мне думается, он уже всё знает. Возможно даже послал кого-то отыскать мою сестрицу, дабы воздать ей по заслугам.

— И вы не боитесь, что в итоге её накажут?

Он отвёл глаза, беспечно усмехнувшись, и некоторое время между нами сохранялась тишина. Разве что ветер порой давал о себе знать, шумно насвистывая за окнами.

— Как только позволит погода, — произнёс Роберт вдруг, взглянув на меня, — ваш супруг пожалует сюда. Он всё знает. Пока он пытался отыскать вас в Энн среди гостей, мой приятель уже подсунил ему соответствующее послание. И я даже рад, что он не успел сюда до того, как разыгралась метель... Я вижу в вас милость, Кейтлин. И всепрощение. И вы доверяете мне, вы знаете, почему. Вы ведь уже не ненавидите меня? Или даже Мэгги?

Я отвернулась, закутавшись в тёплое одеяло, но неожиданно почувствовала, как мужчина придвинулся ближе, и ощутила его горячие пальцы на своём подбородке; он протянул ко мне руку и заставил посмотреть ему в глаза. А когда снова заговорил, его голос звучал тише и с какой-то безнадёжностью.

— Знаете, что такое по-настоящему влюбиться, Кейтлин? Думаете, это как держаться на поверхности воды и не тонуть? Нет, вовсе нет. Это как застрять на самом краю света, держась за него рукой и отпуская поочерёдно каждый палец, медленно-медленно...

Я не могла заметить, что с каждой минутой он тянулся ко мне и приближался. Я чувствовала его кожей и дрожала по причине, которой сама не понимала. Только смотрела в эти глубокие глаза, пытаюсь сосредоточить на них всё внимание.

— Когда я увидел тебя в первый раз, мне показалось, будто я снова стал ребёнком. Словно мне опять десять лет, и я смотрю на зелёную крону дерева, через которую меня греют солнечные лучи, и я желаю забраться на это дерево, и быть выше, ещё выше, и мне не нужно бояться мыслей о том, как потом вернуться назад.

Прежде, чем поцеловать меня, он нежно коснулся моих спутанных волос, и я не успела отпрянуть, да и некуда было деваться от этого странного порыва; я думала, он говорил о своей сестре, или же о нас с Джейсоном. Возможно, даже о Мэгги и моём муже, но только не так... только не о нас.

Его губы были мягкими, а поцелуй, которым он спешил меня одарить, показался мне нежным, несмотря на его прерывистое дыхание и нервные пальцы, которыми он пытался гладить моё плечо. То, что заставило меня воспротивиться этому — единственная мысль, будто вспышка, в моём мозгу: «ты принадлежала Джейсону ещё до того, как узнала об этом. И он уже тогда был твоим!»

Мне не пришлось вырываться или бороться, он сам отстранился и отпустил меня. Мужчина дышал тяжело и долго не мог посмотреть мне в глаза. Я не ощущала себя оскорблённой после всего, что Роберт мне рассказал. Я видела троих несчастных созданий, балансирующих между ложью и реальностью, и причинявших друг другу всё больше и больше боли. Я лишь жалела о том, что Джейсон вообще оказался среди них.

— Вам нужно выспаться, Кейтлин. А мне — привести себя в порядок, чтобы достойно встретить вашего мужа и то, что он для меня готовит, — сказал хозяин дома спокойно.

Затем он поднялся, пригладив рукой свои длинные растрепавшиеся волосы и ушёл, бросив в мою сторону последний жалостливый взгляд.

Конечно, я так и не уснула. Тусклый свет лампы мерцал, будто вот-вот готовый погаснуть, а тоскливый вой ветра за окном всё не утихал. Когда я, наконец, всё обдумала, когда боль совсем исчезла, и я стала чувствовать себя, как и всегда, я решила подняться. Едва я сделала и пару шагов по комнате, как вдруг за дверью раздались громкие голоса. Роберт Уолш говорил на повышенных тонах. Ему вторил другой мужской голос, злой и раздражённый. Я узнала его, как только голоса приблизились.

Мой муж пришёл за мной.

Приближения Рождества я не чувствовала, впечатления от пережитого были настолько яркими и как-то по-особенному необыкновенными, что на протяжении ещё трёх-четырёх дней я почти ни с кем не разговаривала. Знакомый доктор объяснял это просто и без волнений, так что и все домашние, и даже Джейсон, успокоились, скоро прекратив смотреть на меня так, будто я в любую минуту могла испустить дух.

Не стоит заикливаться на том, как муж вернул меня домой. Я благодарна ему за благоразумное завершение истории с семьёй Уолш. Больше не было скандалов, угроз чьей-либо жизни или проклятий. Моё последнее «спасибо», адресованное Роберту, прозвучало на пороге его дома, затем Джейсон увёл меня, послав ненавистный взгляд в сторону бывшего родственника.

Лишь раз я задала ему вопрос о Мэгги и о том, что он собирался делать с ней, на что супруг ответил со свойственной ему сдержанностью:

— Я найду эту мстительную дрянь и заставлю ответить за то, что она хотела сделать с тобой.

Когда я попросила его оставить её в покое и просто всё забыть, он взглянул на меня, как на сумасшедшую (его покрасневшие от усталости глаза казались мне какими-то демоническими) и раздражённо заявил:

— Сейчас твоё всепрощение совершенно не к месту!

Больше к данной теме он возвращаться не желал, а мне не хотелось сталкиваться с ним в этом вопросе. Я не держала обиды из-за его грубого тона и раздражения, потому что чувствовала, как он переживал, а злился только из-за угрожавшей мне опасности. Однако, смутное ощущение чего-то лишнего в его отношении ко мне, чего-то необъяснимого так же беспокоило меня. Я предполагала, что то было ревностью, но спрашивать напрямую не стала.

В полной безопасности я почувствовала себя лишь дома. Матушка несколько часов просидела у постели, не отпуская моей руки, причитала и поила меня горячим чаем. Она сообщила, что в Бантингфорд мы вернуться пока не сможем, так что это Рождество приходилось именно на Лондон. От этих мыслей я начинала всё сильнее скучать по Глиннету и тихих рождественских вечерах в нашем уютном доме. Единственное, что успокаивало меня, так это обещание матери подольше остаться со мной в столице.

Спокойная атмосфера, обычно царящая в лондонском доме, была нарушена; непривычный шум или беготня слуг то и дело слышались в гостиной, или на кухне, или в столовой. Меня всё время пытались согреть, накормить и не позволяли ничем заниматься. Полный покой и никаких волнений. Честно говоря, мне хватило бы и двух дней, чтобы полностью прийти в себя. Матушка понимала моё состояние; она не расспрашивала ни о чём, только читала вместе со мной или что-нибудь подолгу вязала, сидя в глубоком кресле у окна.

Как-то в один из вечеров, когда я была одна, Джейсон тихонько прошёл в спальню, остановился у кровати и присел рядом со мной, поправив одеяло на моих ногах. Я посмотрела в глаза своему мужу, в те минуты его взгляд выражал такую глубокую печаль, что я едва ли не физически ощущала его отчаяние. И его голос дрожал, когда Джейсон вдруг заговорил, глядя на меня:

— Ты хоть представляешь, что было со мной, когда я едва тебя не потерял? Я сходил с ума, Кейт. Я думал, что больше никогда тебя не увижу.

Слушая его, я не могла сдержать слёз. Они текли и текли по щекам, я чувствовала их солёный вкус на губах, и мой плач был беззвучный.

— Возможно, ты не поверишь мне... — сказал он, глубоко вздохнув, будто набирался мужества, — но я не смог бы жить без тебя.

— Не надо так говорить, — промямлила я, шмыгнув носом. — Я ведь в порядке. Я жива...

— А если бы всё закончилось иначе? Если бы этот негодяй что-то сделал с тобой? С тобой и нашим ребёнком, Кейт! Я бы убил его! Клянусь тебе, убил бы его и его проклятую сестру. И я сделаю это, как только найду её и всех, кто был в этом замешен!

Это уже походило на угрозы сумасшедшего, в тот момент Джейсон и был похож на умалишённого: всклокоченные волосы, блуждающий взгляд — дикий и злой, его губы шёпотом повторяли ужасные проклятья снова и снова...

«Я убью их! Убью их всех!»

И я сама — дрожащая и в слезах — бросилась на его защиту тем способом, который знала. Подавшись вперёд, я выпуталась из тёплого одеяла и кинулась на шею к Джейсону, крепко-крепко прижавшись к нему и обняв. Какое-то время я ещё чувствовала его горячее дыхание напротив своей щеки, он говорил что-то о Мэгги, и его тело было так напряжено, что казалось, будто пальцами я сжимаю твёрдый камень.

— Всё хорошо, — говорила я, глядя ладонью его спину. — Всё хорошо, и я с тобой.

Когда его руки обняли меня в ответ, и через пару мгновений я оказалась сидящей у мужа на коленях, я почувствовала, что он вернулся ко мне. Его дыхание выровнялось, и когда я прижала руку к его груди, тут же ощутила мерное биение сердца. Ворот его рубашки уже был распахнут, я расстегнула ещё одну пуговицу и положила голову на его обнажённое плечо.

— Ты всё же простишь меня? — прозвучал его чуть охрипший голос надо моим ухом.

— Но ведь не за что, — ответила я просто. — И я больше не хочу слышать об этом. Твоей вины нет. И ты пришёл за мной.

— Да, пришёл.

Я открыла глаза, внезапно осознав, что почти заснула. И как долго Джейсон держал меня в своих объятьях, не знала. Но подняв на него глаза, увидела его улыбку. Грустную, едва заметную, но всё же — улыбку. Протянув руку, я коснулась его тёплой кожи, и муж ласково поцеловал мою ладонь.

— Давай уложим тебя, дорогая.

И он заставил меня лечь в постель, уговаривая и успокаивая, будто маленькую, сам же закутал в одеяло, заботливо подоткнув все края. Я с улыбкой наблюдала, как Джейсон играл роль няньки, а потом, когда наклонился и быстро поцеловал меня в губы, тихо произнесла, не подумав ни секундой дольше:

— Знаешь, я бы так ничего и не узнала, если бы не ты.

По тому, как сверкнули его глаза, и с каким удовольствием он посмотрел на меня тогда, я догадалась, что попала в самую точку.

Рождество встречали в загородном особняке наших хороших знакомых Смиттов. Как оказалось, Лора и её муж очень щепетильно относились к праздникам, так что невозможно было представить их небольшую семью вне этой праздничной суеты. Убедив Джейсона, что

моё здоровье полностью позволяло мне выезжать из дому, и я чувствовала себя прекрасно, я настояла на том, чтобы принять приглашение Смиттов.

На меня особняк произвёл внушительное впечатление. Дом располагался в огромном, по моим понятиям, парке, в то время года похожем на белый лес из старых сказок. Мы ехали по безликой аллее, что вела к крыльцу, и уже на лестнице, когда я задумалась и засмотрелась на большую каменную вазу, покрытую снегом, я почувствовала приятный запах хвои и свежей выпечки. Именно в тот момент мне захотелось избавиться от любой неприятной, гнетущей мысли, что тревожила меня.

В богато украшенной гостиной — длинной комнате с низким потолком и высокими окнами — поставили внушительных размеров столы, хотя гостей оказалось не так много. Кроме моей матери и отчима Лора пригласила кузена и двух его прелестных дочерей семи и одиннадцати лет. И позже, глядя на рождественскую ель, украшенную свечами и игрушками, на огромное количество пёстрых коробок с подарками под ней, на фрукты и сладости на столах — я вспоминала каждое Рождество, проведённое в Глиннете вместе с матерью и Коллет.

И, будто читая мои мысли, матушка подошла и произнесла тихо, чтобы только я могла услышать:

— Как жаль, милая, что твоей сестры нет рядом с нами! — она многозначительно вздохнула, а я взяла её за руку. — Я волнуюсь за неё. Несколько недель — и ни одной весточки.

— Возможно, это связано с её здоровьем, — предположила я рассеяно. — Она гораздо раньше меня обзавелась малышом, знаешь.

— И всё-таки она могла бы напомнить нам о себе, успокоить, в конце концов. Я думаю, стоит поехать к ней сразу же после праздников. Не могла бы ты поговорить об этом с Джейсоном, милая? У него больше возможностей, чем у меня и Джорджи.

Я кивнула и повернулась в сторону отчима, который оживлённо болтал о чём-то с кузеном Лоры, сидя перед горящим камином. Мои мысли невольно вернулись в тот день, когда Коллет сбежала с мистером Рэтмором, а мистер Брам просто рвал и метал, так он был разгневан её предательством. Какие же неприятные мысли...

Когда кто-то коснулся рукой моей спины, я вздрогнула от неожиданности, и, повернувшись, увидела Джейсона. Он был так близко ко мне, его серые глаза блестели, и нежная улыбка не сходила с его слегка побледневшего лица. Какое-то время он просто смотрел на меня, так пристально и собственнически, что казалось, будто он пытается запомнить мой образ, навсегда вобрать его в память. Он был неотразим в тот вечер, хотя никто из нас не наряжался по-особенному; я же оставалась в светло-сером шёлковом платье с длинными рукавами, а на белой манишке сзади и вовсе имелась небольшая дырочка, но мне не хотелось заниматься ею тогда.

— Вот так и должен смотреть влюблённый мужчина! — выразительно произнесла матушка, разглядывая нас и отвлекая меня. — Вы прекрасно смотрите вместе. Знаете, Джейсон, благодаря вам она очень изменилась.

— В лучшую сторону, я надеюсь?

— Несомненно.

— Что ж, но я-то надеялся сохранить её такой, какой она была и до встречи со мной, — сказал Джейсон, всё ещё глядя на меня, и улыбнулся.

— Спасибо вам, мой дорогой, за этот чудесный вечер! — просияла матушка. — Как

жаль, что Коллет и её супруга нет сегодня с нами. И вашего старшего брата с семьёй тоже. У нас набралась бы замечательная компания, будь они рядом.

Я ждала, что Джейсон переменится из-за упоминания о брате, но он ничем этого не выдал. Лишь беспечно пожал плечами и весьма сухо сказал:

— Я уже послал ему открытку от всех нас.

Двумя часами позже, когда стих детский смех, а мужчины устали придумывать всё более страшные подробности для историй о приведениях, все разошлись по спальням; слуги погасили камин и свечи, убрали со столов и одёрнули шторы в больших комнатах, чтобы вскоре хозяева и гости могли наблюдать рождественское утро во всей его красе.

Я чувствовала себя весьма неплохо, хоть и была утомлена, несмотря на то, что ничем практически не занималась. Я находилась одна в просторной спальне, где преобладали белый и кремовые цвета; сидя за невысоким столиком перед овальным зеркалом, я наскоро заплела расчёсанные волосы в косу и принялась за незаконченный подарок мужу, который вошёл в спальню ближе к полуночи.

Я была сосредоточена на своём занятии и не заметила, как Джейсон подошёл сзади, так что до того, как он заговорил, в комнате раздавался лишь шорох бумаг.

— И чем же ты занята в такой поздний час?

Подскочив и заслонив собой драгоценное творение, я улыбнулась и ответила:

— Это ещё незакончено! Смотреть нельзя!

— А мне хочется, покажи. — Он протянул руку, но я его оттолкнула.

— Сказано же, позже! Ну не будьте таким непослушным ребёнком, сэр, — мой голос дрожал от волнения и предвкушения.

Но Джейсон и слушать меня не хотел, к тому же, на него наверняка подействовала та пара бокалов хереса после ужина. Он принялся тискать и щекотать меня, и мои мольбы сквозь смех никак не могли на него подействовать. В конце концов, он увёл меня от стола и повалил на постель, где продолжил истязать меня, пока я не сдалась. Лёжа рядом со мной и глядя мне в глаза, он улыбался самой порочной улыбкой, на какую только был способен.

— Мне помнится, ты говорил, что ты — мой раб, а не наоборот, — произнесла я с трудом, когда наши губы разделяли всего пара дюймов.

Он ничего не ответил. Я ждала, что муж поцелует меня в награду за мою капитуляцию, но он этого не сделал. Поднялся и, подойдя к столу, взял исписанный лист бумаги, который я всё время прятала в небольшой папке. Пока он вчитывался, я села прямо и принялась рассматривать его. Сколько раз я смотрела на него в полном восхищении тем, как прямо он держался, какими чувственными казались его губы, когда он говорил что-то, каким привлекательным казался он в своей строгости и сосредоточенности.

Джейсон был одет в простые пижамные брюки и халат, который даже не потрудился запахнуть, как следует. Полёт моей фантазии продолжался бы и дальше, гораздо дальше созерцания его плоского торса, если бы Джейсон не заговорил первым:

— И что это? — спросил он, глядя на меня.

— Всего лишь поэтическое послание. Тебе. Я пыталась додумать его по дороге сюда, но всё время на что-то отвлекалась. Оно незакончено.

И всё же, когда он принялся читать, я закрыла глаза. Сама не понимаю, почему.

— «... я не хочу, чтобы ты любил меня, потому что я подхожу тебе. Из-за того, что я говорю или делаю правильно. Или потому что я — это всё, что ты искал.

Я хочу быть единственной, о которой ты не знал ничего, пока не повстречал. Быть

единственной, кто, как кровь, будет протекать под твоей кожей. Единственной, кто сводит тебя с ума и делает таким непостоянным. Единственной, кто заставит тебя усомниться во всём, что ты раньше знал о любви. Хочу быть той, кто сделает тебя безрассудным и заставит потерять контроль; быть единственной, в кого ты так необъяснимо и навеки влюблён.

Я не хочу быть той, кто будет засыпать рядом с тобой в постели; хочу быть единственной причиной, по которой ты не смог бы ночью заснуть...»

Открыв глаза, я увидела, как Джейсон аккуратно сложил листок пополам, вернул на стол, а затем медленно подошёл и встал прямо передо мной. Я смотрела на него снизу вверх, в его потемневшие глаза, и я ахнула, когда он скинул халат, стянул брюки и без всякого стеснения приблизился и лёг на меня, опираясь на руки. Его кожа была мягкой и горячей, я обняла его, положив руки на его широкие плечи и целовала, целовала, пока хватало дыхания, а отстранялась с огромной неохотой. Я не могу вспомнить ничего нежнее этих поцелуев.

Когда он коснулся губами моей шеи и вдруг посмотрел мне в глаза, я увидела в них такую любовь, что ни одно моё письмо не сумело бы выразить этого.

— Теперь я понимаю, чего лишил тебя. В Кардиффе тебя оценили бы по достоинству. Все твои таланты были бы раскрыты в полной мере, так, как ты того заслуживаешь...

— Я не хочу, чтобы ты вспоминал об этом, — сказала я, посерьёзнев. — К тому же, им и так не понравилось моё сочинение... Нет, неважно, чего я лишилась. Мне важно, что я имею сейчас.

Я коснулась пальцами его приоткрытых губ и кожей ощутила горячее дыхание. Смахнув упавшую ему на лоб прядь, я решилась, наконец, сказать то, что следовало бы сказать уже давно:

— Спасибо, за то, что ты так изменил меня. Такой я нравлюсь себе больше. Спасибо, что позволил мне тебя полюбить.

И я будто почувствовала себя легче. Я тонула в его серых глазах, в его голосе и той нежности, с которой он любил меня. Я поняла, что до того, как я полюбила этого мужчину, моё сердце было сделано из камня. И впервые за столь долгое время я ясно поняла, что долги отчима были для меня лучшим подарком судьбы. Я бы ничего не хотела менять.

Джейсон заставил меня забраться под одеяло после того, как сам раздел меня, и не выпускал из своих объятий, пока громкие часы с первого этажа дома не пробили час ночи. Я лежала, прижавшись к его голой груди, слушала биение его сердца и представляла, как через пару десятилетий буду так же обнимать своего мужа ночью.

Ты совсем разнежилась, Кейт, — мелькнула в моей голове наивная мысль перед тем, как я заснула.

За время нашего отсутствия в Лейстон-Холл не изменилось ничего. Покидая столицу, я лишь мельком поймала слухи о том, что Роберт Уолш уехал куда-то на север. Возможно, он отправился за своей сестрой, предполагала я. Её же судьбу я вверяла в руки Господа и считала, что Он единственный, кто будет к ней справедлив.

Мне не терпелось попасть домой, Джейсон видел моё нетерпение и смеялся, радуясь, что Бантингфорд так приглянулся мне. Это было правдой, я любила наш небольшой город и дом, в котором познала столько счастья.

Однако, по прибытии в Лейстон-Холл нас ждали неожиданные новости.

Только миссис Фрай успела нас поприветствовать, как вдруг я заметила чужие вещи у главной лестницы — два чемодана и один кожаный саквояж. Едва я взглянула на дорожную

сумку и сразу же поняла, кому та принадлежала. Отдав лакею пальто, я позвала мать, но случилось так, что мой оклик смешался с чужим; я посмотрела за спину мужа и увидела свою сестру. Она вышла к нам, и я заметила, что она была хорошо одета, ухожена и... совершенно не беременная.

— Коллет? Когда ты приехала?

Она не ответила на мой вопрос, а продолжала смотреть на меня широко раскрытыми голубыми глазами, и казалась удивлённой, даже скорее ошеломлённой. Матушка бросилась к ней и принялась горячо целовать, обнимая её.

С горьким чувством досады я обнаружила, что совершенно не разделяла её радости от этого визита. Наоборот, меня охватила дурнота и предчувствие чего-то неприятного.

— Но, Коллет, ты ведь писала, что ты в положении? — удивилась наша мать.

Сестра стояла, будто онемев, и смотрела то на меня, то на отчима, который вдруг подошёл к ней и так дёрнул за руку, что Коллет возмущённо взвизгнула.

— Что ты здесь забыла? Я ведь предупреждал тебя! Не появляться здесь, не давать никаких намёков! Ты всё испортишь! — со злостью, поразившей меня, произнёс мистер Брам.

Сестра же выдернула руку из его хватки, гневно прошипев, чтобы он более не смел касаться её, и вдруг указала пальцем на Джейсона.

— Вы... я приехала сюда из-за вас, негодяй. Всё! Хватит ваших волшебных сказок и проклятых договоров! Пусть Дьявол впредь становится вашим партнёром, я больше не участвую в ваших грязных делах.

Я видела, как безуспешно наша мать пыталась выяснить, что же происходило, но никто не отвечал ей; на её глазах уже выступили слёзы, и она украдкой вытирала их уголком платка.

— Коллет, что происходит? — прозвучал мой голос в наступившей тишине.

— О, я всё расскажу! — выкрикнула сестра, продолжая указывать на Джейсона. — Да, да, сэр, всё расскажу им, и тогда они посмотрят и увидят, что вы за негодяй на самом деле!

Обернувшись к мужу, я увидела, как он побагровел. Никогда ещё я не знала его таким напряжённым и разгневанным. Сжав кулаки, он смотрел на Коллет и, казалось, был готов броситься и растерзать её.

— Джейсон, что происходит?

— Не смей слушать её! — рявкнул он грубо. — Она сошла с ума, и сейчас уберётся из этого дома...

— О, нет уж, сэр! Я не сошла с ума! Нет, не я вовсе! — Коллет повернулась ко мне, и я расслышала в её голосе издёвку. — Что ты знаешь о нём, сестрёнка? Кем считаешь его? Я расскажу всё с самого начала... Потому что больше не могу так жить.

И она отчаянно зарыдала.

Одно из моих самых ярких воспоминаний — мне было лет шесть или семь, не больше; я просыпалась рано утром, раньше сестры и родителей, и шла по самому длинному коридору нашего дома; и пока шла, босиком ступая по полу, вовсе не ощущая холода, я смотрела сквозь стекло двери в конце коридора на стену, и из-за восходящего солнца она была окрашена в яркий, оранжевый цвет. И я медленно приближалась к этой «раскалённой» стене, поражаясь магии, которую творило солнце; а вокруг стояла тишина, свойственная только такому раннему утру. Мне нравилось прижимать свои маленькие ладошки к той стене, казалось, словно я окунаю свои руки в солнечные лучи.

Я чувствовала себя в безопасности, мне было тепло и уютно, так, как никогда больше.

В тот момент, когда Коллет начала изливать перед нами душу, мне захотелось раствориться в солнечных лучах или притвориться, что ничего на самом деле не происходило.

Мы больше не могли оставаться в гостиной, слуги и так успели услышать больше, чем следовало, однако, что-то подсказывало мне, что истина, какой бы она ни оказалась, могла разойтись даже дальше Бантингфорда. В кабинете Джейсона, за закрытой дверью, мы остались вместе с мужем, мистером Брамом и Коллет, и матушкой, конечно, тоже. Никто больше не видел смысла скрывать от неё правду моего замужества.

Несколько минут мать утешала заплаканную сестру, утирая её слёзы белым платком, я сидела в кресле напротив них, а Джейсон и отчим стояли у окна.

— Мы с Джозефом остановились в гостинице на окраине, — заговорила Коллет, успокоившись. — Дорога была просто кошмарной! Знаете, я долго не решалась приехать в Англию, пока эти двое заговорщиков всячески пытались меня заткнуть!

Она со злостью посмотрела на Джейсона, затем на отчима; мистер Брам нервничал, то и дело дёргая себя за манжеты рубашки, а мой муж безучастно глядел в пол. Он был похож на провинившегося школьника и всё никак не мог посмотреть мне в глаза.

— Прости меня за то, что я скажу, Кейт, но я больше не могу держать это в себе. И ты прости, мама, — сестра смягчилась, взяв матушку за руку, и вздохнула. — В тот день, несколько месяцев назад, когда папа сказал, что не позволит нам с Джозефом пожениться, а я же должна выйти замуж за Готье из-за его долгов, мне казалось, что всё было кончено, но...

— Подожди, Коллет! Так Джейсон сватался за тебя? И о каких долгах идёт речь? — воскликнула мама и буквально на наших глазах побледнела.

Джейсон сам взял со столика бокал, наполнил его водой из графина и подал ей. Какое-то время отчим всё ещё отрицал то, как повернулись события, и не смел признавать поражение, но, в конце концов, сдался, и рассказал правду нашей матери. Он рассказал всё то, о чём знала и я: о побеге Коллет с её офицером, о крупной сумме денег, которую задолжал Джейсону и о том, что я сама вынудила его жениться на мне.

Матушка слушала его, не перебивая, затем вдруг поднялась, не откликнувшись на голос Коллет, подошла к нему и отвесила отчиму такую звонкую пощёчину, я бы и не подумала о подобной силе, имеющейся у нашей матери.

— Как ты мог лгать? — процедила она, и я заметила, как сжались её кулаки. — Мы клялись быть честными друг с другом. А теперь выясняется, что счастье моих детей было

построено на обмане и слезах!

Мистер Брам не успел и слова сказать, как вдруг его опередил Джейсон:

— Мадам, я понимаю, вам сейчас тяжело, и вы злитесь. Но знайте хотя бы, что ваш муж был вовлечён в эту историю из-за меня. Он был твёрд поначалу... Но вы нуждались в тщательном уходе, в средствах, которых он уже не имел.

— Хотите сказать, сэр, из-за меня и нашего отчаянного положения в семье он толкнул мою старшую дочь на путь обмана? — голос матери звучал как никогда грозно. — А Кейт была вынуждена выйти за вас из-за неё? Это же отвратительно!

Когда вокруг раздался гул из их голосов, мне захотелось сжать уши, а лучше всего просто убежать. У меня кружилась голова, и ничего нельзя было разобрать, пока Джейсон не прикрикнул, чтобы все замолчали, и, наконец, прояснил ситуацию:

— Миссис Брам, дорогая! У вашего супруга не было никаких долгов передо мной. Он ничего не был мне должен, никогда! Он не играл в карты, не занимал у меня денег, ничего подобного...

Эти слова вывели меня из ступора. Я взглянула на мужа, всё ещё не веря в сказанное. Не было долгов! Никогда! Зачем тогда весь этот фарс с женитьбой Коллет? Зачем было заставлять её? Зачем вообще...

— О, я вижу, ты начинаешь понимать! — язвительно произнесла Коллет, поднявшись и уперев руки в бока. Она посмотрела на меня и хмыкнула. — Прости мне мой тон, сестрёнка, но я до сих пор не верю, что ты не знала правды! Не увидела, как всё обстояло на самом деле! Видимо, он хорошенько запудрил тебе мозги.

— Я прошу вас замолчать! — рявкнул Джейсон, встав передо мной и не позволяя Коллет приблизиться. — Моя жена в положении, и вы это прекрасно знаете. Ей нельзя волноваться, и я желаю сейчас же прекратить этот выматывающий разговор.

— Вот как теперь запел! А когда я отказывалась подыгрывать вам, вы говорили, что она забеременеет и тогда уже никуда от вас не денется — вы не были таким благородным!

— Джейсон, о чём она говорит? — спросила я, но от него так и не получила ответа.

— А я говорю о том, что этот человек никогда не хотел меня в жёны! — воскликнула Коллет торжествующе. — Всё это время он лишь играл. Он с самого начала хотел тебя, Кейтлин... О, не кривитесь так, мистер Готье! Не вы ли говорили, что, когда придёт время, вы сами всё расскажете моей сестре? «Но тогда она уже будет любить меня, так сильно любить, что всё простит, несмотря на ложь! Она будет жить мной, дышать мной и обожать меня, так что остальное не будет важно!» Разве то не были ваши слова, сэр?!

Я не имела понятия, как реагировать на подобное откровение, даже не знала, что испытывала в тот момент. Поначалу был лишь шок, затем запоздалое осознание, поскольку моя голова плохо работала, я медленно соображала, что к чему.

— Я хочу, чтобы все знали правду, — не унималась Коллет, гневно сверля глазами Джейсона, застывшего перед ней. — А после... Пусть моя сестра решит. Я всегда считала её разумной. Так вот, когда этот человек пришёл к нам в дом, якобы просить моей руки, он договорился с нашим отцом и они придумали план: я должна буду притвориться безутешной невестой, тогда Кейт пожалеет нас, меня и Джозефа, и займёт моё место. Так и случилось. Готье всё просчитал. Да, сэр, вы знали, что Кейт хочет уехать учиться, и ни за что не выйдет за вас добровольно. Конечно же, у вас возникали невероятные теории о том, как можно было бы заставить её, но вы оказались слишком благородным, чтобы их осуществить! И вот на вашем пути попала я — влюблённая в бедного сироту-офицера, у нас не было ни гроша в

карманах. И, несомненно, Кейтлин так дорожила мной и так любила меня! О, она на всё бы пошла ради меня... Сестрёнка, этот человек вынудил меня подыграть ему. Он обещал мне и моему мужу безбедную жизнь, если я соглашусь и подтолкну тебя в его сети. Так и получилось, Кейт...

Меня трясло, будто от лихорадки, и, когда я подняла глаза и посмотрела на сестру, то увидела, что по её щекам текли слёзы. Её губы дрожали, но всё же она произнесла твёрдо и искренне:

— Прости меня, сестра. Прости, что сделала это. Но он говорил, что был влюблён, и не желал тебя потерять. А я не хотела терять Джозефа.

Тишина наступила так неожиданно, что в первые секунды я просто не верила тому, как было спокойно и тихо. Чего-то я не понимала, чего-то понимать не хотела. Одно я знала точно: мне было больно, потому что мой мир перевернулся в очередной раз. Я вдруг стала вспоминать каждую мелочь, на которую стоило бы обратить внимание ещё очень давно: тот приём три года назад, где я впервые встретила Джейсона, и он спрашивал у Коллет обо мне; его вопрос о том, на что я была готова ради счастья сестры, и мой категоричный ответ; и письмо от дирекции Эйвинчес-Хилл о том, что я не прошла первый этап со своим сочинением...

Набрав побольше воздуха, я вдруг спросила, не поднимая головы:

— А ответ из Кардиффа... они ведь действительно отказали мне, так?

Мой муж молчал, Коллет тоже. Слишком долгим было молчание, и я приняла его за отрицательный ответ. И всё равно не могла поверить в подобное.

— Прошу всех покинуть комнату, — прозвучал глухой голос Джейсона. — Немедленно.

Я слышала слабые попытки сестры противоречить, но в конце концов в кабинете остались только мы с мужем... С мужем! Мне было не по себе от одной лишь мысли о том, что этот человек так поступил со мной... с нами. Мне стало дурно и в отчаянном порыве я закрыла рот ладонью и шумно втянула носом воздух, затем подняла глаза.

За окном солнце уже почти скрылось за горизонтом, его последние лучи золотили стены кабинета, и они окрасились в яркий цвет; совсем как стены нашего дома в Глиннете.

Я не поднималась из своего кресла, так как боялась свалиться с ватных ног. И когда Джейсон опустился на колени передо мной, положив руки по обе стороны от меня, я просто вжалась в спинку кресла.

— Милая? Любовь моя! Взгляни на меня, прошу. — Он говорил с нежностью, и если бы я не была так оскорблена открывшейся правдой, то простила бы его в тот же миг. — Кейтлин, я не знаю, что сказать...

Он потряс головой, будто дворовый пёс, взъерошил свои волосы и снова посмотрел на меня. Его лицо было бледным, глаза покраснели, и мне захотелось зарыдать из-за того, что я увидела в его взгляде. Моё сердце обливалось кровью, и мне было слишком тяжело прогнать это ощущение.

— Клянусь тебе, клянусь... — заговорил он твёрдо, — всё, что наговорила твоя сестра... всё это выглядит совершенно иначе! Дай мне объяснить! Да, сейчас ты меня презираешь, и вот почему я так долго тянул с правдой. Ты бы всё равно возненавидела меня.

— Моё сочинение приняли или нет? — сорвался с моих губ вопрос.

— Да, приняли...

Я не хотела плакать, поэтому отвернулась, когда слёзы хлынули из моих глаз. Это было так несправедливо, так подло и нечестно — это убивало меня, рвало на части изнутри.

— Любовь моя, не плачь! Умоляю, выслушай меня, — его руки потянулись ко мне, но я всячески пыталась вывернуться и не дать себя коснуться. — Я знал, что ты хотела продолжить учёбу, знал всё о твоих планах! И только представь себе: я бы пришёл просить твоей руки, а ты отвергла бы меня! То письмо всё решило окончательно, разве нет? Скажи мне сама, ты согласилась бы стать моей женой? Нет! НЕТ! Не согласилась бы! Я поехал в Кардифф и заплатил дирекции, чтобы тебе отказали, в итоге ты получила то письмо...

— Что ты сделал?!

Я не могла больше это слушать. Я была так зла, так разгневана, что начала судорожно отпихивать его и вырываться; вскочила на ноги вместе с ним, но Джейсон пытался прижать меня — дрожащую и неунимающуюся — к себе.

— Кейтлин, успокойся! Дай мне...

— Я потратила столько времени! Я так трудилась попасть туда! — кричала я, пытаюсь вырваться из его сильных рук, но он меня не отпускал. — Это был мой выбор, моя жизнь! А ты одним своим словом всё разрушил! Ты всё подстроил!

— Да, я сделал это... — он сомкнул руки вокруг меня, не позволяя даже пошевелиться.

— Ты заставил Коллет тебя слушаться! Заставил меня чувствовать себя не той женой! Ты хоть представляешь, как мне было больно?

— Я представляю...

— Ты обманул меня!

— Да, я обманул. А знаешь... почему? Потому что ты никогда не стала бы моей! Кем я был для тебя тогда? — он тряхнул меня так, что пришлось взглянуть в его глаза. — Никем! Призраком из прошлого! Помнишь приём, на котором ты пела итальянский романс? Я увидел тебя и всё понял. Понял, что нашёл ту, с кем был бы счастлив. Как молния, как вспышка — вот, что значит влюбиться. А теперь подумай, Кейтлин, подумай хорошенько! Ты вышла бы за меня тогда?

Глядя в серые глаза, влажные от слёз и усталые от этого чудовищного вечера, я ответила сама себе: нет. Мне было шестнадцать, ему — почти тридцать. О чём он думал?

— Я ждал! Сначала ждал, когда твой образ меня покинет и оставит в покое, но этого не происходило. Потом я ждал три года, чтобы ты бросила свои писательские заморочки и мечты о свободной жизни! И судьба снова оказалась ко мне жестокой... Твой отчим отказал мне. Сказал, что не станет уговаривать тебя... И тогда мне пришлось придумать... Кейт, всё это было ради нас!

«Ради тебя одного!»- хотелось крикнуть мне ему в ответ. Моя душа была изранена, она билась в клетке, красивой клетке серых глаз этого человека, в одно мгновение ставшего для меня незнакомцем.

Голос разума твердил о том, что Джейсон был прав... во многом прав. Я бы никогда не стала его женой, я бы просто отказалась от этого. И я бы никогда не познала того счастья, которое он подарил мне в эти последние месяцы. А теперь я носила его ребёнка. Меня охватила дикая злость, и, упираясь руками в его грудь, я сказала:

— Если бы я не забеременела, у Коллет было бы больше шансов предупредить меня о твоём гнусном обмане... и тогда я бы покинула тебя! Вот, что она имела в виду!

— Возможно, так и было, но лишь сначала, клянусь! — взмолился он. — Теперь же всё по-другому, ведь ты любишь меня! Ты любишь меня!

Я толкнула его и со всей силы ударила по лицу. Он не был готов к этому и выглядел жалко, прижимая ладонь к левой щеке и глядя на меня с таким глупым и наивным

удивлением. Моя голова была забита лишь мыслями о предательстве, обмане и лжи. Три года я была чьей-то целью, три года моя судьба, оказывается, была решена! Всё было напрасно: мои мечты, желания и стремления — я просто должна была стать чьей-то женой. Кто-то захотел меня, и ничего более!

Даже жестокость Мэгги Уолш не казалась мне теперь настолько отвратительной и несправедливой. С жалостью и болью я смотрела на своего мужа и мне столько хотелось ему сказать...

Утерев слёзы, я сделала глубокий вдох, дабы успокоиться. Борясь с желанием подойти к этому обманщику и утешить, ибо он плакал, его трясло от горя и осознания того, что случилось, я всё же сделала единственное, о чём после не пожалела бы.

— Боже, помоги ему! — прошептала я и развернулась, чтобы уйти.

Он звал меня по имени, снова и снова, пока дверь за мной не захлопнулась, и я не скрылась в полутёмном коридоре.

«Мертв тот, в чьей душе не распускается цветок любви».

Никто не мог помочь мне и подсказать, что делать дальше. Никто и не осмелился, даже матушка предоставила меня себе самой. Мол, всё уже случилось, теперь ты сама решаешь. А я не понимала, каково это. Стоило ли забыть всё и оставить, как есть? Или изменить, потому что Коллет и Джейсон уже изменили меня?

Я не хотела говорить с мужем, ибо наперёд знала его сладкие речи; он сказал бы мне, что ничего не изменилось, что он любит меня, а я люблю его, и то было правдой. Как бы я ни возненавидела Джейсона за эту гнусную авантюру с моим сочинением, свадьбой и далее, он всё же сумел добиться своей цели: я принадлежала ему всей своей израненной душой, я любила его больше, чем можно было бы представить.

Но даже через два дня после скандала я ясно смотрела на факты, будто они были материальны. Я считала план Джейсона мерзким, каким бы отчаянным влюблённым он ни был три года назад, или позже... Я жалела себя, свои в долгий ящик отложенные амбиции, и не хотела видеть никого из своей семьи.

Когда экономка пришла в гостевую спальню, где мне пришлось расположиться на неопределённый срок, я как раз готовилась ко сну. Я отпустила Анаис и продолжила разглядывать своё осунувшееся лицо в зеркале, перед которым сидела. Помолчав с минуту, соблюдая вежливый тон, миссис Фрай откашлялась и тихо произнесла:

— Мадам, пожалуйста. Поговорите с мастером. Мы все понимаем, что вы не скоро сможете простить его...

Я хмыкнула и покачала головой. Они понимают! Разве кто-то отбирал у них все мечты, настраивал против них семьи, принуждая к предательству?!

— Он совсем ничего не ест, он даже не спит. Только ходит, как призрак, перед этой дверью, и ждёт, когда вы впустите его. Если вы только с ним поговорите...

— Мы уже разговаривали, и ничего не изменилось. Я просто... — я была так раздражена и расстроена, и вовсе не намеревалась выслушивать жалостливые речи прислуги. — Прекратите докучать мне! Оставьте меня в покое!

И прежде, чем я договорила, она вышла из спальни, закрыв за собой дверь. Она скажет ему, что я отказываюсь говорить и мириться с ним, подумала я тогда. И пускай! Он не ел и не спал два дня! Вот беда! Да разве это достойное для него наказание?

Мне хотелось, чтобы он помучился и осознал, как мне было больно.

Несмотря на волнения и плохое настроение, я и не думала голодать. Или мой организм отказывался подчиняться сердечным мукам. Я понимала, что и мне, и ребёнку понадобятся силы, поэтому ела почти за двоих. С аппетитом проблем не возникало.

Матушка не давала мне скучать и сопровождала на прогулках. И как-то раз, пока мы медленно шли по заснеженному саду в тот солнечный и спокойный день, она решилась заговорить со мной:

— Родная моя, где ты думаешь встречать Новый Год? Учитывая все обстоятельства, я подумала... мы с Джорджи подумали, что лучше было бы на какое-то время покинуть Лейстон-Холл и вернуться домой. Если соберёмся сегодня и отправимся утром, успеем как раз в срок.

Я стояла неподвижно, глядя на голые кусты, посаженные вокруг замёрзшего фонтана; моя мать была права: мне не стоило оставаться рядом с мужем, и я в серьёз подумывала о том, чтобы уехать. Я уже не держала зла на Коллет. Она всегда была легкомысленной и ведомой, совсем как мама. Как же я отличалась от них... Как жаль, что рядом не было отца, чтобы указать мне действительно верный путь.

— Кейтлин, мы пригласим миссис Пиншем отпраздновать с нами. Она приведёт всех своих собачек, которых ты так любишь, и мы все вместе повеселимся.

— А что же Коллет? — спросила я, не поворачиваясь. — Она останется с нами?

— Она раскаивается, милая, и сделает так, как ты скажешь. Тебе решать.

В последнее время мне так часто приходилось слышать это. С каких пор я должна была за кого-то решать? Вдруг матушка подошла ко мне, взяла за руку, и я обернулась к ней. Её красивое лицо было печальным, а глаза были влажными.

— Не нужно, мама! Я справлюсь.

— Я знаю, знаю! — сказала она и обняла меня. — И всё-таки ты любишь его. Тяжело осознавать, что у такой любви столь непрочный фундамент. Однако, это не означает, что кто-то может её разрушить. Даже он сам... или ты.

Тем же вечером наши вещи были собраны, всё было готово к утреннему отъезду. Анаис долго уговаривала меня взять её с собой, но я ясно дала ей понять, что наших семейных активов едва ли хватит на её содержание в Глиннете. К тому же, никто, даже я, не знал, на какой срок я покидала Лейстон-Холл. Испытывая радость от скорой встречи с нашими добрыми соседями и возвращения в родной дом, я не могла не чувствовать волнения, потому что не могла уехать просто так, не сообщив и не простившись с Джейсоном. Он заслуживал хотя бы этого.

Я практически наткнулась на него в коридоре, когда все уже улеглись спать. Он выходил из своего кабинета и, заметив меня, резко остановился. Экономка не приукрасила правду, он действительно походил на призрака. Не стану утверждать, но, кажется, он так и не сменил тот костюм, в котором встречал Рождество. Нездоровый цвет лица, тёмные круги под глазами, взъерошенные волосы, мятая рубашка — я бы и не подумала, что мой муж мог довести себя до такого состояния.

— О, это ты! Как же хорошо, что ты пришла, — сказал он, разглядывая меня так пристально, будто не верил, что я была настоящей. — Я думал, что сойду с ума, если не увижу тебя. Милая, поговори со мной. Позволь мне только сказать...

— Я шла, чтобы предупредить тебя, — произнесла я твёрдо, хотя и не с такой уверенностью, с какой хотелось бы. — Матушка пригласила меня домой. Она хочет

встретить Новый Год в Глиннете. Мы уезжаем утренним поездом и как раз успеем вовремя.

С минуту мы просто стояли там, у двери его кабинета, и я была не в силах посмотреть на Джейсона. Понятия не имею, о чём он думал. Мне же сердце подсказывало повременить с поездкой домой, в то время как разум уговаривал держаться от этого человека подальше.

— Я тебя не отпускаю.

Я взглянула на Джейсона и сглотнула, сжав кулаки.

— Ты не можешь мне приказывать. Не после того, что натворил. Мне нужно время, понимаешь? И я знаю, что ты скажешь. Если ты начнёшь говорить со мной о своей безграничной любви до гроба, я просто ударю тебя или громко закричу, потому что это больше не аргумент.

— Ты хочешь развода? — спросил он глухо, кусая губы.

— Я этого не говорила, хотя думала об этом, но... Будем честными: я твоя жена и ношу твоего наследника. Я никогда с тобой не разведусь. Не поступлю, как Мэгги, нет.

Это было правдой, и мне вдруг стало так легко, так неожиданно легко от подобных мыслей, что дальнейшие объяснения были бы излишне. Но он так и не понял.

— Тогда не уезжай. Останься со мной.

— Нет. Ты подавляешь мою волю, разве не ясно? — я заговорила тише, приблизившись к мужу. — Нельзя просто взять и перевернуть мир какого-то человека без его на то желания! Это несправедливо, нечестно... абсурдно! Ах, да я так часто думала о тебе и Коллет, считая, что ты любил её, хотел быть с ней, а я просто оказывалась под рукой. Или ты забыл? Я чувствовала себя такой дурой, раз заставляла тебя привыкать ко мне! А потом проклинала себя за то, что помогла сестре сбежать, ведь думала, что ты был бы с ней гораздо счастливее, чем со мной.

— Прости меня.

Жестом отчаяния я отмахнулась и уже намеревалась уйти, но он схватил меня за руку и потянул к себе. Не успела я отреагировать, как оказалась в его кабинете. Джейсон закрыл дверь, прижал меня к стене, взяв моё лицо в ладони и заставив посмотреть ему в глаза.

— Ты моя! Моя, моя, моя... Я хотел тебя, я ждал тебя так долго, и думаешь, я не мучился? Моя совесть не хуже, чем у Коллет, — будто обезумевший он гладил мои щеки, касался губами моей кожи; его дыхание стало учащённым. — Но пришлось так поступить. Да, пришлось, и я своей вины не отрицаю. Но я люблю тебя... тише, молчи! Как ещё я мог бы тебя добиться, если бы не вынудил?

— Люби ты меня по-настоящему, ты позволил бы мне учиться. Ты меня переделал.

А потом он отпустил меня. Нехотя, медленно. Я словно стала быстрым потоком воды, протекающим сквозь его пальцы. Джейсон долго смотрел на меня, затем кивнул, будто пришёл к какому-то заключению; он подошёл к письменному столу, взял стакан, наполовину наполненный тёмной жидкостью, и разом его осушил. Через несколько минут он сказал, даже не обернувшись ко мне:

— Можешь уезжать. У тебя столько времени, сколько захочешь. Но сначала дай слово, что позволишь быть рядом, когда родится ребёнок, и не откажешься от любых денег, если я пришлю их.

Но я не думала, что всё зайдёт так далеко! И я едва не высказала свою мысль вслух. Тогда я поняла, что моя маленькая месть переходила дозволенные границы, и я могла пострадать от неё. Однако, я промолчала. Я всё пообещала ему, как он и просил.

— Помнишь, как твой брат уехал перед Рождеством? — спросила я перед тем, как

покинуть кабинет. — Это из-за того, что он всё узнал, верно?

— Верно. Но ты не подумай о нём плохо, он ничего тебе не сказал лишь из-за нашей с ним кровной связи. В противном случае, он сам бы тебя и увёз.

Я вспомнила, как подслушала разговор двух братьев той ночью. Эдвард говорил, что Джейсон не сможет скрывать от меня правду, а после обязательно меня потеряет.

Эдвард всё-таки был умным человеком.

Джейсон Готье родился в пасмурный день в большом старом доме на окраине Глиннета; кажется, то был вторник, и слуги суетились и бегали, распахивая и толкая друг друга. На маленького Эдварда тогда никто не обращал внимания; он беззаботно играл с мохнатым спаниелем своей матери, пока домочадцы были заняты по непонятной ребёнку причине.

Акушерка громко кричала, чтобы миссис Готье тужилась изо всех сил, кричала даже громче, чем роженица. Но эти роды показались ей куда легче, чем первые. И не больше, чем через час, хозяин дома держал на своих руках прелестного мальчика с невероятными серыми глазами, словно глядевшими вам в самую душу.

Он рос сообразительным, невероятно послушным, и в то же время мальчик казался независимым, как истинный маленький джентльмен. Родители любили баловать его, снисходительно относились к редким мелким проказам, случавшимся в основном из-за старшего брата. Даже строгий дед, мистер Браун, уроженец Дижона, поощрял внука с несвойственной ему нежностью.

Супругов Готье не стало, когда Джейсону исполнилось четырнадцать; братья остались сиротами и были отосланы к деду в развивающийся городок на юго-востоке Англии. Эдвард так и не смирился с потерей родителей и столь значительными переменами. Жизнь с таким человеком, как мистер Браун, была ему в тягость, и он уехал через несколько лет после смерти родителей. Тогда же Джейсон стал совсем замкнутым, не отвлекался ни на что, лишь прилежно учился и следовал строгим советам богатого деда.

На светских приёмах господ с почтением смотрели на юношу, державшегося перед ними, как принц, учтвого и вежливого. Он с гордостью носил свою фамилию и обещал стать успешным человеком, так что его единственному родственнику было, чем похвастать перед соседями.

Дамы и юные леди неустанно флиртовали с ним, но в женитьбе он совершенно не был заинтересован. А женщины видели очаровательного молодого человека с прекрасным чувством юмора и немалым наследством и ломали головы, как же добиться его расположения. Они не стеснялись вздыхать, стоило лишь краем уха услышать его глубокий голос, когда он рассуждал о политике или прогрессе. Молодой Готье не обращал внимания на откровенные попытки женщин соблазнить его, ему было комфортно в своём невинном одиночестве, он вполне был бы рад удержать свою юность...

Если бы не встретил Мэгги Уолш.

Никто так и не понял, чем она завлекла его. Несомненно, она была красива, греховно красива и притягательна. Джейсона не смутила ни разница в возрасте, ни её любовь к флирту и нескончаемым празднествам, ни уговоры деда порвать с ней раз и навсегда. Общество решило, что юноша влюбился, это было нормально, ведь роковая красавица приняла его предложение.

Джейсону шёл девятнадцатый год, когда он женился на Мэгги.

Ни через год, ни через три и больше у них не появились дети. Вызывающее поведение супруги Готье возбуждало негодование у общественности, а Джейсон словно не замечал этого. Он работал над новыми строительными проектами, выбрав для себя наипростейший способ как можно реже появляться на публике.

Давно не стало его деда, молодой человек был богат, но холоден ко всему, что творилось вокруг него.

Узнав тайну Мэгги и её брата, он не перестал вести привычный образ жизни. Всё шло, как и раньше. И это раздражало его жену всё больше и больше. Осознание того, что она так и не сумела разжечь огонь в этом мужчине, бесило Мэгги; она даже стала сомневаться в своей страстной любви к брату, настолько сильно её тянуло к безразличию супруга. А скорее к тому, как бы сломать его и заставить хоть что-то чувствовать.

За шесть лет совместной жизни они делили постель всего несколько раз. Мэгги умела заставить мужа чувствовать себя ничтожеством в любовных делах.

— Ты даже не можешь заставить меня почувствовать страсть, — говорила она с издёвкой; она обожала дразнить его, зная, что он не захочет ответить. — Как же тебе должно быть стыдно и противно, дорогой! Ты ни разу не сумел довести меня до оргазма. Слабак! Да что ты за мужчина?.. Советую тебе поехать в Лондон и поискать там для себя какую-нибудь умелую шлюху. Когда она научит тебя некоторым приёмчикам, можешь вернуться ко мне. И, возможно, я тебя приму.

Её неожиданная беременность многое изменила; Готье смягчился, и нежная улыбка то и дело играла на его красивых губах. Но позже, потеряв ребёнка, Мэгги окончательно потеряла и своего мужа. Он не обращал на неё внимания, даже избегал её, работая и уезжая на долгое время, оставляя её. Она злилась. На него, за его холодность, на себя, потому что он был ей нужен. Но он не любил её.

Новость о желании Джейсона развестись стала для всей семьи Уолш шоком. Мэгги думала, что до подобного ни за что не дойдёт, но вот супруг уже стоял перед ней с готовыми документами, спокойно и безразлично бросая ей в лицо:

— Нас с тобой больше не существует. Это конец. Скоро я отправляюсь в Африку с товарищами мистера Брауна и прошу тебя как можно скорее подписать бумаги.

В тот день она едва не разбила о его голову дорогую вазу, которую в порыве гнева бросила в мужа. Повстречавшийся ему через несколько вечеров Роберт Уолш угрожал дуэлью, но до этого так и не дошло. Джейсон уехал в Глиннет, чтобы продать старый дом, где он родился и рос. Когда давние знакомые его семьи, некие Стрэнтоны, о которых он почти не слышал, пригласили его в гости, он с неохотой согласился. Что-то подтолкнуло его пойти, предстать перед теми людьми, таким образом официально давая понять, что слухи о его разводе — чистейшая правда.

Это был скучный, ничего не обещающий майский вечер. Кто-то из гостей объявил, что некая Кейтлин, юная дочка покойного сэра Стивена Травести, споёт итальянский романс, и Джейсон с привычной безразличностью подошёл ближе, чтобы послушать.

Когда девушка запела, он дёрнулся, словно коснувшись оголённого провода, но тут же поспешил взять себя в руки.

«И день ото дня я хочу видеть лишь тебя,
Мы вместе, а значит, я никогда не буду одна.
Без страха, я знаю, я останусь с тобой...»

Отчего-то ему стало больно слушать; сердце заныло, оно рвалось из груди, и кровь

стучала в висках. Тогда он подумал, что начал сходить с ума. У этой исполнительницы был идеальный слух, высокий голос казался чистым, завораживающим... Увидев обладательницу этого голоса, Готье отметил с печалью, смешанной с радостью, что она была совсем юна. Совсем ребёнок! На вид лет пятнадцать, не больше. И пока она пела, он смотрел на неё, как и все гости; смотрел, не отрываясь, пытаясь запомнить её: длинные волосы светло-медного оттенка были заплетены в две косички, круглое личико было бледным, видимо, от волнения; её глаза имели редкий цвет — зелёный в сочетании с коричневым; полные губы были розовыми и такими манящими, что кроме как «невинность» Готье не мог ничего придумать.

Невинная маленькая леди в далеко не новом и совершенно не модном платье, тоненькая и невысокая. Она стояла там, преисполненная безнадежной надежды поскорее убежать и скрыться. Джейсон вдруг подумал, что знает её. Её чувства, её желания, и они были схожи с его собственными. Они были похожи!

Он разузнал у знакомых об этой семье. Мать-вдова и две дочери. Взглянув на старшую, Готье понял, что среди роскоши и празднества ей было самое место. Она купалась в комплиментах и была недурна, да. И в то же время, сёстры были неразлучны. Всё время вместе, хихикали и шептались. И если мисс Коллет отвлекалась, то её сестрёнка скромно стояла, опустив голову. Они были очень дружны, отметил Джейсон.

Он долго истязал себя желанием подойти и познакомиться. Что подумает её мать? Что подумают остальные? Нет, так нельзя было! Он бы напугал её. Претерпевая дикое желание, он пригласил старшую сестру на вальс, не заботясь, умеет ли она танцевать. Всё прошло неплохо, весьма неплохо.

Кейтлин хочет учиться в Кардиффе. Она любит читать, гулять в одиночестве и писать стихи. Прелестно! Но ему это мало, что давало. Джейсон вдруг понял, что рано попался в сети. Слишком рано для этой маленькой Кейтлин, но уже поздно для него самого. Он не сомневался, ибо то была любовь: ничего подобного он не испытывал ни разу в жизни, и эти чувства были сравни эйфории.

Шестнадцать лет! Ах, ну нельзя просить её руки сейчас... И он решил ждать. Вряд ли она выйдет замуж до того, как он сам решит посвататься, однако, всё-таки регулярно справлялся об этой семье, об их успехах и бедах.

Какое-то время он боролся с собой. Он не мог работать, то и дело отвлекался на мысли об этой девушке с голосом ангела; ночами он запирался в своей спальне, ложился в постель и жалел себя, проклинал за то, что это случилось с ним, с ней. Его глодали такие невероятные мысли, такие запретные желания, что он сам себя боялся. Как будто впервые он посмотрел на себя со стороны: он был жив, он был мужчиной, совсем ещё молодым, и он едва не похоронил себя рядом с женщиной, которая напоминала ему Дьявола.

Джейсон стал одержим. Несколько раз он порывался прийти и заявить о том, что хочет Кейтлин себе в жёны, но успешно сдерживался. Дни напролёт он представлял, как через пару лет эта девочка вырастет, окрепнет и больше не будет похожей на невинного ребёнка. Он сделает ей предложение и увезёт с собой... Построит для них дом, их собственный, где сделает её счастливой!

Время тянулось непростительно долго; мужчина считал своё вожеление непристойным и запретным, как грех, но избавиться от этого не мог. За произошедшим он позабыл, что их развод с Мэгги Уолш так и остался неподтверждённым. И он вызвал её для долгого разговора, где были и слёзы, и мольбы. Эта женщина никогда не вела себя так, подумал он тогда.

Его терпение кончалось, и, дабы пресечь очередную попытку отложить развод, он заявил с неприкрытой гордостью:

— У меня есть избранница, Мэгги. Есть та, с которой я хочу прожить до конца своих дней. Ты понимаешь? Я желаю избавиться от тебя, чтобы передо мной больше не возникало никаких препятствий к этому браку. Это именно то, чего я хочу.

Были проклятья, оскорбления и снова слёзы. Он знал, каким позором для Мэгги станет этот развод, но ему было всё равно. Парочка лет, и он свяжет судьбу с той, которую действительно хочет. И ничего не изменится.

В последнюю ночь перед отъездом Мэгги пришла к нему. Он не проснулся, когда она вошла в его спальню; не проснулся, когда она разделась и забралась в его постель. Её холодные руки заскользили по его обнажённым плечам, и это заставило его очнуться.

— Убирайся прочь! — прошипел Джейсон с яростью. — Убирайся, или я тебя убью.

Её прекрасное тело белело в темноте, длинные волосы рассыпались по подушке, и она потянулась к нему, обнимая и целуя. И когда всё случилось, он даже не смог сопротивляться. Омерзение и стыд настигли его гораздо позже. Но за те несколько минут, когда он, как сумасшедший, набросился на неё и взял, словно дикарь, Джейсон пережил наслаждение невероятной силы. Он представлял лицо и тело совершенно другой девушки, чья невинность и молодость так мешали ему и одновременно восхищали. У его любовницы, которая заставила его потерять голову, были зелёные глаза, а не порочные и тёмные; у неё была светлая кожа и полные губы, сулящие только самые нежные поцелуи; это с ней он занимался любовью, с ней он потерял контроль, а не с Мэгги.

И потом, встав и одевшись, он повернулся к бывшей супруге и раздражённо сказал:

— Чтобы завтра же тебя здесь не было!

— Будь ты проклят, Джейсон Готье! Ты и твоя шлюшка, кем бы она ни была! Я ненавижу вас обоих!

Её яростные крики больше не заботили его.

Он видел свою цель ясно и чётко.

Он решил, что ни перед чем не отступится, лишь бы Кейтлин была с ним. С ней он познает истинное счастье, да, именно с ней. Он будет любить её, страстно и бесконечно любить, и у них появятся замечательные дети.

Никогда ещё он не чувствовал себя таким счастливым.

Три года он путешествовал и натерпелся сполна, а, вернувшись, ждал, когда сможет взять счастье в свои руки. Но оно ускользнуло от него, словно песок сквозь пальцы. Его возлюбленная выросла, стала очаровательной и гордой... и не желала выходить замуж. Её отчим, тот ещё брызга и дурак, отказал даже говорить с ней о женитьбе.

Он ненавидел его! Ненавидел свою упрямую любовь! Девчонку, которая никак не отдавала назад его слабого сердца.

И тогда возник план. И он сделает всё, чтобы заставить её быть с ним! Она принесёт себя в жертву во имя их общего благополучия и любви, но ничего... Она всё поймёт, поймёт, потому что будет любить его ещё сильнее, чем он её, хотя такое вряд ли возможно...

А если она откажется?

Если не предложит себя вместо сестры?

Что ж, и это не беда. Он раскроет все карты и не оставит её в покое, пока она не будет принадлежать ему и только ему. Похитит, скроет ото всех — какая разница?

Разве нельзя пожертвовать всем ради великой любви?

Примечание к части

Бернард де Вентадорн, провансальский лирический поэт XII века.

После Нового Года — весьма тихого и скромного праздника для нашей семьи — жизнь вошла в привычную колею. Порой мне просто казалось, что я никогда и не покидала родной дом. Дни были пасмурными и дождливыми, но не было даже намёка на снег. Ривер-Нэт не замерзала, а деревья у нас во дворе оставались одетыми в тускло-жёлтую листву.

Я действительно соскучилась по этому старому дому моего детства: его серые камни, темнеющие у самой земли, черепичная крыша, когда-то светлого синего цвета, и вечно скрипучая дверь с тяжёлым кольцом, за которое дёргали соседи и стучались, давая нам знать о своём визите.

На столе, в крохотной светлой столовой, как и всегда, можно было найти деревянную доску, на которой мать обязательно забывала незаточенный нож, кусок сыра или большой ломоть хлеба под полотенцем. Из открытого окна, прямоком во двор, доносились запахи готовки; в детстве мы с сестрой, играя позади дома, сразу могли угадать, что ожидало нас на ужин.

Так прошла неделя, или около того. Мне не нужно было заново привыкать к жизни без многочисленных слуг или горничных, наша пища была намного скромнее, но, стоит признать, и в деньгах мы более не нуждались. Время от времени мы получали небольшую сумму от пожилого камердинера моего мужа; он приносил конверт в воскресенье или понедельник, желал всего наилучшего и уходил. Мать вслух читала письма и откладывала деньги при мне, дабы я знала их местонахождение.

Джейсон ни разу не попросил меня вернуться, больше не молил о прощении или о скорой встрече. Судя по всему, и он не собирался к нам. После спада холодов он думал продолжать работу, и его люди уже были готовы. К тому времени, как в городе стихли отголоски праздников, я стала понимать всю ничтожность нашей разлуки, но понятия не имела, как вести себя дальше.

Едва не решив вернуться в Англию, я тут же передумала. Мать и отчим отговаривали меня, да и частые боли в спине намекали о том, что поздно было путешествовать. Я чувствовала себя хуже с каждым новым днём и, возможно, прокляла бы всё на свете, если бы не поддержка матери и Коллет, которая решила остаться с нами до рождения моего ребёнка.

Вскоре я могла в полной мере ощутить все радости (и не только) своего положения. Но несмотря на ухудшающееся физическое состояние, я трезво смотрела на вещи и терпела любые боли и капризы своего тела. И я очень скучала по мужу. Я не решалась написать ему и просить приехать, мне казалось, что так я выставлю его дураком; я бросила его, а спустя несколько недель стала бы звать к себе, словно это было так легко! Я не могла так с ним поступить и решила немного подождать.

— Вот увидишь, он приедет сам, — говорила мне мать время от времени. — Он гордый, конечно, но не настолько.

Однако, примерно через месяц после возвращения домой, я получила письмо от Джейсона, которое разрушило все мои мечты и планы.

Это было рано утром, тихим пасмурным утром, слишком уж тёмным; я проводила камердинера, закрыла дверь и отправилась в спальню, где и распечатала конверт.

«Дорогая моя Кейтлин,

Я не стану ходить вокруг да около, чтобы не оттягивать момент неизбежного. Спешу

сообщить тебе новости из столицы: кое-кто из моих влиятельных знакомых решил пригласить меня для встречи с Её Величеством, которая выказала желание познакомиться со мной. Я был в равной степени как счастлив, получив это приглашение, так и напуган... Больше всего я жалею, что тебя не будет рядом. В таком случае я не мучился бы, а был уверен в решимости хоть горы свернуть!

Встреча пройдёт в неофициальной обстановке, в её Кенсингтонском дворце, что, несомненно, только радует.

К сожалению, именно от решения королевы зависит моё ближайшее будущее; поскольку сейчас она пребывает не в лучшем расположении духа из-за ссоры с премьер-министром, а мой влиятельный знакомый настаивает на своей кандидатуре в качестве такового хотя бы на ближайшие несколько недель, Виктория должна будет указать мне путь: остаться в столице или отправиться в Бирму, поскольку в Лондоне обеспокоены влиянием французов на местных... Все эти политические войны, из-за которых страдают невинные люди, совершенно не вдохновляют меня, Кейт. Надеюсь, ты не думаешь, что я становлюсь бесчувственным тираном, когда дело касается службы.

В любом случае, я должен буду подчиниться Её Величеству. Правда, если её решение в большей степени коснётся Бирмы, мне придётся пробыть там не меньше года... Эти мысли убивают меня, как и то, что ты злишься, что ты уехала от меня. Но я буду терпелив, как и три года назад, когда понял, что нам судьбой предназначено быть вместе.

С любовью, твой известный раб и муж,

Дж.»

Я почти скомкала письмо, но потом тут же распрямила листок и отложила его к другим бумагам. Тяжело опустившись на большой, дубовый стул, я склонилась над столом и сжала голову руками. Мне нужно было сосредоточиться и понять, наконец, как всё изменить, но я странным образом была заиклена на том, что написать Джейсону будет слишком эгоистично.

Я страдала без него. Каким-то шестым чувством понимала, что он тоже дразнил меня. Он поступал так долгое время со дня нашей свадьбы, чтобы я не догадалась о его «вселенском» обмане. Я злилась на него, потому что он, как искусный механик, разобрал меня и переделал по своему желанию... и я влюбилась. Его план сработал, и я была счастлива, пока всё не раскрылось.

Эти мысли помогали мне переживать долгие дни одиночества и истощения. Февраль уже всю вступил в свои права, а моё душевное состояние, вперемешку с физическим, оставляло желать лучшего. В конце концов, сама Коллет не выдержала и заявила, что отправит своего мужа в Лондон, и там он отыщет «этого проклятого англичанина» и заставит приехать в Глиннет. Я была благодарна ей за заботу, благодарна всем за то, что терпели мою меланхолию и бесконечные скитания по дому в ночное время (мой сон окончательно испортился), но не собиралась заставлять мистера Рэтмора делать подобное.

За две недели до празднования дня святого Дэвида сестра с мужем уехали по неким делам и обещали вернуться совсем скоро; я сидела в столовой перед единственной горящей свечой и перечитывала короткое письмо, написанное мной много дней назад, и которое я так и не удосужилась отправить по назначению. Раньше я никогда не считала себя слабовольной. Это качество, скорее, больше подходило матери. Но теперь, после всего, что с нами произошло, я больше не ощущала себя независимой и сильной. Более того, мне казалось, что я таковой никогда и не была.

По сравнению с этим одиночеством, которое высасывало из меня все силы и желания, жестокость Джейсона по отношению ко мне просто таяла на глазах. Бывало, я считала его страстную любовь едва ли не благословением, а в следующую секунду понимала, что это настоящая разрушительная сила, которая сметает всё на своём пути. Поэтому мне так боязно было отправлять то письмо.

Когда огонёк свечи заплясал на сквозняке, я подняла голову и вдруг заметила за окном подъехавший кэб. Решив, что это Коллет с супругом вернулись домой, я медленно поднялась на ноги, пытаясь игнорировать тупую боль в конечностях, и поспешила открыть дверь. Однако, снаружи я обнаружила совсем не сестру.

Сначала я услышала его голос, от неожиданности глупо уставясь в полутьму. Поскольку кэб отъехал слишком быстро, увозя с собой единственный горящий фонарь, я разглядела перед собой только тёмный силуэт мужчины.

— Здравствуй, Кейт. Могу я войти? — сказал он, и я отступила, чтобы впустить его внутрь.

Джейсон был одет в чёрное пальто, судя по всему, новое и весьма дорогое, костюм тёмно-синего цвета и начищенные до блеска туфли.

Он улыбался мне так тепло и нежно, что я тут же вытянулась, а боль как рукой сняло. Я вдруг поняла, что смотрела на него слишком пристально, будто призрак увидела, но ничего не могла с собой поделать. Он был бледен и явно давно не брился, но на мой взгляд всё равно выглядел, как самый совершенный мужчина на свете.

Не переставая улыбаться, он оглядел меня с ног до головы и весело сказал:

— Надо же! Как ты изменилась! Тебя стало немного больше, Кейт, но от этого ты только красивее.

Его комплимент показался мне слегка неумелым, но оттого, что я так долго не слышала его голос, не смотрела в эти любимые, серые глаза, сильнейшие чувства возобладали надо мной, и я поняла, что вот-вот разрыдаюсь. Что и вышло.

Пока Джейсон думал, куда поставить свой саквояж, я опустилась в глубокое кресло у окна и тайком вытерла влажные щёки.

— Видела бы ты меня на приёме у Её Величества! Это был настоящий позор! — говорил он с искренней весёлостью, снимая пальто. — Во-первых, я опоздал минут на тридцать, не меньше. Но она мне на это не указала. Во-вторых, я дрожал перед ней, как осиновый лист, и вообще имел неосторожность часто заикаться. Никогда так не волновался! К счастью, маркиз Солсбери отвлёк нас разговором. Позже он сказал мне, что я был похож на провинившегося школьника, а не на серьёзного капитана в отставке... Кейтлин?

Я попыталась изобразить улыбку, но, скорее всего, это было жалкое подобие таковой. С минуту мы смотрели друг на друга; я — со слезами на глазах, он — спокойно и с нежностью. Наконец, он подошёл ко мне, опустился рядом, взяв мои похолодевшие руки в свои, и принялся успокаивать:

— Ну что ты, Кейт? К чему теперь эти слёзы? Не нужно, не нужно плакать.

— Я думала, что ты уедешь... и мы не увидимся, — произнесла я, всхлипывая.

— Нет, твоему примеру я бы не последовал. Хорошо, забудем об этом, потому что не в моих интересах дуться.

Я согласно кивнула и, глубоко вздохнув, сказала уже спокойней:

— Ты не сердись, что я оставила тебя?

— Нет, ни в коем случае!

— Я думала, что ты дразнишь меня долгой разлукой. И, на самом деле, я попалась. Как и всегда.

Его улыбка давно померкла, теперь он выглядел, скорее, опечаленным. Протянув руку, Джейсон коснулся моей щеки и погладил пальцами кожу.

— Я заслужил то, что ты заставила меня испытать. Вообще-то, я был немного удивлён, когда ты меня впустила. Это значит, что ты прощаешь меня?

И в тот момент я вдруг поняла, что никакой обиды и не было. То есть, она была, но совсем не то, о чём я предполагала. Я злилась, потому что меня лишили жизни, о которой я и понятия не имела: одиночество где-то в чужом городе, работа с такими же чужими людьми, без точной гарантии на безбедное и светлое будущее. Вместо осуществления желаний юной, дерзкой особы, я получила шанс полюбить, как страстная женщина. К тому же, я сумела исправить ошибки, совершённые людьми, которые ранили Джейсона. Если бы не его действия, я могла бы сгинуть, как женщина, и остаться такой же холодной и слепой, какой была раньше. А он остался бы несчастным до конца жизни...

— Раньше я об этом не думала, — произнесла я шёпотом.

— О чём не думала? Простить меня? — переспросил Джейсон удивлённо.

— Нет, это лишь мысли вслух.

В его глазах я видела ожидание и сдерживаемое нетерпение. В душе я испытала настоящую радость, ведь он ждал меня. Ждал так же, как и я его.

Моя ладонь скользнула в его руку, и я почувствовала знакомое тепло, как и всегда, от прикосновения к этому мужчине.

Когда я выросла, обрела ясный ум и способность здраво смотреть на окружающий мир, я пожелала стать свободной. И я стала, он помог мне в этом. Я больше не могла полагаться на то, что гордость станет моей защитой. Да и не хотела этого.

Я сама потянулась к нему, взяла его лицо в свои ладони и коснулась губами его колючей щеки. Когда его губы прижались к моим, а тёплые руки сжали плечи, я в каком-то немом изумлении подчинилась и подалась вперёд, к нему, обнимая, открываясь ему. А через несколько мгновений, когда он вдруг отстранился, я ощутила слабый, но резкий толчок своего ребёнка. Ладонь Джейсона была прижата к моему животу, и, когда наши взгляды встретились, я поняла, что он разделил со мной момент этого бесконечного родительского счастья. Мы улыбались, глядя друг на друга, и я знала, что была навеки соединена с этим мужчиной...

ЭПИЛОГ

Если бы меня попросили описать тот день, когда родился мой сын, я бы охотно сделала это, не упуская ни одной подробности. Так уж сложилось, что солнце в то утро впервые за несколько недель явило себя, и дождя не было. Пока город готовился к празднику Весны, наш дом готовился принять нового члена семьи. Из-за продолжительных болей и соответствующих недомоганий я невольно превратилась в злую и раздражительную особу, совершенно непохожую на себя и способную только охать и хвататься за любой предмет в доме, чтобы как-то перетерпеть муки.

Я не замечала, с какими лицами вокруг меня суетились родители и сестра, даже не слышала, как утешал меня муж. И только когда всё случилось, мне сообщили, что прошло несколько часов. Несколько часов мучений, о которых я почти ничего не помнила!

— И слава Богу, дорогая! — говорила мне мать. — Тебе повезло родить такого крепыша без последствий, знаешь? Сестра твоего отца была такой же худенькой, как и ты, а вот с её

беременностью всё кончилось печально...

Джейсон тогда поспешил выпроводить разнервничавшуюся матушку из спальни и закрыл за ней дверь. Он тихо опустился на край постели, где отдыхали я и маленький сероглазый человечек, который мирно спал рядом со мной и лишь иногда шевелил крохотными пальчиками во сне.

— Знаешь, почему королева тогда не послала меня в Бирму? — шёпотом спросил мой муж.

— Нет, ты ведь так и не рассказал, — ответила я так же тихо.

— Между делом я сообщил ей, что ты беременна, и я скоро стану отцом. — Он улыбнулся, глядя на сына, и хмыкнул. — Тогда она назвала меня «полным ослом» и велела быстрее возвращаться домой, к жене, которую я должен боготворить и на руках носить. Она оказалась права, я был ослом...

— Я рада, что ты так хорошо воспитан. Королевские приказы нарушать нельзя.

Сдерживая улыбку, я мысленно благодарила Господа за то, что он создал Джейсона таким, и за все его хитрости, и горячее, страстное сердце, принадлежавшее мне до конца дней. И то утро, наполненное гармонией, утопало в тишине, пока в соседней комнате не запела маленькая, жёлтая канарейка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net